

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страны и народы»

201-95

8554-0

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ
И. А. ЧЕБОКСАРОВА

НАРОДЫ РАСЫ КУЛЬТУРЫ

Издание второе исправленное,
дополненное

Ответственный редактор
академик
Ю. В. БРОМЛЕЙ

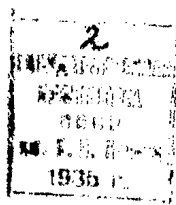

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Книга рассказывает: какие народы населяют Землю? Как складывалась этническая карта мира? Как, когда и где возникли человеческие расы? Как наследуются и изменяются расовые признаки — цвет кожи, форма волос, рост, группа крови и др.? Что такое культура, как возникли новые и сохранялись старые культурные навыки, какова роль культуры в развитии человечества, в современном научно-техническом и социальном прогрессе? В книге широко использованы материалы, собранные авторами во время экспедиций по нашей стране, а также Индонезии, Китаю, Японии, Польше, Финляндии и др. Издание иллюстрировано.

Рецензенты

Н. И. ПУЧКОВ, А. А. ЗУБОВ

К ЧИТАТЕЛЯМ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

Книга «Народы, расы, культуры» посвящена различным социальным и биологическим группам человечества, связанным единством происхождения и основного исторического пути развития, но различающимся по природным (экологическим) условиям существования, физическому облику, языку, характерным особенностям хозяйства, общественного строя и образа жизни.

В первом разделе книги «Народы» рассматриваются народы (этнотипы), которые складываются в разные исторические периоды на определенной территории и экономической базе и существуют длительное время в качестве устойчивых культурно-языковых общностей со своим названием и выраженным самосознанием. В этнографии (науке о народах) большое место уделяется вопросам языковой классификации, происхождения народов (этногенезу), типам этнических общностей внутри разных социально-экономических формаций (племена, народности, буржуазные и социалистические нации), а также вопросам этнодемографии, т. е. численности народов, очень важным для решения всех перечисленных проблем.

Второй раздел книги озаглавлен «Расы». В отличие от этносов расы представляют собой биологические ареальные категории, которые формируются на основе террито-

РБ

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплет- ной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстра- ции	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197-2
17							170	170

170

К ЧИТАТЕЛЯМ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

Книга «Народы, расы, культуры» посвящена различным социальным и биологическим группам человечества, связанным единством происхождения и основного исторического пути развития, но различающимся по природным (экологическим) условиям существования, физическому облику, языку, характерным особенностям хозяйства, общественного строя и образа жизни.

В первом разделе книги «Народы» рассматриваются народы (этнотыпы), которые складываются в разные исторические периоды на определенной территории и экономической базе и существуют длительное время в качестве устойчивых культурно-языковых общностей со своим названием и выраженным самосознанием. В этнографии (науке о народах) большое место уделяется вопросам языковой классификации, происхождения народов (этногенезу), типам этнических общностей внутри разных социально-экономических формаций (племена, народности, буржуазные и социалистические нации), а также вопросам этнодемографии, т. е. численности народов, очень важным для решения всех нерешенных проблем.

Второй раздел книги озаглавлен «Расы». В отличие от этносов расы представляют собой биологические ареальные категории, которые формируются на основе территориальных человеческих популяций, отличаются друг от друга наследственными морфологическими и физиологическими особенностями. В этом разделе большое место уделено проблемам классификаций, генетике расовых признаков, факторам расообразования, соотношения расовых и этнических общностей, критике реакционных псевдонаучных концепций расизма, разоблачению апартаида и геноцида.

В разделе «Культура» рассматривается вопрос о понимании культуры как специфического способа человеческой деятельности, включая и ее результаты, созданные в процессе коллективного труда всеми народами мира. В отличие от животных люди не только адаптируются к

экологической среде, но и активно приспособливают ее к своим непрерывно растущим материальным и духовным потребностям. Много внимания уделено теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, разработанной советскими учеными. Развитие культуры происходит диалектически в противоречивом взаимодействии традиций, передающихся от поколения к поколению, и инноваций, которые с течением времени сами становятся традициями. В классовом обществе культурные особенности эксплуатируемых и эксплуататорских классов, а также всевозможных социальных групп довольно резко отличаются друг от друга. Подлинная всенародная культура трудящихся складывается только при социализме, который обеспечивает наиболее высокие темпы научно-технического прогресса и расцвет культуры каждого народа.

Таким образом в книге «Народы, расы, культуры» авторы стремились рассмотреть проблемы этнографии и антропологии комплексно, опираясь на новейшие достижения как общественных, так и естественных наук. В книге использованы оригинальные материалы, собранные во время путешествий и полевых работ авторов у народов СССР, Индии, Индонезии, Китая, Японии, Польши, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Финляндии и других стран.

Настоящий текст уточнен и существенно дополнен по сравнению с первым изданием книги (1971 г.).

Авторы этой книги: Чебоксаров Николай Николаевич — профессор антропологии и этнографии, доктор исторических наук, дважды лауреат премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая и Чебоксарова Ирина Абрамовна — педагог-биолог.

Первое издание книги было удостоено почетных дипломов на конкурсе лучших книг, проведенном Всесоюзным обществом «Знание» в 1972 г. Книга была переведена на эстонский, литовский, чешский, немецкий, венгерский, болгарский языки. Раздел «Культура» был переведен на вьетнамский язык. Большую помощь в подготовке этого издания оказали С. И. Брук, А. А. Зубов и П. И. Пучков.

НАРОДЫ

ЧТО ТАКОЕ НАРОД

По-русски слово «народ» употребляется в разных значениях. Если мы говорим: «Как много народа!» — то имеем в виду просто большое скопление людей. В другом смысле то же слово употребляется в таких выражениях, как «советский народ», «индийский народ» или «народ Франции». Здесь мы подразумеваем всех граждан того или иного государства. В нашей стране, где успешно завершено строительство социализма и происходит переход к коммунизму, «народ» — это все граждане СССР, принадлежащие к разным социальным группам трудящихся, — рабочие, крестьяне, интеллигенция. Понятия «народ» и «трудящиеся» у нас по существу совпадают, так как нетрудящихся — представителей различных эксплуататорских классов — в Советском Союзе нет.

В капиталистических странах, где у власти — эксплуататорские классы, слово «народ» часто применяется для обозначения широких масс населения и в этом смысле как бы противопоставляется эксплуататорским его группам. Но так как в любой стране и в любую историческую эпоху трудящиеся всегда составляют абсолютное большинство населения, то и в этом случае понятия «народ» и «трудящиеся» оказываются близкими друг к другу. Примером употребления термина «народный» в этом смысле может служить выражение «народный фронт», которым во многих странах обозначается объединение различных прогрессивных партий и организаций для борьбы за демократию. Когда после разгрома Советской Армией гитлеровской Германии в Европе образовались государства, в которых власть перешла в руки народа, т. е. широких трудящихся масс, то государства эти получили названия «народных республик» (Польская Народная Республика, Венгерская Народная Республика, Народная Республика Болгария и др.). После разгрома японских милитаристов в Восточной Азии возникла Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия стала Народной Республикой еще раньше, в 1924 г. Для обозначения политического строя этих республик часто применяется термин «народная демократия», которая истори-

чески выполняет роль диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму.

Однако по-русски слово «народ» не менее часто употребляется и в другом смысле. Если мы говорим, например, «русский народ», то имеем в виду большую общность людей, которые считают себя русскими и по многим признакам отличаются от других подобных же исторически развивающихся коллективов. В этом же смысле мы говорим «украинский народ», «белорусский народ», «армянский народ», «польский народ», «английский народ» и т. д. Очевидно, люди, принадлежащие к этим народам, могут относиться к разным социальным группам населения (в том числе и к эксплуататорским) и быть гражданами различных государств. Хорошо известно, что немало русских, украинцев, белорусов и особенно армян и теперь живет за рубежом. Русских, например, при общей численности 142,8 млн. в СССР насчитывается 141 млн., остальные — в Америке, в различных странах зарубежной Европы, зарубежной Азии, в Австралии и т. п. Армян на земном шаре 6,3 млн., в СССР из них живет 4,5 млн., 1,9 млн. — в различных странах Азии (Сирия, Иран, Ливан, Турция и др.), Америке (главным образом в США — 700 тыс., в Аргентине — 70 тыс.), зарубежной Европе; в Египте их около 30 тыс. Подобно этому из 42 млн. поляков в Польше и других странах зарубежной Европы живет 36 млн. человек. Остальные расселены в Америке, в СССР, есть и в Австралии. Англичан на земном шаре 48,7 млн.: в том числе в Великобритании — 43,9 млн., в ЮАР 1,6 млн., в США и Канаде — по 700 тыс., в Австралии и Океании — свыше 1 млн. и в Индии 200 тыс. Однако подавляющее большинство из них продолжает ясно сознавать свою принадлежность к родным народам.

Известно, что основы многих отраслей знания, в том числе и науки о народах, были заложены в Древней Греции около 2—2,5 тыс. лет назад, современная наука часто пользуется терминами, взятыми из греческого языка. Такие термины широко используются и в науке о народах, которую по-русски можно назвать народоведением. Древние греки знали несколько слов для обозначения понятия «народ». Одно из этих слов — «демос» — означало народ как основную массу населения. От этого слова происходят многие производные термины, как, например, «демократия», что в буквальном переводе означает «народовластие». От слова «демос» происходит название науки «демография» (буквально «описание народа»), которая

изучает численность населения разных стран, его социальный, половой и возрастной состав, рождаемость, брачность, смертность, естественный прирост населения и его миграции (переселения).

Нас в этой книге будет больше интересовать другое слово греческого языка — «этнос», которое в переводе на русский язык тоже означает «народ». Народы нашей планеты должны рассматриваться как самостоятельные этносы. Существенно содействовала распространению в СССР терминов «этнос» и «этническая общность» подготовка многотомной серии «Народы мира», «Очерков общей этнографии», публикации журнала «Советская этнография», ежегодника «Расы и народы», создание 20 томной серии «Страны и народы», книга академика Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» и др. Все эти издания потребовали использования терминов, обозначающих в обобщенной форме все многообразие этнической структуры мира. Наука, изучающая народы, известна также под названием «этнография» (дословно «описание народов»). Советские ученые считают этнографию исторической наукой, так как она не ограничивается простым описанием народов, но изучает все особенности их образа жизни в историческом развитии, исследует процессы происхождения народов, их взаимодействия и взаимовлияния в разные периоды истории человечества. В системе Академии наук СССР существует Институт этнографии, носящий имя великого русского путешественника и этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая (1846—1888). Исследовательская работа по этнографии ведется также во всех академиях наук союзных республик, в научных институтах и музеях многих городов нашей страны. Кадры молодых этнографов готовят университеты Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Новосибирска и некоторых других городов Советского Союза. Исследовательские и учебные центры этнографической работы существуют и за рубежом в очень многих странах, включая все социалистические государства, а также большинство стран, недавно освободившихся от гнета империализма (Индия, Бирма, Ангола, Эфиопия и др.)

КАЖДЫЙ ЛИ НАРОД ГОВОРИТ НА СВОЕМ СОБСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ?

Чем же отдельные народы отличаются друг от друга? Вероятно, всякий, кто попытается ответить на этот вопрос, скажет, что главным признаком народа является его

язык. Действительно, если мы слышим, что кто-нибудь говорит по-русски и говорит правильно и хорошо, мы предполагаем, что человек этот — русский. Когда незнакомые люди, принадлежащие к одному народу, встречаются где-нибудь вне пределов своей страны, они чаще всего «опознают» друг друга именно по языку. Язык следует рассматривать в качестве очень важного признака любого народа или, как говорят этнографы, в качестве одного из «этнических определителей».

Все люди, относящиеся к одному народу, говорят, как правило, на одном и том же языке, который является для них родным, т. е. усваивается еще в детстве, в семье от родителей и других лиц, окружающих ребенка. Это не значит, однако, что на земле столько же языков, сколько и народов. Дело в том, что многие народы, представляющие собой вполне самостоятельные этносы, могут говорить на одном и том же языке. Так, например, на английском языке говорят не только сами англичане, но и другие народы в разных частях света: американцы (180 млн.), англо-канадцы (11,25 млн.), шотландцы (5,8 млн.), ольстерцы (1,06 млн.), англо-австралийцы (12,2 млн.), англо-новозеландцы (2,5 млн.) и др. Всего английский язык считают родным свыше 380 млн., из которых на Европу, где сложился этот язык, приходится 17%. Подобно этому испанский язык является родным, помимо самих испанцев (29 млн.), для большинства народов Центральной и Южной Америки; включая кубинцев (10,5 млн.), мексиканцев (67 млн.), колумбийцев (27,8 млн.), аргентинцев (23 млн.), вепесуальцев (12,6 млн.), чилийцев (10,5 млн.), перуанцев (8,25 млн.) и др. Всего испанским языком пользуется около 240 млн. человек, из них в Европе — менее 12%. Немецкий язык, на котором говорит свыше 100 млн., является родным не только для немцев (84,5 млн.), но и для австрийцев (8,8 млн.), германо-швейцарцев (4,25 млн.), эльзасцев (1,4 млн.), люксембуржцев (300 тыс.). По-португальски, кроме португальцев (12 млн.), говорит также подавляющее большинство бразильцев (115,5 млн.); тем же языком пользуются галисийцы в Северо-Западной Испании, которых насчитывается 4,05 млн. Подобно этому на французском языке, кроме французов (45,8 млн.), говорят франко-швейцарцы (1,15 млн.), валлоны Бельгии (4,2 млн.), а также франко-канадцы (8,1 млн.). Для народов Гаити (5,4 млн.), некоторых небольших народов Малых Антильских островов, Кюрасао и Гайаны государ-

ственным языком считается французский язык, но знает его небольшая часть населения, а в быту используют на острове Кюрасао папьяменто — своеобразный жаргон, включающий элементы испанского, португальского, голландского и некоторых других языков. В Гайане в быту говорят на местном диалекте английского, хинди и некоторых других языках. На Гаити говорят на местном креольском языке, который сильно обособился от французского языка. Итальянским языком, кроме итальянцев (66,25 млн.), пользуются итало-швейцарцы (240 тыс.) и корсиканцы (280 тыс.).

Один из самых распространенных языков мира — язык хинди — в различных местных говорах служит родным языком многих народов Северной Индии, между которыми трудно провести ясную границу. К хинди очень близок язык урду, широко распространенный среди различных народов Северной Индии и Пакистана, исповедующих ислам; общее число людей, говорящих на хинди и урду (хиндустанцы), — 190 млн.

В Юго-Западной Азии и Северной Африке издавна распространен арабский язык. На нем говорят арабские народы (свыше 142 млн.). Наиболее многочисленные из них: арабы Египта (египтяне) — 42 млн., арабы Алжира (алжирцы) — 16,8 млн., арабы Марокко (марокканцы) — 15,5 млн., арабы Ирака (иракцы) — 10,05 млн., арабы Судана (суданцы) — 10,5 млн., арабы Сирии (сирийцы) — 7,8 млн., арабы Туниса (тунисцы) — 6,5 млн., арабы Саудовской Аравии — 8,1 млн., и др.

Таким образом ясно, что на земном шаре существует много языков, которые являются родными не для одного народа, но для целых групп этносов. Границы расселения отдельных народов и распределения языков далеко не всегда совпадают. Язык хотя и является одним из основных этнических определителей, но не может считаться единственным характерным признаком этноса.

Нередко встречаются также народы, отдельные группы которых говорят на различных языках. Мы уже знаем, например, что в настоящее время подавляющее большинство шотландцев пользуется в качестве разговорного языка английским; однако в горах Шотландии сохранилась небольшая группа населения, которая считает себя шотландцами, но в быту частично еще пользуется наряду с английским, особым языком кельтской группы (так называемым гэльским), в прошлом широко распространенным во всей стране. Всего гэлов, или горных шотланд-

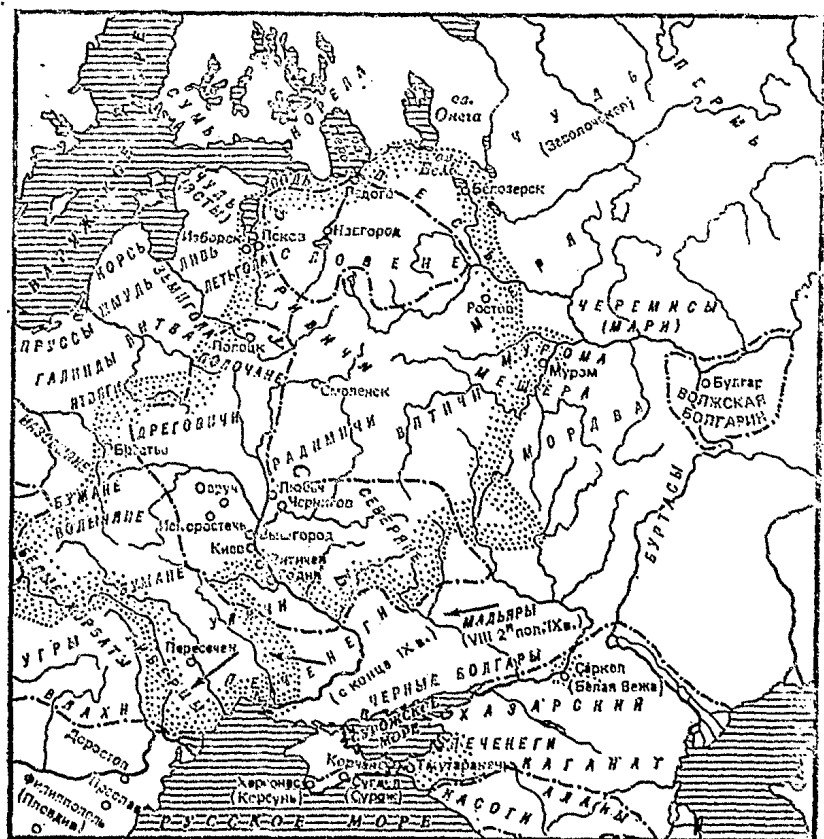
цев, насчитывается около 100 тыс. В Великобритании живет и другой народ кельтской языковой группы — валлийцы, или уэльсцы (810 тыс.), который является двуязычным, т. е. пользуется как английским, так и собственным валлийским языком. В подобном положении находятся и ирландцы, которых на земном шаре насчитывается 7,5 млн.; из них в Европе (главным образом в Ирландии — 44,2% и Великобритании — 31,1%), в США — 20,7%, остальные расселены в Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Большинство ирландцев, особенно за пределами своей страны, говорят в настоящее время по-английски; но в Ирландии среди них распространен и собственный ирландский (ирский) язык кельтской группы, который считается государственным языком этой республики.

В Советском Союзе также встречаются народы, пользующиеся несколькими различными языками. Так, например, мордва (1,2 млн.) говорит на двух близких, но вполне самостоятельных языках — эрзянском и мокшанском. На первом из них говорит около половины мордвы, на втором — немногим более трети; остальные группы этого народа перешли на русский язык. Из 138 тыс. карел Советского Союза только около 63% считают своим родным языком карельский, остальные даже в повседневной жизни пользуются русским. Среди вепсов (около 8,1 тыс.), живущих на Северо-Западе РСФСР и по происхождению и языку очень близких к карелам, свой собственный язык финской группы в наши дни помнят только пожилые люди; люди средних лет и особенно молодежь знают лишь русский язык. На северо-западе Латвийской ССР, у самого берега Балтийского моря, живет небольшой народ ливы (в настоящее время их сохранилось всего около 200 человек). Ливский язык, так же как эрзянский, мокшанский, карельский и вепский, относится к финской группе; однако ливы почти совсем не пользуются родным языком и давно говорят по-латышски. В целом по переписи 1979 г. свыше 18 млн. граждан СССР показали своим родным языком язык другого народа; чаще всего это случаи перехода на русский язык географически разобщенных групп украинцев, белорусов и многих других народов, длительное время живущих в ближайшем соседстве с русскими и испытавших их сильное хозяйственное и культурное влияние. В настоящее время на русском языке свободно объясняются $\frac{4}{5}$ населения СССР.

ЭТНИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ

Уже простое логическое рассуждение позволяет прийти к выводу, что для сложения человеческого коллектива, говорящего на одном языке, все его члены должны были длительное время находиться между собой в определенных, вполне реальных связях, которые могли возникнуть только в том случае, если группа людей, давшая начало народу, жила на определенной территории. Можно сказать, что каждый народ имел свою территорию формирования. Наличие такой территории представляет собой обязательное условие возникновения любого этноса. Так, например, русский народ выделился в XII—XIII вв. из более крупного древнерусского этноса, который был широко расселен в южной и западной частях Восточной Европы и являлся также источником формирования других близко родственных восточнославянских народов — украинцев и белорусов. Экономическим, политическим и культурным центром этнической территории русского народа в XIV—XV вв. стала Москва. Непрерывно расширяя эту территорию, русские на севере достигли берегов Белого и Баренцева морей; на западе дошли до Балтики и Западной Двины, на юге вышли к берегам Черного моря и к снежным вершинам Кавказа. Особо интенсивным было расселение русских на восток, где они, перевалив через Урал, вышли в XVI в. на бескрайние просторы Сибири и в конце концов добрались до берегов Тихого океана — Приморья, Приамурья, Сахалина, Камчатки, Чукотки и даже Аляски. На протяжении многих столетий все новые и новые земли прочно осваивались русскими людьми, становились для них родными.

На примере истории русских в Европе и Азии можно ясно представить себе различие между территорией формирования народа и территорией его обитания в настоящее время. Очевидно, что этнические территории, т. е. области обитания народов, изменяются исторически. Этническая территория русских почти непрерывно расширялась. Примерно то же можно сказать и об этнических территориях многих других крупных народов, как, например, арабов, американцев, малайцев, китайцев. Если при расселении какого-либо народа происходит географический разрыв между отдельными его группами, что особенно часто случается при переселениях морским путем, то от основного «материнского» народа отделяются новые самостоятельные этносы. Именно так произошло

Племена и народы Восточной Европы в IX—X вв.

с англичанами, французами, немцами, португальцами, голландцами и некоторыми другими народами Западной Европы при их расселении в колониальный период (XVI—XIX вв.) на захваченных у коренного населения землях Северной и Южной Америки, Африки, Австралии и Океании. Выше, рассказывая о народах, говорящих на одинаковых языках, мы приводили примеры новых этносов, образовавшихся таким путем. К их числу относятся американцы, англо- и франко-канадцы, почти все крупные народы Латинской Америки, англо-австралийцы, англо-новозеландцы и многие другие.

Нередко этнические территории сокращались из-за истребительных войн, эпидемий, тяжелых условий труда и быта, в которых жили многие народы, испытавшие классовое и национальное угнетение, особенно при коло-

ниализме. Однако главную роль в сокращении этнических территорий играют процессы ассимиляции, т. е. постепенного поглощения более мелких народов более крупными путем мирного или насильственного усвоения чужого языка и культуры. При расселении русские встречали на своем пути множество различных народов, с которыми вступали в мирное хозяйственное и культурное взаимодействие; часто смешивались с ними, передавали им свой язык и культурные особенности. Многие народы Восточной Европы и Сибири с течением времени полностью или частично слились с русскими, перешли на русский язык, ставший для них родным, и стали считать себя русскими. Полностью были ассимилированы, например, упоминаемые в русских летописях XI—XIII вв. в Волго-Окском междуречье меря, мурома и мещера. Значительно изменились этнические территории мордвы, черемис (марийцев), перми (коми), веси (предков современных вепсов), карел и некоторых других народов.

Далеко не столь мирным было сокращение этнических территорий, а нередко и полное их исчезновение вследствие истребления или вымирания целых народов в странах Америки, Африки, Австралии и Океании, захваченных западноевропейскими колониальными державами в XVI—XIX вв. Население острова Тасмания, расположенного к югу от Австралии, было, например, полностью истреблено английскими колонизаторами. В середине прошлого века на тасманийцев охотились как на диких животных. Если до появления европейцев тасманийцев насчитывалось по крайней мере 3—4 тыс. человек, то в 1876 г. умерла последняя тасманийка по имени Труганини. Тасманийцы исчезли совершенно; вместе с ними перестала существовать и их этническая территория. Немногим лучше была судьба коренного населения Австралии, которое также подверглось истреблению или было вытеснено в малодоступные и крайне бедные природными ресурсами центральные и северные районы материка. В начале XIX столетия общая численность австралийцев, по некоторым данным, достигала 250—300 тыс. человек. В настоящее время их насчитывается около 150 тыс. Если до начала колониального периода вся Австралия представляла собой этническую территорию коренных австралийских народов, составлявших 100% населения этой части света, то в наши дни этническая территория австралийцев сократилась в несколько раз, а удельный вес их в населении материка упал до 1,1%. Столь же ярким при-

мером резкого сокращения этнических территорий прежде крупных народов является судьба американских индейцев, которых до начала европейской колонизации в XVI в. было, по видимому, не менее 50 млн., а теперь насчитывается 38 млн. (около 6% всего населения Американского континента) *.

Труганини, последняя тасманийка

Сокращение или вообще резкое изменение этнических территорий сплошь и рядом происходило не только в колониальных и зависимых странах, но и в Европе. Так, например, при расселении немцев на восток, сопровождавшемся часто жестокими истребительными войнами и порабощением других народов, были сильно урезаны этнические территории чехов, поляков и литовцев. Особенно резким было сокращение этнической территории и численности сорбов (лужичан), живущих в восточных районах ГДР, в частности в верховьях р. Шпрее (славянская — Спрова). Еще в 1966 г. численность сорбов немного превышала 175 тыс. Очень тяжелым было положение сорбов в фашистской Германии, когда они были официально объявлены «немцами». После краха фашизма в 1945 г. сорбы получили возможность повысить экономическое и культурное развитие и сразу же стали активно участвовать в демократических преобразованиях. Они пользуются равноправием с немцами. В начальных школах преподается сорбский язык. На этом языке издается литература, печатаются учебники по разным предметам. Существует национально-культурная организация сорбов — Домовина. Открыт музей, где имеется выставка по истории сорбов; существует сорбский национальный ансамбль.

После второй мировой войны также восстановлены права чешского, польского и литовского народа на их западные этнические территории, в свое время занятые немцами. Чехословакии была передана Судетская об-

* Заметим, кстати, что население Европы за период с XVI по середину XX в. увеличилось в 4 раза.

ласть, Польше — исконные польские земли в Силезии и Поморье, Литве — Клайпедский (Мемельский) край.

Бывает и так, что какой-либо народ, сложившись на определенной территории, в дальнейшем частично, а иногда и полностью покидает ее, расселяясь по различным странам. Пожалуй, наиболее ярким примером почти полного отрыва от первоначальной территории своего формирования является история евреев. В глубокой древности, еще на рубеже II и I тысячелетий до н. э., еврейский народ обитал в районе современной Палестины, бывшей его «этнической колыбелью». Древние евреи говорили на особом языке семитской группы, родственном арабскому. Язык этот получил в науке название «иврит» (слово это по происхождению родственно наименованию самого народа — «евреи»). Сейчас семитская группа включается в состав семито-хамитской (афразийской) языковой семьи. В результате войн с Египтом, Ассирией, Вавилоном и Персией в VII—II вв. до н. э. значительные массы евреев были выселены со своей родины. Примерно в это же время иврит в повседневной жизни евреев был заменен другим семитским языком — арамейским*. Позднее во II в. до н. э., Палестина была покорена римлянами. После ряда восстаний евреев против римских властей в 69 г. н. э. столица Палестины Иерусалим была разрушена, а большая часть евреев расселилась по разным частям Римской империи.

В первых веках нашей эры евреи оказались разбросанными небольшими группами (преимущественно в городах) на огромных пространствах Европы, Северной Африки и Юго-Западной Азии как в пределах Римской империи, так и вне ее, в персидском государстве Сасанидов и даже в Индии. После распада Римской империи в IV в. н. э. и образования на ее развалинах ряда раннефеодальных государств евреи попали в разнообразное этническое окружение, подвергались сильному экономическому и культурному влиянию соседних народов и частично смешались с ними. Хотя евреи в большинстве случаев сохранили свою религию (иудаизм), некоторые обычаи и обряды, говорить они стали на языках, заимствованных от соседей, но несколько видоизменившихся в еврейской этнической среде. Вместе с тем в быту одна часть евреев (в странах Центральной Европы и потомки

* Арамейские племена были расселены в разных странах Передней Азии (в том числе и в Палестине) еще в конце II тыс. до н. э.

переселенцев из этих стран) говорит на языке идиш. В основу этого языка лег один из среднегерманских диалектов немецкого языка; на нем теперь говорят польские, немецкие, частью английские, американские евреи; евреи в СССР, большинство которых говорит по-русски или являются двуязычными, частично сохранили в быту язык идиш. Эту группу евреев называют ашкенази. Другая часть евреев — потомки переселенцев в Испанию, Португалию, Турцию, Балканский полуостров, Малую Азию, Сирию, отчасти в Иран и Северную Африку — говорит на видоизмененном староиспанском языке (спаньольском). Эту группу евреев называют сефарды. Древнееврейский язык, на котором создана обширная литература, теперь сохранился как язык культа. Он принят в качестве официального языка в государстве Израиль. Евреев Израиля нельзя отождествлять ни с древнееврейским народом, ни с этнографическими группами евреев других стран.

В настоящее время евреи — группа народностей, объединенных общим этнонимом. Они живут в различных странах общей экономической и общественно-политической жизнью с основным населением этих стран. Численность евреев на земном шаре достигает 13,5 млн. человек (США — 6,1 млн.; Израиль — 3,2 млн.; СССР — 1,8 млн.; ЮАР — 120 тыс.; есть евреи в других странах Азии, Африки, Европы, Америки, Австралии и Океании).

В антропологическом отношении европейские евреи характеризуются признаками, свидетельствующими об их переднеазиатском происхождении и входят в арменоидный антропологический тип. Признаки этого антропологического типа ослаблены вследствие исторического смешения с основным населением европейских стран. В других странах евреи близки по физическому типу к основному населению этих стран.

Возникшее в конце XIX в. среди еврейской буржуазии ряда стран (Австрия, Германия, царская Россия и др.) буржуазно-националистическое течение сионизм, которое было оформлено в 1897 г. в Базеле (Швейцария) как «Мировая сионистская организация», провозгласило своей целью переселение всех евреев мира в Палестину. Сионистские лидеры пропагандируют ложную теорию отсутствия классовых противоречий среди евреев. Реакционное правительство Израиля способствует превращению страны в базу американского империализма на Ближнем Востоке и проводит политику подавления прогрессивных и демократических сил, агрессии в Передней Азии, полити-

ку угнетения еврейских трудящихся и арабского населения. Трудящиеся Израиля под руководством коммунистической партии, несмотря на жестокие репрессии, борются за прогрессивный путь развития и подлинную независимость страны.

В 1928 г. Советское правительство приняло решение о создании на Дальнем Востоке, в бассейне рек Биры и Биджана, впадающих в Амур, особого района для еврейских переселенцев. В 1934 г. 7 мая была создана Еврейская автономная область в составе Хабаровского края РСФСР. Эта область имеет два города — Биробиджан и Облучье и девять поселков городского типа. Делится она на пять районов. В области проживают евреи, русские, украинцы. 21 июня 1984 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с 50-летием организации Еврейской автономной области город Биробиджан был награжден орденом «Знак почета» за успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, и их вклад в развитие экономики Дальнего Востока.

Трудящиеся евреи всех стран мира участвуют в общей борьбе народов за мир и демократию.

Не менее ярким примером потери первоначальной этнической территории могут служить цыгане — потомки выходцев из Северной Индии, которые начали выселяться оттуда в западном направлении в конце I тыс. н. э., в XIV столетии достигли Европы, попав туда двумя путями — через Малую Азию на Балканский полуостров и через Египет и другие страны Северной Африки в Испанию. В настоящее время во всем мире цыган 1,3 млн.; из них в Чехословакии — 21,5%; в Румынии — 17,7%; в Болгарии — 20,0; в СССР — 16%. Довольно много цыган в Югославии и Венгрии. В других странах численность цыган невелика, но отдельные их группы встречаются почти повсеместно. Цыгане, как правило, сохраняют свой язык, близкий к языкам североиндийской группы индоевропейской семьи, а также частично кочевой образ жизни и многие связанные с ним культурно-бытовые особенности.

В качестве народов, сохранивших основную этническую территорию, но в то же время живущих очень рассеянно, могут быть указаны армяне и татары. Об армянах мы уже упоминали выше. Что касается татар, говорящих на языке тюркской группы, то большая их часть живет в Советском Союзе, где они распадаются на несколько групп. В Татарской АССР сосредоточено менее по-

ловины всех татар СССР. Значительные группы татар имеются почти во всех областях Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Средней Азии, Западной Сибири, Украины и даже в Литовской ССР. Татары в Литве, как и в соседней Польше, пользуются языками соседних народов, хотя и сохранили до последнего времени своеобразные черты быта, языка и культуры, связанные главным образом с мусульманской религией.

Татары во многих республиках и областях СССР живут чересполосно с другими народами. Много татар в городах, в частности в Москве, Ленинграде. За рубежом встречаются различные группы татар в Турции, Китае, Японии, Финляндии, США, а также в Румынии и Болгарии.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БАЗА ЭТНОСА

Совершенно ясно, что для складывания большого коллектива людей, говорящих на одном языке, необходимо, чтобы люди эти не только длительное время жили на одной территории, но и находились бы между собой в реальном хозяйственном общении. Конкретные данные этнографии убедительно показывают, что всякий этнос, по крайней мере в период своего формирования, состоит из человеческих коллективов, экономически связанных друг с другом. Для изучения ранних ступеней формирования этносов большое значение имеют этнографические материалы, относящиеся к тасманийцам и австралийцам, которые дольше других народов сохраняли многие особенности образа жизни, характерного для эпохи первобытно-общинного строя. Основными социально-экономическими ячейками этих народов до начала европейской колонизации были так называемые локальные группы, которые в Тасмании насчитывали обычно 30—40 человек, а в Австралии были несколько более многочисленными — до 50—60 человек. Каждая локальная группа кочевала в пределах определенной территории, которая в специальной этнографической литературе часто называется «кормовым районом». Только на этой территории члены локальной группы могли охотиться, заниматься рыбной ловлей и собирательством. Несколько десятков локальных групп составляли племя, которое обычно говорило на особом языке или диалекте. Отдельные локальные группы внутри каждого племени, как и целые племена, не были изолированы друг от друга. Состав локальных групп не

был постоянным. Нередко брачные пары вместе с детьми или отдельные молодые мужчины и женщины переходили из одной локальной группы в другую.

Конечно, между племенами, а иногда между локальными группами одного племени время от времени возникали споры из-за нарушения прав на кормовые районы, из-за похищения женщин, взаимных обвинений в колдовстве и т. п. Случалось, что споры эти приводили к вооруженным стычкам, которые, однако, велись с соблюдением строгих правил и ограничений и почти никогда не бывали очень кровопролитными. Чаще всего они кончались при первых раненых или в крайнем случае убитых с той и другой стороны. После этого начинались переговоры о мире, который заключался с соблюдением ряда традиционных, часто очень сложных обрядов.

Обычно локальные группы и племена жили мирно; часто соседние группы устраивали совместные охотничьи облавы на кенгуру и других крупных сумчатых животных. В этих облавах вместе с охотниками из разных локальных групп, а иногда из разных соседних племен участвовали также полудикие собаки динго, сопровождавшие австралийцев при их перекочевках. Соседние, а иногда и более отдаленные локальные группы и племена посещали друг друга для совместного пользования природными ресурсами, например для сбора различных съедобных плодов, корней и клубней, которые можно было добыть только на территории некоторых племен. Взаимные посещения имели место также для проведения больших праздников, обрядов посвящения юношей и девушек по достижении ими совершеннолетия. Браки между членами различных локальных групп, а иногда и племен были обычным явлением. Хотя хозяйство тасманийцев и австралийцев было натуральным, но между отдельными их группами уже возникал обмен. Правда, у тасманийцев он был, по-видимому, зачаточным и сводился к случайному обмену отдельными предметами. Зато у австралийцев обмен, носивший групповой характер, получил уже значительное развитие. Предметами его были оружие, каменные орудия, различная утварь, а также сырьевые материалы, которые встречались только в отдельных местах австралийского материка, например кремень, кварцит и диорит, добываемые в районе горных цепей, охра, бамбук, произрастающий лишь в тропических лесах Северной Австралии, наркотическое растение питчеры и т. п. Наметились уже постоянные, так сказать, традицион-

ные пути обмена, своего рода «торговые дороги» и даже центры торговли, которые некоторые этнографы, изучавшие австралийцев, называют «базарами». Объекты обмена часто не задерживались у непосредственных его участников и передавались дальше, переходя от племени к племени. Интересно, что многие племена из поколения в поколение были поставщиками определенных видов сырья или готовых изделий, в обмен за которые они получали от других племен необходимые им вещи. Денег у австралийцев не было, и обмен носил натуральный характер. Все обменные операции, как, впрочем, и другие формы внутри- и межплеменных отношений и связей, регулировались у австралийцев строгими нормами обычного права. У австралийцев (и тем более у тасманийцев) первоначальные этносы — племена и их родственные группы — находились в первичной стадии своего формирования. Но и тогда этносы эти состояли из коллективов (локальных групп), которые были связаны между собой экономически. Общение людей из разных групп во время совместных облав, сбора различных плодов и обменных операций несомненно способствовало формированию и сплочению (консолидации) древнейших этносов. Ясно, что развитие экономических связей было одной из важнейших причин этнической консолидации.

Нет необходимости останавливаться подробно на внутренних экономических связях, которые складывались у народов, стоявших на более высокой ступени хозяйственного, общественного и культурного развития. На всем протяжении истории человечества связи эти продолжали расширяться и укрепляться. Большую роль в указанном процессе играли различного рода коллективные работы (оросительные и осушительные, транспортные, строительные и др.), развитие всех видов торговли, средств передвижения, путей сообщения и связи. В наши дни нет, очевидно, ни одного народа и ни одной локальной группы внутри народа, которые были бы совершенно изолированы экономически от своих соседей. Нередко случалось, однако, что развитие экономических и этнических связей между различными группами населения шло в разных направлениях; между экономикой и этносом возникал разрыв. Даже у народов, сохранивших и расширивших основную компактную зону своего расселения, отдельные их группы, особенно живущие вне родной страны, обычно теряют непосредственные экономические связи с главной массой своего этноса. Очевидно, что русские, постоян-

но живущие вне СССР, англичане — вне Великобритании, поляки — вне Польши и т. п., в наши дни почти не сохраняют экономических связей с другими группами своих народов. К армянам, арабам, татарам или малайцам это относится в еще большей степени. Что касается евреев или цыган, то об экономических связях между отдельными их группами, расселенными чуть ли не по всему земному шару, или об экономической базе этноса в целом в настоящее время не может быть и речи. Отдельные группы евреев или цыган (как и многих других народов) давно гораздо больше связаны экономически с другими соседними народами, чем между собой. Таким образом, наличие внутренних экономических связей хотя и является одним из обязательных условий возникновения каждого народа, но в настоящее время не может считаться характерным признаком всякого этноса.

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСА И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

К числу важнейших признаков, разграничивающих отдельные этносы, относятся также культурные особенности, которые каждый народ вырабатывает в процессе своего исторического развития и затем передает от поколения к поколению. Совокупность этих взаимосвязанных между собой особенностей составляет то, что в этнографической науке называют «этнической традицией». Такие традиции складываются в те или иные исторические эпохи в связи с социально-экономическими и естественно-географическими условиями жизни каждого народа; но после своего возникновения они приобретают значительную устойчивость и долго сохраняются даже тогда, когда условия жизни народа успевают сильно измениться.

В настоящей книге культурным особенностям различных народов посвящена специальная глава; поэтому здесь мы не будем приводить конкретных данных, относящихся к этому вопросу, и ограничимся только некоторыми общими положениями, необходимыми для дальнейшего движения по нашему нелегкому пути к ответу на вопрос «что такое этнос?». Отметим прежде всего, что культурную специфику народа не следует понимать только в узком «этнографическом» смысле слова, как совокупность традиционно-бытовых особенностей материальной и духовной культуры, сложившихся в прошлом. Речь идет о культурных достижениях того или иного народа в целом,

о его вкладе в современную мировую культуру. В наши дни люди определяют свою принадлежность к тому или иному этносу не столько потому, что они живут в домах сходного типа, одеваются в платье одного покроя, любят одни и те же кушанья или поют одни и те же песни, сколько потому, что они являются обладателями культурного наследия своего народа, продолжателями его прогрессивных творческих усилий в различных областях хозяйственной, общественной и культурной деятельности, науки, литературы и искусства.

Своеобразие культурного облика является тем основным критерием, по которому разграничиваются народы, говорящие на одном языке, давно живущие на общей территории и тесно связанные между собой экономически. Так, например, на северо-западе СССР, в Карелии и Ленинградской области, уже знакомые нам карелы и вепсы на протяжении многих столетий живут рядом с русскими, находятся с ними в самых тесных хозяйственных связях, часто даже в быту говорят по-русски, но сохраняют некоторые специфические особенности материальной и духовной культуры (жилища, пища, одежды, устного народного творчества и т. п.) и сознают свою принадлежность к различным этносам. Подобно этому в Югославии сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы говорят на одном и том же сербохорватском языке, обитают на смежных территориях, имеют общую экономическую базу, но тем не менее являются самостоятельными народами со своей самобытной культурой. В Китае китайцы и хуэй, говорящие на китайском языке, расселены чересполосно в разных районах страны (иногда в одних и тех же городах и деревнях), но отличаются друг от друга своими культурно-бытовыми особенностями, которые в значительной степени связаны с тем, что хуэй являются мусульманами, а китайцы исповедуют другие религии (буддизм, даосизм, конфуцианство).

Число подобных примеров можно значительно увеличить. Однако и из сказанного ясно, что могут существовать народы, живущие на одной территории, имеющие общую экономическую базу и говорящие на одном языке, но нет и не может быть двух народов с совершенно одинаковой культурой. Если народ утрачивает свою культурную специфику, он перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос. Именно так случилось со многими народами, которые хотя и не вымерли биологически, но исчезли с исторической арены, так как в культурном отно-

шении полностью слились с соседними этносами. Это относится, например, к упомянутым выше народам Восточной Европы, постепенно ассимилированным русскими. На юге Сибири в предгорьях Саян небольшие самодийские народы — моторы (койбалы), камасинцы и отчасти каратасы в XVII—XIX вв. в культурном и языковом отношении слились с соседними тюркоязычными этносами и вошли в дальнейшем в состав хакасов — основного населения Хакаской Автономной области Красноярского края.

На территории современной ГДР многие западнославянские племена в бассейнах Эльбы (по-славянски Лабы) и Одера (Одры) были в средние века ассимилированы немцами и вошли в состав немецкого народа.

Таким образом, именно культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов. В сущности говоря, даже язык, обычно считающийся главным этническим определителем, теснейшим образом связан с культурой говорящего на нем народа, поскольку его духовная культура в значительной мере всегда выражается на его родном языке. Более того, существует мнение, что язык, будучи одним из видов человеческой деятельности, входит в «культуру» в широком значении этого слова.

Из этих положений следует, что этнография — наука о народах — является в то же время наукой об их культуре. Каждый этнос надо рассматривать как исторически сложившийся коллектив людей вместе с территорией его расселения, созданной им культурой и языком, который эту культуру выражает.

Итак, мы познакомились с целым рядом признаков, по которым отдельные народы разграничиваются между собой. Все эти этнические определители — язык, территория формирования и расселения, внутренние экономические связи и особенно культурная специфика — весьма существенны при характеристике любого этноса. Взаимодействие всех этих признаков, их совокупное влияние на образование и сохранение народа как исторически сложившейся общности находит свое выражение в виде производного, но очень важного общественного явления — этнического самосознания, которое обязательно должно учитываться при определении принадлежности каждого отдельного человека или целой группы людей к тому или иному этносу. Вполне понятно поэтому, что в Советском Союзе при проведении всеобщих переписей населения на-

циональная принадлежность каждого опрашиваемого, или, иначе говоря, его принадлежность к определенному этносу, отмечается на основании его личного заявления.

В огромном большинстве случаев человек причисляет себя к тому народу, к которому принадлежат его родители. Если, например, в семье говорят по-русски и ребенка с самого начала сознательной жизни окружает культурно-бытовая обстановка, характерная для русского народа, то естественно, что ребенок этот, когда станет взрослым, будет считать себя русским. Очень важно для определения этнического самосознания также то, в каком этническом окружении живет семья. Если семья живет среди того народа, к которому она сама принадлежит, то определение этнической принадлежности детей, выросших в такой семье, не вызывает, как правило, никаких затруднений. Этническое самосознание в подобных случаях складывается на протяжении всего развития детей до достижения ими зрелости, формируется в тесной связи с воспитанием и образованием в семье и в школе, а затем и на работе, и передается от поколения к поколению на всем пути исторического существования народа. Этническое самосознание у большинства людей, принадлежащих к любому этносу, большому или малому, неразрывно связано с горячей любовью к своему родному народу, с гордостью за его социально-экономические и культурные достижения, за его вклад в мировую цивилизацию.

Сложнее обстоит дело с формированием этнического самосознания в тех случаях, когда ребенок растет в семье, где родители принадлежат к разным народам. Вопрос о том, какой этнос выберет ребенок — материнский или отцовский, — решается здесь в зависимости от конкретной обстановки, в которой живет семья, от языка, преобладающего в ее быту, от семейных, культурно-бытовых традиций и навыков, наконец, от окружающей этнической среды. Если, например, смешанная русско-украинская семья живет в Москве, то дети скорее всего будут считать себя русскими; если такая семья живет в Киеве, то больше шансов, что сыновья и дочери при получении паспорта назовут себя украинцами. При прочих равных условиях в смешанных семьях чаще всего преобладают язык и культурно-бытовая обстановка народа матери, к которому и причисляют себя дети по достижении совершеннолетия. Надо, впрочем, учитывать и численность народов, из которых происходят отец и мать, их уровень хозяйственно-го и культурного развития, роль в общественно-полити-

ческой жизни страны, где живет семья. Естественно, например, что дети от смешанных браков русских с другими народами СССР в большинстве случаев будут считать себя русскими, если они живут в РСФСР. Однако в подобных же смешанных семьях, живущих в других союзных республиках, дети могут выбрать народ, преобладающий в той республике, где они живут. В Эстонии, например, они назовут себя скорее эстонцами, в Латвии — латышами, в Грузии — грузинами и т. п.

Большую роль в формировании этнического самосознания играет также происхождение отдельного человека, семьи или целой группы населения. Мы уже говорили о том, что многие народы, живущие в настоящее время рассеянно в разных странах и в различном этническом окружении, часто переходят на язык своих соседей и принимают их характерные культурно-бытовые навыки. Тем не менее отдельные люди, семьи или группы, предки которых принадлежали к таким народам, еще долго помнят о своем происхождении, проявляют интерес к своему бывшему этносу. Это наблюдается, например, у евреев, которые почти повсюду ассимилируются с другими народами. В наши дни евреи разных стран в большинстве случаев не только говорят, но и думают на языке окружающего населения, они также по своему быту и культуре почти не отличаются от соседних народов и часто не сохраняют даже пережитков древнееврейской религии (иудаизма), нередко являясь атеистами. Однако многие из них продолжают считать себя евреями и проявляют большой интерес к прошлой и современной жизни евреев. То же происходит и с ирландцами, армянами, татарами, греками и другими народами, живущими вне своей основной этнической территории, особенно в городах.

Очень сложен вопрос об этническом самосознании различных групп тех народов, в состав которых сравнительно недавно вошли выходцы из разных стран. К числу таких народов, представляющих собой по происхождению своего рода этнический конгломерат, относится большинство новых этносов Америки, в том числе и самый крупный из них, собственно американцы, составляющие основное население США. Колонизация Америки европейцами началась, как известно, сразу же после открытия ее Христофором Колумбом в 1492 г. Однако территория США заселялась европейцами значительно позднее (только с начала XVII в.). В 1620 г. на судне «Мэй флауэр» («Майский цветок») на Атлантическое побережье Север-

ной Америки в район, получивший позднее название Новой Англии, прибыла партия английских пуритан — «отцов-пилигримов», бежавших с родины от религиозных преследований. Только с этого времени и начинается собственная история американского народа, первоначальное ядро которого составили главным образом переселенцы из Англии, Ирландии и Шотландии, в меньшей мере из Нидерландов, Германии и Франции. По переписи 1790 г. 77% населения тогдашней территории США составляли американцы английского происхождения, 9% — выходцы из Ирландии, 7% — из Шотландии, около 2% — из Нидерландов, Германии и Франции. Постепенное освоение американцами их современной этнической территории между Атлантическим и Тихим океанами сопровождалось вытеснением, а нередко и истреблением коренного населения страны — индейцев, а также захватом Соединенными Штатами земель, ранее входивших в состав других государств.

С первых же лет европейской колонизации начался ввоз в Америку в качестве рабов африканских негров, принадлежавших к самым различным народам и говоривших на разных языках. Негры, попавшие на территорию США, стали с течением времени говорить по-английски и вошли в состав американского народа как особая группа, хотя и освобожденная юридически от рабства в 1868 г., но до наших дней подвергающаяся эксплуатации и дискриминации. Быстрое развитие капитализма в США во второй половине XIX в. привлекло в эту страну громадное количество иммигрантов. За 40 лет (1860—1900) население страны увеличилось более чем в два раза; при общем приросте за это время всего населения на 44 млн. человек более 25 млн. составляли иммигранты. В начале XX в. иностранцы и их дети составляли 34% населения США. Наиболее многочисленны были выходцы из Германии, за ними шли ирландцы, англичане и шотландцы, затем переселенцы из Скандинавских стран, Италии, Австро-Венгрии и царской России (в их числе много поляков, евреев, литовцев, белорусов и украинцев). В середине прошлого столетия началась также иммиграция из Китая и Японии, несколько позже — из Индии. Особенно пестрым был этнический состав больших городов (Нью-Йорка, Чикаго, Нью-Орлеана, Сан-Франциско и др.), где возникали целые кварталы, населенные почти исключительно неграми, евреями, итальянцами, поляками, китайцами и другими народами.

В настоящее время при общем населении США свыше 228 млн. человек на долю собственно американцев приходится 180 млн. (из них почти 28 млн. негров и мулатов). Американцами считаются граждане США, которые говорят в повседневной жизни по-английски и сами причисляют себя к американскому народу, хотя в большинстве случаев и помнят, из какой страны и когда приехали в Америку их предки. В качестве «стопроцентных американцев» (янки) рассматриваются потомки первоначальных поселенцев 13 приатлантических штатов, составивших ядро США после освободительной войны с Англией 1775—1783 гг.

Выходцы из стран, в которых говорят на языках германской группы (английском, немецком, шведском, голландском, датском и др.), гораздо быстрее по языку, культуре и этническому самосознанию становятся американцами, чем переселенцы, говорящие на романских, славянских, кельтских, балтийских и других языках (поляки, ирландцы, литовцы, венгры и т. п.).

Обособленное и неравноправное положение в США занимают мексиканцы (9,1 млн.) и пуэрториканцы (2,0 млн.), которые наряду с неграми (28 млн.) и индейцами (1,5 млн.) подвергаются дискриминации. Этническая ассимиляция почти не захватывает выходцев из азиатских стран, потомки которых и в наши дни сохраняют в США языковую и культурно-бытовую изоляцию, в большинстве случаев не причисляя себя к американцам. Наиболее крупные группы переселенцев из Азии в США составляют японцы, китайцы и индонезийцы.

Таким образом, этнический состав населения США и в наши дни отличается значительной пестротой. Процесс «перемалывания» переселенцев из различных стран в общем «американском котле» и приобщения их к присловутому американскому образу жизни тормозится как устойчивостью этнических традиций иммигрантов, так и социальными, этническими, религиозными, языковыми и другими барьерами, возникшими уже в Америке. По крайней мере пятая часть современного населения США имеет двойное этническое самосознание, причисляя себя к американцам и в то же время сохраняя многие культурно-бытовые и языковые черты своего коренного этноса.

Отсюда вполне понятны широко распространенные в США определения вроде: американцы ирландского или соответственно еврейского, славянского, итальянского и т. п. происхождения.

Также же явления двойного этнического самосознания обычны и в других странах Северной и Южной Америки, где после освобождения от колониального гнета в XIX в. сложились новые народы, в состав которых вошли разнообразные местные (американские) и пришлые (преимущественно европейские и африканские) этнические элементы. Интересно, что в латиноамериканских странах сохранились крупные индейские народы, говорящие на двух языках — своем родном и европейском (чаще всего испанском). Так, например, в Мексике такими двуязычными народами являются ацтеки или науа (1,4 млн.), майя (700 тыс.), отоми (600 тыс.) и некоторые другие; в Перу, Эквадоре и Боливии — кечуа, общая численность которых достигает 13,5 млн. В Перу языком кечуа владеет около 50% всего населения (7 млн.). С 1975 г. язык кечуа объявлен наравне с испанским официальным языком республики Перу. В Парагвае из общего количества населения в 3,2 млн. человек на долю индейцев гуарани падает более 90%. Понятие о парагвайцах и гуарани в этой стране совпадает. Ясно, что двойное этническое самосознание у перечисленных народов закономерно сочетается с двуязычием, вообще характерным для многих стран со сложным этническим составом населения.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ РАЗНЫХ ПОРЯДКОВ

С учетом всего сказанного этносом следует считать всякую общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке, сохраняет, как правило, на протяжении всего периода своего существования известную культурную специфику и сознает себя отдельной самостоятельной социальной группой. Коротко этнос можно определить как *осознанную культурно-языковую общность*. В научной литературе наряду с термином «этнос» встречается также выражение «этническая общность» — понятие более широкое, чем «народ». Этническими общностями можно считать не только отдельные народы, но и их группы, родственные по происхождению и сохранившие до наших дней близость языков и некоторых особенностей культуры. К категории этнических общностей можно отнести также местные, территориальные подразделения народов, которые хотя и говорят на одном языке и сознают свою принадлежность к единому этносу, но от-

личаются друг от друга известными, большей частью второстепенными культурно-бытовыми, а иногда и языковыми признаками. Народ, или этнос,— это как бы основная единица этнической классификации человечества, наряду с которой существуют этнические общности более высокого и более низкого порядка.

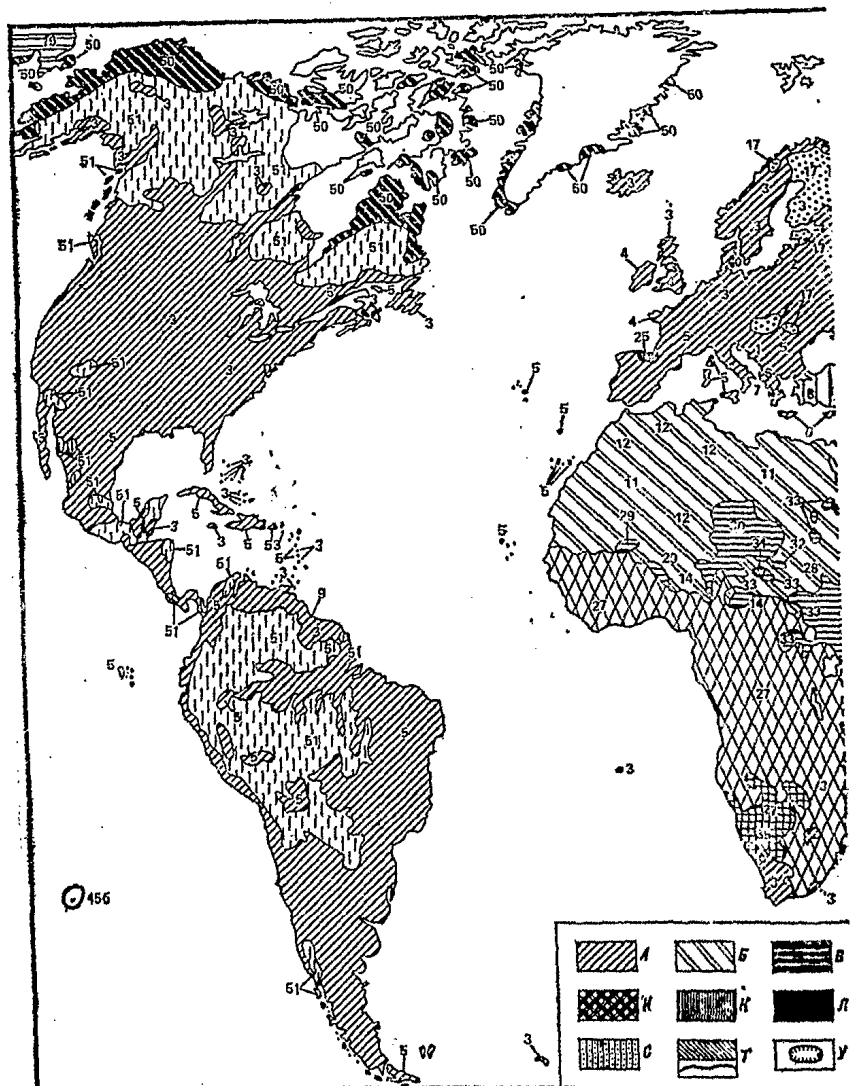
Многие этносы оказываются тесно связанными («сопряженными») с так называемыми социальными организациями, под которыми социологи понимают отдельные общества, самостоятельные единицы общественного развития. В классовом обществе такими единицами являются, как правило, государства. Ю. В. Бромлей предложил называть сопряженные с ними этносы «этносоциальными организациями» (сокращенно ЭСО). Так, например, немецкий этнос образует в настоящее время два самостоятельных ЭСО: один в ГДР, а другой в ФРГ; немцы, живущие за пределом этих государств, относятся, конечно, к немецкому народу (этносу), но не входят в состав ни одного из ЭСО.

В составе русского народа ясно выделяются северные и южные русские (великорусы). Главное языковое различие между ними состоит в том, что первые «окают», а вторые «акают». В окающих говорах звук «о» произносится ясно, независимо от того, падает на него ударение или нет, а в акающих говорах звук этот в безударных слогах произносится скорее как «а». Так, например, вологжане слово «молоко» произносят примерно так, как оно пишется, тогда как рязанцы скажут «малако». Кроме этих различий, есть и другие особенности, по которым можно разграничить речь северных и южных великорусов. Однако особенности эти не препятствуют взаимному пониманию обеих главных групп русского народа, говорящих на одном русском языке. В языкознании подобные местные территориальные подразделения внутри одного и того же языка носят название «диалектов». Группу близких диалектов иногда называют «наречием», а местные подразделения самих диалектов — «говорами». Таким образом, можно говорить о северо- и южновеликорусских диалектах, распадающихся на несколько говоров, или соответственно о северо- и южновеликорусском наречии. Между обоими главными подразделениями русского народа существовали до недавнего времени также заметные этнографические различия в материальной и духовной культуре. Граница между зонами расселения северных и южных великорусов проходила примерно от

Смоленска к Москве и дальше на восток к Мурому и Горькому (Нижнему Новгороду). В Приуралье и в Сибири встречались поселения обеих этих групп; однако среди сибиряков-старожилов северные великорусы преобладали.

Территориально-культурные подразделения народов обычно называют «этнографическими группами» или «субэтнотами»; они могут совпадать с районами распространения языковых диалектов, хотя такое совпадение и не является обязательным. Северные и южные великорусы — это только основные этнографические и вместе с тем диалектологические группы русского народа. Внутри каждой из них можно выделить еще несколько характерных этнографических групп меньшего масштаба, также обладающих специфическими культурно-бытовыми особенностями. Такими этнографическими группами второго порядка являются, например, поморы—рыбаки и мореходы, расселенные по берегам Белого моря, или казаки различных групп на Дону, Кубани, Тереке, Урале, в Семиречье, Сибири и на Дальнем Востоке. Этнографические группы, аналогичные только что описанным у русских, можно выделить в составе почти каждого более или менее крупного народа. Таковы, например, главные территориальные подразделения немецкого народа — верхние и нижние немцы, различие между которыми имеет как этнографический, так и диалектологический характер. Более мелкими этнографическими группами того же народа можно считать верхних и нижних саксонцев, баварцев, баденцев, вестфальцев, швабов, франконцев и др.

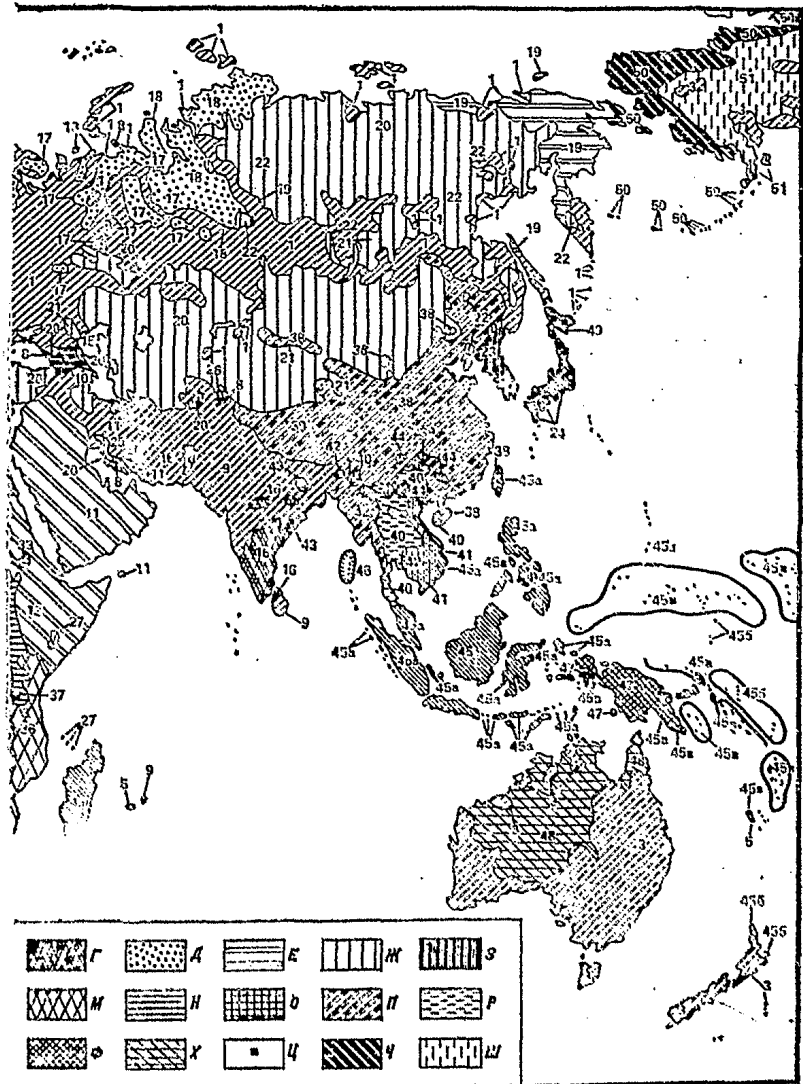
Не менее разнообразными бывают также общности более высокого порядка, объединяющие несколько народов, родственных по происхождению, говорящих на близких языках и обладающих сходными чертами культуры. Примером такой этнической общности могут служить восточнославянские народы — русские (141 млн.), украинцы (44,5 млн.) и белорусы (9,75 млн.), говорящие на самостоятельных, но настолько близких языках, что между ними возможно непосредственное общение без помощи переводчика. Материальная и духовная культура всех восточнославянских народов также обнаруживает большое сходство. Однако русские, украинцы и белорусы входят в состав общности еще более высокого порядка — общеславянской, к которой относятся также южные славяне (болгары, сербы, хорваты, македонцы, черногорцы,

Языки народов мира

- А — Индоевропейские языки.
 1 — славянские; 2 — балтийские; 3 — германские; 4 — кельтские; 5 — романские; 6 — греческий; 7 — албанский; 8 — иранский; 9 — индоарийские (индийские); 10 — армянский
 Б — Семито-хамитские (афразийские) языки. 11 — семитские; 12 — берберские; 13 — кушитские; 14 — чадские
 В — 15 — кавказские языки

- Г — 16 — дравидийские языки
 Д — уральские языки 17 — финно-угорские; 18 — самодийские
 Е — 19 — изолированные языки северной Азии (чечетский, чукотско-камчатский, юкагирский, нивхский)
 Ж — алтайские языки. 20 — тюркские; 21 — монгольские; 22 — тунгусо-маньчжурские
 З — 23 — корейский язык
 И — 24 — японский язык

К — 25 — Баскский язык
 Л — 26 — Буринский язык
 М — нигеро-кордофанские языки, 27 — нигер-конго (включал банту); 28 — кордофанские
 Н — нило-сахарские языки, 29 — сонгаи; 30 — сахарские; 31 — маба; 32 — фури; 33 — шаринильские; 34 — кома
 О — койсанские языки, 35 — бушменские и готтентотские; 36 — сандане; 37 — хатса
 П — Китайско-тибетские языки, 38 — китайский; 39 — тибето-бирманские

Р — 40 — Тайские языки
 С — Австроазиатские языки, 41 — вьетнамский; 42 — мон-кхмерские; 43 — мунда; 44 — мяо-ло
 Т — Австронезийские языки, 45а — индонезийские; 45б — полинезийские; 45в — меланезийские
 У — 46 — Андаманские языки
 Ф — 47 — Папуасские языки
 Х — 48 — Языки ископающего населения Австралии
 Ц — 49 — Айнский язык
 Ч — 50 — Эскимосско-алеутские языки
 Ш — 51 — Языки индейцев Америки

боснийцы, словенцы) и западные славяне (поляки, чехи, словаки, лужичане). Непосредственное понимание между всеми перечисленными народами уже невозможно или по крайней мере затруднено, но при встрече их друг с другом они живо ощущают сходство их языков. Данные сравнительного языкознания убедительно доказывают, что все славянские языки произошли от общего языка — основы, который существовал в первых веках новой эры. Этнографическое сходство между всеми славянскими народами, конечно, не так велико, как между этносами, входящими в состав каждой из основных групп славян: восточной, южной и западной. Но все же в материальной и духовной культуре всех славян имеется немало общих черт, которые удастся выявить при сравнительном этнографическом изучении. Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что славянские народы в целом надо рассматривать в качестве этнической общности высшего порядка, вполне реальной еще несколько столетий тому назад и сохранившей свои внутренние этнические связи до наших дней.

Для языковедов (лингвистов) славянская группа, или ветвь, еще не представляет собой самой высшей систематической категории. Ветвь эта входит в более широкую общность — индоевропейскую семью, к которой, кроме славянских языков, относятся также языки балтийские (леттолитовские), германские, кельтские, романские, иранские, индоарийские (североиндийские), а также занимающие обособленное положение греческий, албанский и армянский. Кроме того, к той же семье принадлежали некоторые исчезнувшие, или, как их еще называют, «мертвые» языки, на которых говорили в древности (приблизительно до IV—V вв.) многие народы Европы, Западной и Средней Азии. Примером мертвого языка может служить латинский, входивший в особую италийскую группу и ставший в начале средних веков основой развития всех романских языков, в том числе итальянского, испанского, каталанского, португальского, французского, ретороманского, румынского, молдавского и др.* Вышел из употребления также древнегреческий (эллини-ский) язык, который лег в основу официального государ-

* На каталанском языке говорит 7,7 млн. каталонцев, живущих главным образом на востоке Испании. Ретороманским языком пользуются фриулы, ладины и романши на севере Италии и на востоке Швейцарии (всего 600 тыс.). Румын насчитывается около 20 млн., а молдаван около 3 млн.

ственного языка современной Греции (кафаревус), значительно отличающегося от разговорного новогреческого языка (димотика). Исчезли и иллиро-фракийские языки, на которых в древности говорили многие народы Юго-Восточной Европы, жившие главным образом в бассейнах Днепра, Днестра и Дуная, а также на Балканском полуострове.

Представляют ли собой все индоевропейские народы этническую общность? При встрече людей, говорящих на индоевропейских языках разных ветвей (например, русском и французском), они не только не смогут понять друг друга без переводчика (если, конечно, не говорят на двух языках), но и не почувствуют близости своей речи. Родство отдельных языков и их ветвей в пределах таких крупных систематических категорий, как языковые семьи, устанавливается только путем сравнительного научного анализа. Этнографическое сходство между всеми народами, говорящими на индоевропейских языках (если оно когда-либо и имело место), в наши дни почти совершенно исчезло. Только с большим трудом путем тщательного научного анализа историко-этнографических и археологических материалов, относящихся к разным индоевропейским народам, удается проследить отдельные элементы сходства их материальной и духовной культуры. Таким образом, народы эти в целом нельзя рассматривать как этническую общность настоящего. Однако в далеком прошлом (по мнению большинства исследователей, в III тыс. до н. э.) такая индоевропейская этническая общность, вероятно, существовала.

Таким образом, вопрос о том, можно ли считать каждую языковую семью, ветвь или группу этнической общностью, должен решаться в зависимости от того, в какой степени сохранились у народов, составляющих эту «единицу», сходные культурные особенности, имеющие этническую специфику, а также сознание этнической близости. Между славянскими народами многие элементы этнической близости прослеживаются достаточно ясно и в наши дни, так что их можно считать этнической общностью высшего порядка. То же относится и к некоторым другим ветвям индоевропейской языковой семьи, например к балтийской, включающей близко родственных по происхождению, языку и культуре литовцев (свыше 3,2 млн.) и латышей (1,5 млн.), или к индоарийской, на языках которой говорят многие крупные народы Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри Ланки и Непала

в том числе хиндиязычное население североиндийских штатов, называемое иногда хиндустанцами (190 млн.), бенгальцы (146 млн.), маратхи (54 млн.), народы Бихара (майтхили, магахи, бходжпури, всего около 73,5 млн.), панджабцы (75 млн.), гуджаратцы (35,2 млн.), ория (24,8 млн.), раджастханцы (15 млн.), синдхи (13,7 млн.), сингалы и мавры Шри Ланки (10,8 млн.) и др. Подобные группы родственных народов называют этно-лингвистическими общностями.

ЯЗЫКОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ

Рассказывая об этнических общностях разных порядков, мы вплотную подошли к вопросу о классификации самих народов. Их можно классифицировать по языку, этнической территории, хозяйственным и культурным особенностям. Поскольку язык является наиболее легко определяемым признаком этноса, именно языковая классификация народов получила в науке наибольшее распространение. Классификация эта должна быть генеалогической, т. е. отдельные народы должны распределяться в ней по языковым семьям, связанным общим происхождением, которое лингвисты устанавливают путем сравнительного анализа словарного запаса и грамматики отдельных языков. Такая генеалогическая классификация языков в значительной степени отражает родство говорящих на них народов и может сыграть большую роль в изучении происхождения этих народов и их дальнейшей истории.

В Советском Союзе разработаны системы классификаций народов, основанные на двух характерных признаках этноса — культуре и языке. Классификация народов по принципу их культурной близости имеет дело с понятием и «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область» (см. раздел «Культуры»). Эта классификация основывается на традиционной культуре и пригодна сейчас главным образом для характеристики этносов прошлого или отставших в своем развитии народов и представляет интерес в первую очередь для изучения этнической истории.

В таблице на следующей странице помещены данные о численности людей, говорящих на языках крупнейших семей и их основных подразделений. Рассматривая эти данные, нетрудно видеть, что не все языки входят в определенные семьи: некоторые из них занимают обособ-

Таблица 1

Численность народов мира по языковым семьям и группам на середине 1980 г.*

Языковые семьи и группы	В млн. человек
Всего населения	4413,1
<i>Индоевропейская семья</i>	2005,3
Группы:	
Славянская	282
Балтийская	4,7
Германская	421
Кельтская	9,4
Романская	522
Албанская (албанцы)	4,5
Греческая (греки)	11,7
Иранская	68
Индоарийская	676
Армянская (армяне)	6
<i>Семито-хамитская (афразийская) семья</i>	213,9
Группы:	
Семитская	160
Берберская	9,2
Кушитская	21
Чадская	23,7
<i>Кавказская семья</i>	6,9
Группы:	
Картвельская (грузины)	3,73
Абхазско-адыгейская	0,84
Нахско-дагестанская	2,3
<i>Дравидийская семья</i>	171
<i>Уральская семья</i>	24
Группы:	
Финно-угорская	24
Самодийская	0,4
<i>Юкагиры</i>	0,001
<i>Алтайская семья</i>	111
Группы:	
Тюркская	101
Монгольская	5,9
Тунгусо-маньчжурская	4,3

Таблица 1 (продолжение)

Языковые семьи и группы	В млн. человек
<i>Корейцы</i>	59
<i>Японцы</i>	117,6
<i>Нивхи</i>	0,004
<i>Чукотско-камчатская семья</i>	0,023
<i>Нигеро-кордофанская семья</i>	257
Группы:	
Нигер-Конго (включая банту)	256
Кордофанская	0,5
<i>Нило-сахарская семья</i>	26,5
Группы:	
Шари-нильская	19,5
Сахарская	4,2
Сонгаи	1,95
Фур, маба и кома	0,8
<i>Койсанская семья</i>	0,3
<i>Баски</i>	1,15
<i>Буришки</i>	0,05
<i>Кеты</i>	0,001
<i>Китайско-тибетская семья</i>	1020
Группы:	
Китайская	965
Тибето-бирманская	55
<i>Тайская семья</i>	64
<i>Австралийская семья</i>	76
Группы:	
Мон-кхмерская	9
Палаунг-ва	1,6
Вьетская	48
Кхаси-никобарская	0,7
Малаккская	0,04
Мунда	8
Мяо-яо	8
<i>Австронезийская семья</i>	217
<i>Андаманская семья</i>	0,001
<i>Папуасские семьи</i>	4,1

Таблица 1 (окончание)

Языковые семьи и группы	В млн. человек
<i>Австралийские семьи</i>	0,15
<i>Айн</i>	0,02
<i>Эскимосо-алеутская семья</i>	0,1
<i>Индийские семьи</i>	38
<i>На-дене</i>	0,32
<i>Алгонкино-мосанская</i>	0,43
<i>Пенути</i>	5,3
<i>Хока-сиу</i>	0,33
<i>Ацтеко-таноанская</i>	2
<i>Макро-ото-манге</i>	2
<i>Макро-чибча</i>	0,67
<i>Же-пано-карибская</i>	0,65
<i>Андо-экваториальная</i>	20,8
<i>Индийцы других семей</i>	5
* Составил С. И. Брук.	

ленное положение, так как родство их с другими языками до сих пор не установлено или во всяком случае сомнительно. Дополнением к таблице послужит лингвистическая карта народов мира, где нанесены ареалы современного распространения языковых семей (с. 32, 33).

Всего на земном шаре в наши дни насчитывается около двух тысяч языков; число это нельзя считать очень точным, ибо во многих случаях трудно провести границу между самостоятельными языками и диалектами. Еще сложнее определить число языковых семей.

Наибольшее число народов говорит на языках индоевропейской семьи, многие из которых были перечислены выше. Из народов германской группы упомянем еще шведов (8,93 млн.), норвежцев (4,75 млн.), датчан (5,5 млн.), фарерцев (41 тыс.), исландцев (245 тыс.), голландцев (12,7 млн.) и фламандцев (7,1 млн.), которых в Бельгии — 71,1%, Нидерландах — 23,82%, Франции — 3,5%; к кельтской группе, кроме уже известных нам ирландцев, уэльсцев и галлов, относятся в значительной степени офранцузенные бретонцы (1,1 млн.). На иранских языках говорят в Афганистане и Пакистане афган-

цы и пуштуны (21 млн.); персы (17,5 млн.), в Иране их 97,0%; курды (11 млн.), в Турции их — 40,0%, Иране — 34,4%, Ираке — 22,7%, Сирии — 5,0%; таджики (6,3 млн.), в Афганистане их — 50,8%, в СССР — 48,4%; белуджи (3 млн.), в Пакистане их — 65,3%, Иране — 28,3%, Афганистане — 4,3%; осетины (542 тыс.) и некоторые другие народы СССР, Ирана, Афганистана, Турции и Ирака. В СССР языками индоевропейской семьи пользуются 80,2% населения.

Соседями индоевропейских народов на юге Восточной Европы являются этносы, говорящие на языках кавказской семьи; в состав которой входят три группы: картвельская (грузинская), абхазско-адыгейская и нахско-дагестанская. Всего кавказскими языками пользуются около 2% населения нашей страны, в том числе грузины (3,73 млн.). Абхазско-адыгейскую группу образуют близкие между собой адыгейцы, черкесы и кабардинцы (840 тыс.), а также абхазы (93 тыс.) и абазинцы (39 тыс.). Нахско-дагестанская группа насчитывает 2,3 млн., в нее входят чеченцы, ингуши (вместе 932 тыс.), а также большинство народов Дагестана: аварцы (483 тыс.), лезгины (383 тыс.), даргинцы (287 тыс.), лакцы (100 тыс.) и др. Общее число кавказских языков достигает 25; они сильно отличаются друг от друга. Некоторые ученые считают кавказские языки близкими языку басков в Пиренеях (свыше 1,5 млн.), а также языку буришек в Гиндукуше (50 тыс.).

Семито-хамитская (афразийская) семья языков распространена в Западной Азии и Северной Африке, она делится на четыре группы: семитская группа представлена в основном арабами — группой близкородственных народов (арабы Саудовской Аравии, арабы Сирии (сирийцы), арабы Египта (египтяне) и др. Эти народы отличаются разговорными языками (довольно сильно различающимися диалектами арабского) и некоторыми чертами культуры и быта. Однако главные причины разделения арабских народов политические — нахождение их в пределах различных государств. Отдельные группы арабов встречаются и за пределами арабских стран — от Турции до Средней Азии. На диалекте арабского языка с большой примесью итальянских слов говорят средиземноморские мальтийцы — народ очень сложного происхождения. В эту группу включают также евреев Израиля, среди которых распространен язык иврит (в других странах евреи пользуются им как языком культа), и евреев араб-

ских стран, говорящих преимущественно на арабском языке, а также ассирийцев (айсоров); на айсорском языке говорит 255 тыс. человек (в том числе 26 тыс. в СССР). Особую, эфиопскую, подгруппу семитской группы составляют амхара, которые образуют этническое ядро складывающейся эфиопской нации, и близкие к ним тиграи, тигре и гураге. К эфиопской подгруппе близка кушитская группа, народы которой — оромо, сомали, сидамо, беджа, данакиль и др. — обитают главным образом в Эфиопии, на Сомалийском полуострове и в сопредельных странах. В берберскую группу входят народы Северной Африки — кабилы, рифы, томазигхт, шильх и туареги, живущие сравнительно небольшими группами среди арабского населения. Большинство берберского по происхождению населения Магриба говорит теперь по-арабски, исповедует ислам и считает себя арабами. В четвертую, чадскую, группу семито-хамитской семьи (выделявшуюся ранее в качестве самостоятельной группы «хауса») входят народы Северной Нигерии и соседних стран: собственно хауса и близкие к ним баде, бура, котоко и др. Язык хауса — одного из наиболее развитых народов Западной Африки (18,4 млн.) — широко распространен как второй язык у многих соседних народов (им владеет 25—30 млн.).

Длительный колониальный режим затормозил развитие африканских народов. Здесь встречаются все виды этнических общностей от многомиллионных наций (египтяне, алжирцы, амхара и др.), крупных народностей (хауса и фульбе в Нигерии) до небольших групп бродячих охотников и собирателей, которые продолжают жить родовым строем. В Африке 96 народов насчитывают более миллиона человек; наиболее крупные из них — арабы Египта (египтяне — 42 млн.), хауса (19,7 млн.), арабы Алжира (алжирцы — 16,8 млн.), амхара (11,7 млн.), арабы Марокко (марокканцы — 15,5 млн.), ибо (14,25 млн.), фульбе (15 млн.) и йоруба (17 млн.).

Классификация народов Африки очень сложна. Языки народов Тропической Африки, обитающих к югу от семито-хамитской семьи, в настоящее время принято соединять в две семьи: нигеро (конго)-кордофанскую и нило-сахарскую. В нигеро (конго)-кордофанскую входит группа нигер-конго — наиболее многочисленная и объединяющая группы: западноатлантические, манде, вольта-бенуэ-конго и адамауа-восточные. К западно-

атлантическим народам относится крупный народ фульбе (15 млн.), живущий отдельными группами почти по всем странам Западного и Центрального Судана, волоф и серер (Сенегал) и др. Народы манде (мандинка, бамана, сонinke, сусу, менде и др.) живут в верховьях рек Сенегала и Нигера (Гвинея, Мали и др.), народы Вольты (моси, лоби, бобо, сенуфо и др.) — в Буркина Фасо, Гане и других странах. К народам ква относятся такие крупные народы Гвинейского побережья, как йоруба и ибо (Нигерия), акан (Гана) и эве (Бенин и Того); к эве близки фон, населяющие юг и называемые иногда дагомейцами; несколько обособленное положение занимают народы, говорящие на языках (или диалектах) кру. Это бакве, гребо, кран и другие народы, живущие в Либерии и в Республике Берег Слоновой Кости. Подгруппу бенуэ-конго образуют многочисленные народы, относимые ранее к особой семье банту и восточнобантоидной группе. Народы банту, довольно однородные в языковом и культурно-бытовом отношении, населяют страны Центральной и отчасти Восточной и Южной Африки (Заир, Ангола, Танзания, Мозамбик, Зимбабве, ЮАР и др.). Банту подразделяются лингвистами на 15 групп: 1-я — дуала, лунду, фанг и др.; 2-я — теке, мпонгве, келе; 3-я — банги, нгала, монго, тетела; 4-я — руанда, рунди; 5-я — ганда, лухья, кикуйю, камба; 6-я — ньямвези, ньятуру; 7-я — суахили, того, хехе; 8-я — конго, амбунду; 9-я — чокве, луэна; 10-я — луба; 11-я — бемба, фи́па, тонга; 12-я — малави; 13-я — яо, маконде, макуа; 14-я — овимбунду, амбо, гереро; 15-я — шона, суто, зулу, коса, свази и др.

На языках банту говорят также группы пигмеев басейна Конго (эфе, басуа, бамбути и др.), обычно выделяемых в качестве отдельных народов. Среди восточных и центральных банту большое распространение получил в последние десятилетия язык суахили, испытавший заметное влияние арабского, число владеющих им составляет 60 млн. (народ суахили насчитывает 1,9 млн.). К адамауа — восточной подгруппе относятся азанде, чамба, банда и др., живущие в Центральном и Восточном Судане.

В кордофанскую группу, сравнительно небольшую по численности и по занимаемой ею территории, входят народы коалиб, тумтум, тегали, талоди и катла (Республика Судан).

Нило-сахарская семья представлена группами: сонгаи, сахарской, шар-нильской, а также двумя отдельными в языковом отношении народами маба и фор (фур). К сонгаи относятся собственно сонгаи, а также джерма и денди, населяющие берега среднего течения Нигера; к сахарской группе — канури, туба (тиббу) и загава, живущие по берегам озера Чад и в Центральной Сахаре. К наиболее значительной в этой семье шар-нильской группе относятся восточносуданские народы (динка, пуэр, луо, бари, лотуко, масан, нуба, или нубийцы и др.), включавшиеся ранее в самостоятельную нилотскую семью; центральносуданские народы (багирми, морумади), народы берта и кунама. Народы этой группы живут на севере Заира и на юге Судана. На языках мору-мади говорят племена пигмеев (эфе, басуа и др.).

В Намибии, Ботсване, Анголе, кроме группы бенуэ-конго, обитают народы, которые относятся к койсанской языковой семье — бушмены, готтентоты и горные дамара. Эти народы в прошлом занимали обширную территорию, но XVII—XIX вв. в значительной степени были истреблены европейскими колонизаторами и оттеснены в пустынные области: большая часть бушменов — бродячие охотники-собиратели пустыни Калахари. Несколько изолированное положение в этой семье занимают языки двух небольших народов: сандаве и хадзапи, или хатса, живущих к югу от озера Виктория, в Танзании (Восточная Африка).

На острове Мадагаскаре живут малагасийцы, относящиеся по языку к австронезийской семье, а антропологически близки к южным монголоидам; среди некоторых групп малагасийцев (прежде всего у сакалава) сильна негроидная примесь. Европейское население (англичане, африканеры, или буры, французы, испанцы, итальянцы, португальцы и др.) составляют менее 2% населения Африки. Больше всего европейцев в ЮАР, Зимбабве, Кении, Танзании. На острове Маврикий много выходцев из Азии (тамилы, хиндустанцы, раджастханцы и др.).

В Восточной Европе и Северной Азии широко расселены народы уральской языковой семьи, которая подразделяется на финно-угорскую и самодийскую группы. В пределах СССР на языках уральской семьи говорит 2% всего населения. Финно-угорские языки подразделяют на финские и угорские. На финских языках, кроме упомянутых выше мордвы, карел, вепсов и ливов, говорят собственно финны, или суоми (около 5,2 млн.), эстонцы

(1,1 млн.), удмурты (714 тыс.), марийцы (622 тыс.), коми и коми-пермяки (478 тыс.), а также занимающие по языку и культуре обособленное положение саами, или лопари (52 тыс.), живущие в Мурманской области СССР, на севере Финляндии, Швеции и Норвегии. К угорским языкам относятся языки венгров, или мадьяр (14,45 млн.), а также близкородственных между собой хантов (21 тыс.) и манси (7,6 тыс.), селькупов (3,6 тыс.) и нганасан (900 человек).

С уральской семьей некоторые лингвисты сближают алтайскую семью языков. Алтайские языки, по мнению Н. А. Баскакова, представляют собой результат ареальной консолидации группы близкородственных племенных наречий, образовавшихся в древности в цепной последовательности звеньев на территории Северной Евразии, из которых позже сложились конкретные группы языков: тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, японо-корейская. Все алтайские языки ранее входили в еще более крупный ареал дальневосточных урало-алтайских. В Советском Союзе языками алтайской семьи пользуются 15,4% населения.

Сторонники родства урало-алтайских языков приходят в своих изысканиях к следующей схеме развития этих языков. Урало-алтайская общность языков в процессе дифференциации и интеграции племенных союзов и объединений — носителей этих языков дифференцировалась позже на две значительные по количеству языков семьи — уральскую и алтайскую. Уральская в дальнейшем разделилась на две группы — финно-угорскую и самодийскую, которые позже в свою очередь распались: финно-угорская на финскую и угорскую, а самодийская на самодийскую и юкагино-эскимосско-алоутскую группу языков. Алтайская семья разделилась на три ветви: 1) тюрко-монгольскую с группами тюркской и монгольской; 2) тунгусо-маньчжурскую с группами тунгусской и маньчжурской; 3) японо-корейскую с группами японской и корейской. Урало-алтайская гипотеза у многих ученых вызывает сомнение. Они считают, что урало-алтайские языки имеют только общие типологические черты, а материальное сближение их было вызвано не генетической общностью, а их взаимодействием между собой. Н. А. Баскаков в отличие от этой точки зрения допускает генетическую общность всех этих языков.

Тюркская группа алтайской языковой семьи, по Н. А. Баскакову, распадается на западнохуннские языки

и восточнохунские языки. К западнохунским языкам относятся языки народов: чувашей (1,76 млн.), азербайджанцев (11,8 млн. из них в СССР живет свыше 5 млн.), турок (42 млн.), туркмен (3,4 млн.), татар (6,4 млн.), башкир (1,4 млн.), карачаевцев (131 тыс.), казахов (7,65 млн.), узбеков (14,5 млн.), уйгуров (6 млн.). Последние живут на северо-западе КНР, а также в пределах СССР в Казахстане, Узбекистане, Киргизии. К восточнохунским языкам принадлежат языки тувинцев (186 тыс.), якутов и говорящих по-якутски долган (вместе 333,1 тыс.), хакасов (71 тыс.), киргизов (2,04 млн.), алтайцев (60 тыс.) и некоторых других народов.

К монгольской группе относится язык крупнейшего монголоязычного народа МНР — монголов (1,4 млн.), язык монголов Китая (3,3 млн.), бурят (353 тыс.) и калмыков (147 тыс.). К тунгусо-маньчжурской группе относятся маньчжуры, большинство которых говорит на китайском языке (4 млн.), сибо и солоны, живущие в Синьцзяне (КНР) и многие народы Восточной Сибири, Дальнего Востока: эвенки, или собственно тунгусы (27,5 тыс.), эвены, или ламуты (12,3 тыс.), нанайцы (10,5 тыс.), ульчи (2,6 тыс.), орочи (1,2 тыс.), удэгейцы (1,6 тыс.) и др. Алтайским языкам как уже отмечалось выше, вероятно, родственны языки корейцев (59 млн.) и японцев (117,6 млн.).

Самая крупная языковая семья Азии — китайско-тибетская: в ее состав входят языки китайцев (свыше 1 млрд. человек), китаеязычных хуэй (5,9 млн.), а также тибето-бирманских народов; бирманцев (24,35 млн.), тибетцев (3,15 млн.) и многих других расселенных в Индокитае на северо-востоке Индии на юго-западе Китая. Наиболее многочисленные из народов языковой семьи тай-шамцы Таиланда (25 млн.), чжуань КНР (13 млн.) и лао Лаоса и Восточного и Северного Таиланда (15,3 млн.). С тайскими языками иногда сближают австроазиатские и австронезийские языки. Крупнейшие из австроазиатских народов — вьеты, или вьетнамцы (47,7 млн.). На австроазиатских языках говорят мяо, или мео (5,6 млн.) и мань (яо) — 1,8 млн., а также так называемые мон-кхмерские народы, крупнейший из которых кхмеры, или кампучийцы (7,05 млн.), в Кампучии и народы мунда-санталы (4,7 млн.) в Индии и др.

На австронезийских языках говорит большинство народов Индонезии, в том числе яванцы (70 млн.), сунды

(19,5 млн.), малайцы в Индонезии (8,6 млн.), малайцы в Малайзии (8 млн.), мадурцы (9 млн.), минангкабау (5,7 млн.), буги (4 млн.) и макасары (1,52 млн.), батаки (3,45 млн.), балийцы (2,75 млн.). К той же группе относятся языки филиппинских народов: тагалов (10,8 млн.); висайя (21 млн.), илоков (5,5 млн.), биколов (3,35 млн.), банджаров (2,05 млн.), ифугао (110 тыс.) и др. Индонезийскими языками также пользуются группа горных народов Тайваня — гаошань (330 тыс.), чамы на юге Вьетнама и в Кампучии (190 тыс.) малагасийцы Мадагаскара (8,65 млн.). Австронезийские языки распространены у народов Океании. Это различные меланезийские народы в некоторых районах Новой Гвинеи и архипелага Бисмарка (Папуа—Новая Гвинея), на Соломоновых островах, в Вануату, на Новой Каледонии, Фиджи (281 тыс.), микронезийские народы Каролинских, Маршалловых и других островов, полинезийские народы Тонга, Самоа и многих других архипелагов.

На юге Индии расселены народы, говорящие на языках дравидийской семьи. К ним относятся телугу (57,5 млн.), тамилы (50,5 млн.), малаяли (27 млн.), каннара (27,3 млн.) и многие другие. На дравидийских языках также говорят брагуи Пакистана и Южного Афганистана (720 тыс.). Изолированное положение занимают языки коренного населения Андаманских островов. На Новой Гвинее, некоторых прилегающих островах, Северной Хальмахере и Восточном Тиморе распространены языки, которые условно называют папуасскими, хотя последние и не представляют единой генетической группы. Обособленное положение занимают также языки аборигенов Австралии и айнов Хоккайдо в Северной Японии. Изолированные языки имеются также в Сибири: к ним относятся языки кетов в бассейне Енисея (1100 человек), юкагиров Колымы (800 человек), нивхов низовьев Амура и Северного Сахалина (440 человек). Особые семьи образуют языки ительменов (1,1 тыс.), коряков (7,9 тыс.) и чукчей, живущих на крайнем северо-востоке Азии (14 тыс.) и языки эскимосов (97 тыс.) и алеутов (5,5 тыс.), обитающих на крайнем севере Америки.

Большие трудности встречаются при классификации языков индейцев в Северной и Южной Америке. Индейцы в значительной степени утратили свои этнические территории и родную речь. В Америке распространено несколько сот различных языков коренного населения.

Американский лингвист Дж. Гринберг подразделяет индейские языки на 10 больших групп — макросемей или падсемей. В Северной Америке наиболее крупными являются на-дене, к которым принадлежат атапаски США и Канады (285 тыс.), алгонкино-мосанская, включающая алгонкинские народы, рассеянные в тех же странах (430 тыс.), хока-спу, в которую входят дакоты (30 тыс.) и прокезы (90 тыс.) и некоторые другие народы. В Центральной Америке должны быть упомянуты языковые группы: ацтеко-тааноанская, включающая уже знакомых нам ацтеков; макро-ото-манге, в которую входят отоми (550 тыс.), сапотекы (450 тыс.), мпштеки Мексики (350 тыс.) и другие этносы; пенути, самым крупным народом этой группы является майя (675 тыс.). Изолированное положение занимает язык небольшого народа тарасков (80 тыс.), живущих в Мексике.

На севере Южной Америки широко распространены языки группы макро-чибча. Центральное место в этой группе принадлежит языкам собственно чибча, на которых говорят различные народы, живущие преимущественно в Колумбии, Венесуэле и Эквадоре (270 тыс.). Остальные языки Южной Америки Дж. Гринберг объединяет в две группы: же-пано карибскую и андо-экваториальную. На языках первой из этих групп говорят карибы (110 тыс.), главным образом в Венесуэле, Колумбии, Бразилии, Гайане; индейцы же (55 тыс.) в Бразилии и пано (210 тыс.), преимущественно в Перу, а также бороро тропических лесов на бразильско-болливийской границе (3 тыс.), ботокуды в Юго-Восточной Бразилии (около 100 человек) и многие племена аборигенов Южной Америки. На андо-экваториальных языках, по классификации Дж. Гринберга, говорят уже известные нам кечуа и тупи-гуарани, а также аймара Боливии, Перу и Чили (1,76 млн.), арауканы Чили (540 тыс.), араваки, живущие главным образом в тропиках Перу, Колумбии и Бразилии (300 тыс.), техуэльче Патагонии и близкие к ним по языку бна Огненной Земли (40—50 человек), наконец, другие группы огнеземельцев — алакалуф и ямана (вместе 350 человек). В настоящее время огнеземельцы и техуэльче почти полностью истреблены колонизаторами или вымерли от занесенных им болезней. Оставшиеся группы огнеземельцев говорят по-испански. По всей Америке индейцев, которые перешли на испанский, английский и другие языки насчитывается 5,5 млн. человек.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАССЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ

Сравнительное изучение языков и построение их генеалогической классификации очень важно для разработки вопросов этногенеза (происхождения народов) и этнической истории, которая рассматривает причины и условия формирования этнических общностей разных порядков, их развития и расселения, взаимодействия, дробления и слияния. Проблемы этногенеза и этнической истории всегда являются комплексными, так как комплексно само понятие этноса, определяемого на основании многих признаков. В разработке этих проблем, кроме антропологов, этнографов и лингвистов, участвуют ученые многих других специальностей, в том числе историки, изучающие письменные памятники, географы и археологи, предметом исследования которых являются остатки хозяйственной и культурной деятельности древних народов. Роль археологии в освещении первоначальных этапов истории человечества очень велика, поскольку до нас не дошло никаких письменных источников.

Мы не знаем точно, когда возникли первые этнические общности, но многие ученые предполагают, что они столь же древни, как древни сами люди современного биологического вида *Homo sapiens* («человек разумный»), сформировавшегося, по новейшим научным данным, за 50—40 тыс. лет до нашего времени. В период позднего, или верхнего, палеолита (древнего каменного века), длившегося несколько десятков тысяч лет и закончившегося приблизительно 16—15 тысячелетий назад, люди современного вида уже прочно освоили значительную часть Азии (за исключением крайнего севера и высокогорных областей), всю Африку и почти всю Европу, кроме северных районов, еще покрытых тогда ледниками. В ту же эпоху происходило заселение Австралии со стороны Индонезии, а также Америки, куда первые люди проникли из Северо-Восточной Азии через Берингов пролив или существовавший на его месте перешеек. Об этнической принадлежности человеческих коллективов эпохи позднего палеолита мы не имеем никаких прямых данных. Согласно гипотезе «первобытной языковой непрерывности», предложенной советским этнографом С. П. Толстовым, человечество говорило на заре своей истории на многочисленных языках, по-видимому, постепенно переходивших один в другой на смежных террито-

риях и составлявших в целом как бы единую непрерывную сеть («языковую непрерывность»).

Косвенным подтверждением гипотезы С. П. Толстова служит то, что следы древней языковой дробности в некоторых странах сохранялись до недавнего времени. В Австралии, например, существовало несколько сотен языков, между которыми нелегко было провести четкие границы. Н. Н. Миклухо-Маклай отмечал, что у папуасов Новой Гвинеи почти каждая деревня имела свой особый язык. Различия между языками соседних групп папуасов были очень невелики. Однако языки более отдаленных групп уже значительно отличались друг от друга. С. П. Толстов считает, что языковые семьи могли складываться в процессе постепенной концентрации отдельных языков небольших коллективов, их стягивания в более крупные группы, заселявшие значительные области земного шара. Другие советские и зарубежные лингвисты предполагают, что языковые семьи возникали обычно в процессе самостоятельного разделения одного языка-основы при расселении его носителей или в процессе ассимиляции при взаимодействии его с другими языками, что приводило к образованию внутри языка-основы местных диалектов, которые в дальнейшем могли становиться самостоятельными языками.

Очень важен для проблем этногенеза вопрос о времени образования языковых семей. Некоторые советские исследователи — археологи и этнографы — допускают, что формирование этих семей могло начаться уже в конце позднего палеолита или в мезолите (среднем каменном веке), за 13—7 тыс. лет до наших дней. В эту эпоху в процессе расселения человечества группы родственных языков, а возможно, языки отдельных наиболее крупных этнических общностей могли распространяться на очень обширных территориях.

Лингвист Х. Педерсен в свое время выдвинул гипотезу о генетической связи языков нескольких крупнейших семей, которые считались перодственными. Он назвал эти языки «ностратическими». Исследования советского лингвиста В. М. Иллич-Свитыча показали научную обоснованность объединения индоевропейских, семито-хамитских, уральских, алтайских и некоторых языков в большую пострататическую макросемью языков. Эта макросемья, видимо, сложилась в верхнем палеолите на территории Юго-Западной Азии и примыкающих к ней областей.

При отступлении последнего вюрмского оледенения и климатического потепления в мезолите ностратические племена расселялись по обширной территории Старого света; они оттеснили, а частично ассимилировали племена, которые обитали там ранее. В этом историческом процессе ностратические племена образовали ряд обособленных ареалов, где началось формирование особых языковых семей. Самая крупная из них индоевропейская языковая общность начала формироваться, по мнению советских лингвистов Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, в Юго-Западной Азии. В качестве возможных археологических культур, которые могли быть соотнесены с областью общеиндоевропейского культурного комплекса, авторы называют халафскую, убейдскую, чатал-хююкскую культуры в Юго-Западной Азии и куро-араксинскую в Закавказье. Вторичной промежуточной прародиной индоевропейцев, по мнению этих ученых, явилось Северное Причерноморье, где их расселение датируется III тысячелетием до н. э.

К югу от ареала индоевропейской семьи, возможно, сформировалось ядро семито-хамитской (афразийской) языковой семьи. Севернее индоевропейцев жили, по-видимому, носители картвельского праязыка, восточнее — дравидийского праязыка. Прародина уральских (финно-угорских и самодийских) тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков находилась, вероятно, на северо-восточной периферии. К этой ностратической макросемье языков относятся индоевропейская, семито-хамитская, или афразийская, картвельская, уральская, дравидийская, тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, чукотско-камчатская и, возможно, эскимосо-алеутская языковые семьи. На языках этой огромной макросемьи теперь говорит свыше $\frac{3}{5}$ всего населения мира. Далеко не все звенья концепции о ностратической макросемье языков являются бесспорными, но в целом эта концепция получила довольно широкое признание.

Распространение ностратических языков шло, вероятно, как путем расселения древних людей современного вида, так и путем контактов между их различными племенными группами. Есть основание предполагать, что на юго-востоке Азии примерно в то же время складывалась другая древняя языковая макросемья (или ствол) — тихоокеанская, дифференциация которой привела к развитию китайско-тибетских, австроазиатских и австронезийских языков.

Другие ученые (в их числе многие советские языковеды) считают, что наиболее вероятным временем образования языковых семей являются более поздние периоды истории, соответствующие неолиту (новокаменному веку) и бронзовому веку археологической периодизации (VIII—II тыс. до н. э.). Образование древнейших языковых семей в это время было связано с выделением подвижных, преимущественно скотоводческих племен и их интенсивными переселениями, которые усиливали процессы языковой дифференциации и ассимиляции. Следует, впрочем, отметить, что реальные различия между обеими точками зрения не столь уж велики, так как образование разных языковых семей происходило неодновременно и представляло собой очень длительный процесс.

Раньше других сложились, вероятно, этнические общности, говорящие на языках, которые сохраняются в настоящее время у малых народов, живущих на периферии первобытной ойкумены — территории суши, заселенной людьми (греч. «эйкео» — населять). Эти языки отличаются большим разнообразием фонетического состава и грамматики, нередко образуя между собой незаметные переходы, восходящие, быть может, к эпохе первобытной лингвистической непрерывности. К таким языкам, очень трудно поддающимся генеологической классификации, принадлежат уже известные нам языки американских индейцев, «палеоазиатов Сибири», австралийцев, папуасов Новой Гвинеи, бушменов и готтентотов, некоторых народов Западной Африки.

Ближе к центральным областям ойкумены складывались крупные языковые семьи, развивавшиеся как путем дифференциации первоначальных языков-основ, так и путем ассимиляции языков другого происхождения. В Передней Азии, в Восточной и Северной Африке по крайней мере с IV тыс. до н. э. получили распространение семито-хамитские языки, к которым принадлежали языки древних египтян в долине Нила, аккадов, вавилонян и ассирийцев в Месопотамии, древних евреев и финикийян на восточном побережье Средиземного моря, а также сложившиеся позднее языки североафриканских берберов, восточноафриканских кушитов, амхара и других семитов Эфиопии и, наконец, арабов, игравших в средние века огромную роль в социально-экономической, культурной и этнической истории Средиземноморья, Северной Африки, Передней и отчасти Южной Азии. Соседями семито-ха-

митов в Африке были народы, говорившие на языках нигер-конго (в том числе банту), которые постепенно распространились по всей южной половине Африканского континента. Севернее семито-хамитских языков складывались кавказские языки, на которых с глубокой древности говорило население Грузии и других стран Закавказья и Северного Кавказа.

Советский языковед академик Н. Я. Марр выдвинул гипотезу, согласно которой на кавказских (или яфетических, по его терминологии) языках говорили многие древние народы Средиземноморья и Передней Азии, в том числе этруски в Италии, пелазги на юге Балканского полуострова и шумеры в Месопотамии, создавшие в IV—III тыс. до н. э. одну из самых ранних цивилизаций мира.

В степной и лесостепной полосе Причерноморья, в особенности в бассейне Дуная и на Балканском полуострове, а также в Малой Азии многие советские и зарубежные исследователи ищут область формирования индоевропейских языков, которые в III—II тыс. до н. э. распространились по всей Европе до берегов Атлантики, Северного и Балтийского морей. В восточном направлении народы, говорившие на языках этой семьи, заселили огромные пространства на юге Восточной Европы, в Средней Азии и Южной Сибири, а также в Иране, достигнув на рубеже II и I тыс. до н. э. бассейна Инда и в дальнейшем распространившись по всему северу Индостана. Кроме языков, существующих в наши дни, к индоевропейской семье принадлежали многие языки, вышедшие из употребления, в том числе италийские (включая латинский), уже упоминавшиеся иллиро-фракийские, тохарский (в Средней Азии) и хетто-лувийский (среди народов Малой Азии во II тыс. до н. э.). В Северо-Западной Индии индоевропейские племена вступили во взаимодействие с народами дравидской семьи, которые в III тыс. до н. э. создали высокую цивилизацию Хараппы и Мохенджо Даро, позднее же заселили всю южную половину Индостана и проникли на Шри Ланку.

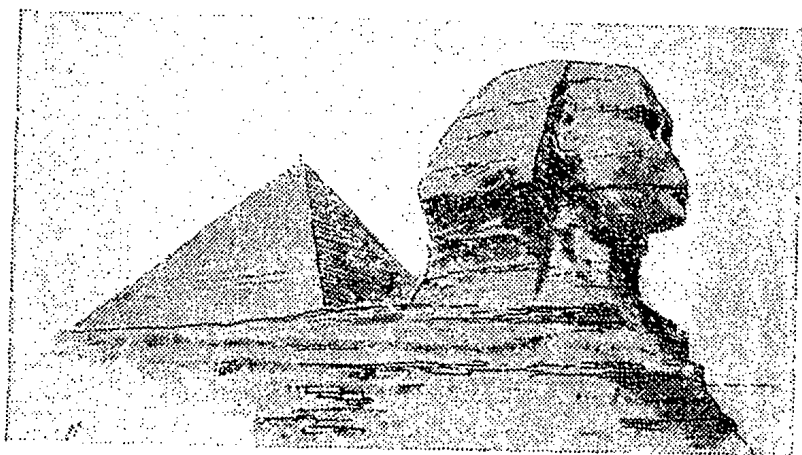
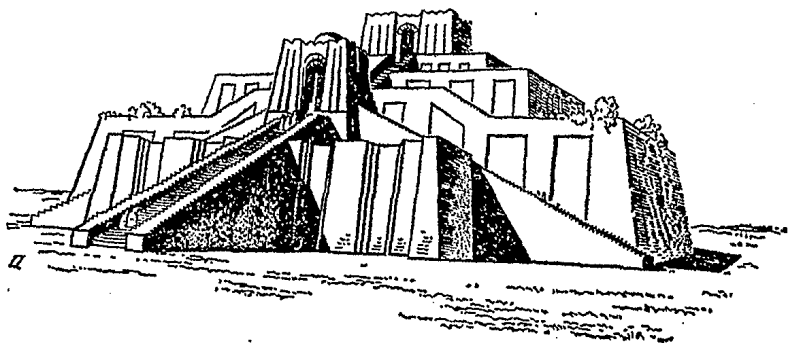
В Восточной Европе древние индоевропейцы уже в III—II тыс. до н. э. соприкасались с племенами, говорившими на финно-угорских языках, которые вместе с родственными языками самодийцев объединяются, как мы знаем, в уральскую семью. Область ее формирования, по мнению многих лингвистов, располагалась в Западной Сибири, откуда происходило заселение носителями этих

языков европейского Севера, вплоть до Скандинавии и Прибалтики. Известный финский ученый А. Кастрен и некоторые другие лингвисты включали уральские языки в более крупную языковую общность — урало-алтайскую, к которой они относили также алтайские языки, сложившиеся, несомненно, в Центральной Азии. Отсюда тунгусские народы в связи с развитием оленеводства распространились далеко на север, вплоть до берегов Ледовитого океана, а тюркские и монгольские кочевники-скотоводы совершали дальние переселения как на запад, вплоть до Восточной Европы и Малой Азии, так и на юго-восток, вплоть до Северного Китая. Близкие к древним алтайцам и родственным им корейцам предки японцев через Корею проникли в первых веках новой эры на Японские острова, где они встретили айские и индонезийские племена южного происхождения.

Соседями древних тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров в Центральной и Восточной Азии были предки народов китайско-тибетской семьи, первоначально обитавшие скорее всего в Западном и Центральном Китае до гор Циньлина на юге. С III тыс. до н. э. различные племена этой семьи начали расселяться к югу и постепенно освоили территорию Тибета, Южного Китая и части Индокитая. Еще южнее обитали австроазиатские и австронезийские племена. Первые первоначально занимали, вероятно, юго-запад Китая и крайний север Индокитая, а вторые жили восточнее, у берегов Тихого океана: древнекитайские источники включали их в состав племен юэ, широко расселенных на юге Восточной Азии. Уже во II тыс. до н. э. австроазиатцы распространились по всему Индокитаю и достигли Восточной Индии, где дали начало народам мунда, а австронезийцы, бывшие прекрасными мореходами, заселили Тайвань, Филиппины и всю Индонезию, где они ассимилировали более древние племена, возможно, близкие к папуасам. Из Индонезии еще в I тыс. до н. э. был заселен, по-видимому, Мадагаскар. Тогда же началось расселение австронезийцев по бесчисленным островам Океании. Отдельные группы этих смелых мореплавателей достигали, возможно, берегов Америки.

Образованием языковых семей не закончилась этническая история народов мира. Уже в период расселения носителей крупнейших групп языков по континентам происходило интенсивное взаимодействие различных этносов, их дифференциация и ассимиляция, исчезновение одних народов и формирование других. Так, например, при расселении индоевропейцев в Европе они встретили более древнее население, обитавшее там, вероятно, со времени позднего палеолита и мезолита и говорившее на не дошедших до нас языках, которые можно условно назвать «палеоевропейскими». Многие лингвисты считают, что германские языки сложились в процессе ассимиляции индоевропейцами какого-то доиндоевропейского языкового субстрата (лат. *substratum* — подслон, основа). Следы подобного субстрата прослеживаются и в языках балтийских народов — древних пруссов, литовцев и латышей. Возможно, что последними остатками палеоевропейцев были дожившие до начала II тыс. н. э. пикты Шотландии, о которых упоминают средневековые писатели и рассказывают шотландские народные легенды.

На севере Восточной Европы палеоевропейские племена были ассимилированы, по-видимому, не только индоевропейцами, но и угро-финнами, которые уже в период неолита (III—II тыс. до н. э.) распространились из Приуралья и Волго-Камья на север и запад, дойдя до берегов Балтийского моря. В прибалтофинских языках (эстонском, финском, карельском и др.) советские лингвисты выделяют субстрат, возможно, одинаковый с палеоевропейским субстратом летто-литовских языков. Позднее (скорее всего только в I тыс. до н. э.) на финскую речь перешли саамы (лопари), предки которых говорили на каком-то другом языке, возможно, близком к самодийскому. В Западной Сибири угорские и самодийские племена, продвигавшиеся на север, ассимилировали в тайге и тундре более древнее население, языки которого были, возможно, близки к языкам юкагиров. К востоку от Енисея юкагиры были в значительной степени поглощены распространявшимися с юга тунгусами, а позднее (в конце I тыс. н. э.) тюркоязычными якутами, предки которых обитали в Прибайкалье. На крайнем северо-востоке Сибири предки чукчей и коряков, воспринявшие оленеводство от тунгусов, в свою очередь ассимилировали

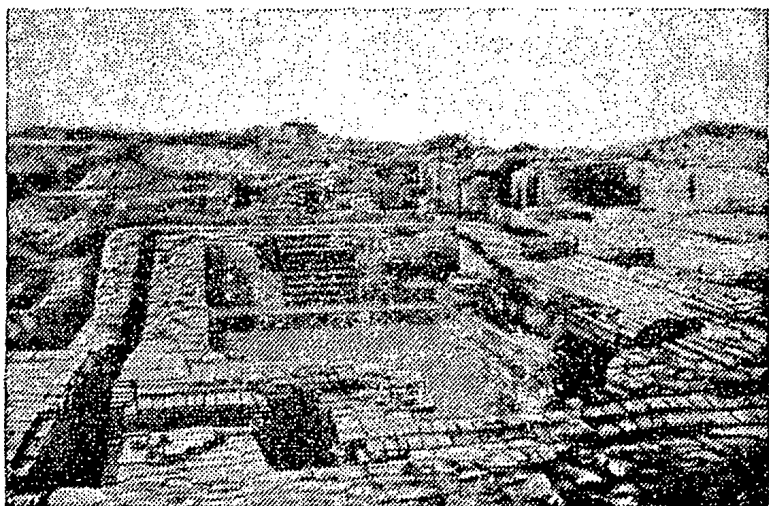

Памятники древнейших цивилизаций мира:

а — Зиккурат в шумерийском городе Уре (III тыс. до н. э.); б — древне-египетские сфинксы и пирамида (III тыс. до н. э.)

более древнее эскимосское население, занимавшееся главным образом охотой на морских животных.

Иначе протекали в древности процессы этнической дифференциации и ассимиляции в более южных частях ойкумены. С образованием в IV—II тыс. до н. э. на основе земледельческого хозяйства раннеклассовых обществ и древнейших государств в бассейнах рек Тигра и Евфрата, Нила, Инда, Ганга и Хуанхэ, а также в некоторых соседних странах здесь возникли очаги сплочения крупных народов, постепенно включавших в свой состав различные этнические элементы. Среди этих народов были представители различных языковых семей: шумеры, семитские аккады и древние египтяне, индо-

Бассейн для омовений в Мохенджо Даро

европейские хетты Малой Азии и бактрийцы и хорезмийцы Средней Азии, дравидские создатели цивилизации Хараппы и Мохенджо Даро, древние китайцы периода династии Инь (XVII—XI вв. до н. э.). Позднее, уже в I тыс. до н. э., подобную же роль центров этнической консолидации стали играть Вавилония и Ассирия, Элам и древняя Персия, Урарту в Закавказье, государства Северной Индии в бассейне Ганга, Древняя Греция (Эллада), эллинистические государства Передней и Средней Азии, возникшие на развалинах империи Александра Македонского и, наконец, Рим, объединивший под своей властью сперва всю Италию, а к началу нашей эры и большую часть стран Средиземноморья.

Соседями этих государств древности в полосе степей и полупустынь были различные скотоводческие кочевые и полукочевые народы, к которым в Северной Африке и Юго-Западной Азии принадлежали ливийские (берберские), кушитские, еврейские и древнеарабские племена, говорившие на семито-хамитских языках, на юге Восточной Европы, в Средней Азии и Южной Сибири — индоевропейские (ираноязычные) скифы, сарматы и саки, а в Центральной Азии — хунну (гунны), сяньби и другие этнические группы, говорившие на тюркских и монгольских языках. Племена эти своими набегами постоянно тревожили соседние государства, нередко вторгались

глубоко на их территорию, что приводило к интенсивным этническим смешениям и часто служило причиной формирования новых этносов. В первые века н. э. гунны, оттесненные китайцами от границ их государства, начинают продвижение на запад, увлекая с собой другие тюркские племена и постепенно ассимилируя степные праноязычные народы.

Скифы

Об этнической истории древних народов тропических и субтропических районов Африки и Азии, а также Австралии, Океании и Америки нам известно сравнительно мало. Очаги раннеклассовых обществ, а вместе с тем и консолидации крупных этносов в этих частях ойкумены возникли позднее, а во многих странах и совсем не сложились до начала европейской колонизации. Однако в Северной Африке еще в I тыс. до н. э. существовало несколько самостоятельных государств: Карфаген, основанный выходцами из Финикии, говорившими на семитском языке, близком к древнееврейскому, Мавритания и Нумидия, созданные ливийцами. Вслед за завоеванием Карфагена римлянами в 146 г. до н. э. государства эти после упорной борьбы стали римскими владениями. Еще за несколько веков до новой эры началось развитие классового общества на территории современной Эфиопии. Одно из сложившихся здесь государств — Аксум — достигло наивысшего расцвета в IV в. н. э., когда его владения на западе достигали страны Мероэ в долине Нила, а на востоке — «Счастливой Аравии» (современного Йемена). Во II тыс. н. э. сложились сильные государства в Западном Судане (Гана, Мали, Сонгаи и Борну); позже образовались государства на Гвинейском побережье (Ашанти, Дагомея, Конго и др.), к западу от озера Чад (государства народов хауса) и во многих других районах Африканского материка. Создателями этих государств были народы, принадлежавшие к различным языковым семьям и группам, но во всех случаях имела место этническая консолидация, в результате которой на-

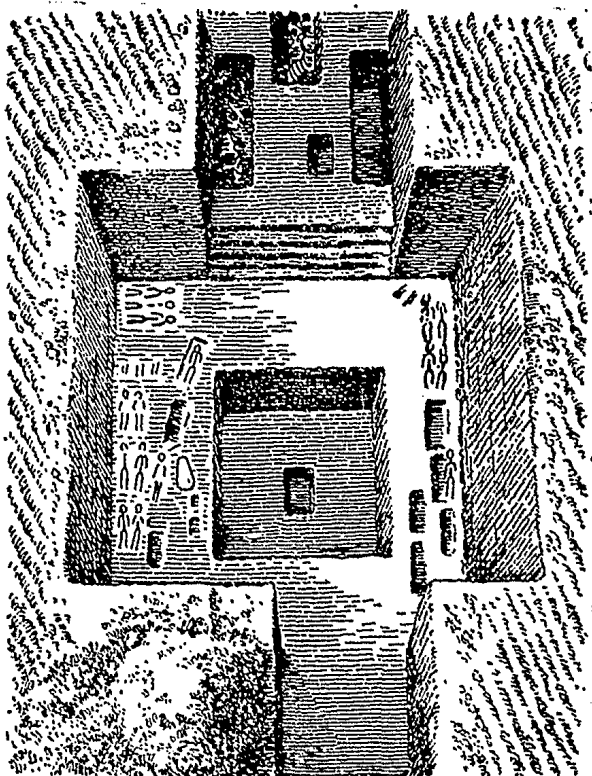
чали складываться многие крупные народы Африки, существующие и в наши дни.

В Индии на протяжении I тыс. до н. э. и первых веков новой эры происходило интенсивное смешение и взаимодействие между дравидами, мунда и индоарийцами. При продвижении на юг народы эти ассимилировали, по-видимому, более древнее аборигенное население, говорившее на неизвестных нам языках, по грамматическому строю, возможно, близких к языкам андаманцев, северохальмахерцев и папуасов. Последними остатками этих аборигенов являются, вероятно, ведды Шри Ланки, перешедшие на язык соседних сингалов, имеющих североиндийское происхождение, а также некоторые племена Южной Индии (ченчу, мудугары и др.), говорящие в настоящее время на различных дравидских диалектах.

Вторжение в Индию с северо-запада разных народов продолжалось на протяжении почти всей ее истории. В IV—II вв. до н. э. после индийского похода Александра Македонского установились связи Индии со странами эллинистического мира, сопровождавшиеся проникновением греческих и парфянских (персидских) элементов. Позднее, в конце II в. до н. э., началось переселение в Индию праноязычных саков (шаков), государство которых включало Гуджарат, Синд и часть Раджастанхана. В середине I в. н. э. происходило новое вторжение родственных шакам кушанов. Кушанское государство охватывало большую часть междуречья Ганга и Джамны, Панджаб, Кашмир, а также Афганистан, многие районы Средней Азии, включая Восточный Туркестан (Синьцзян).

Таким образом, в состав населения Индии вошло много новых этнических элементов; в результате их взаимодействия с местным населением сложились новые этносы, как, например, гуджары, джаты, раджпуты, возможно также тода и др. Очень важно подчеркнуть, что в создании древних и средневековых государств Индии, как и в развитии ее яркой и богатой культуры, принимали участие самые различные народы, говорившие на языках разных семей.

Об основных этапах древней этнической истории Восточной и Юго-Восточной Азии мы уже говорили. В I тыс. до н. э. здесь продолжало развиваться раннеклассовое древнекитайское государство, в экономической, политической и культурной истории которого принимали активное участие не только китайцы, но и другие народы, говорив-

Усыпальница иньского царя (раскопки в Аньлине на севере Китая)

шие на севере на тюркских, монгольских и маньчжурских, а на юге и западе — на тибето-бирманских, тайских, мло-яоских, мон-кхмерских и индонезийских языках. Территория современного Китая к югу от хребта Циньлин до середины I тыс. н. э. этнически не была китайской. Подобно этому в этнической истории Кореи, где в первых веках до новой эры также сложилось классовое общество, принимали участие южные юэские (индонезийские), северные палеоазиатские и западные древнеалтайские племена; язык последних стал основой развития корейского языка. В Японии первые государства возникли еще позднее (уже в I тыс. н. э.), в состав их населения вошли айны, индонезийцы и переселившиеся из Кореи собственно древнеяпонские племена.

В Индокитае и Индонезии классовое общество начинает складываться на рубеже и в первых веках новой

эры у древних вьетов (по-китайски «юэ») — предков современных вьетнамцев, живших к югу от них индонезийских чамов, австроазиатских кхмеров и монов, некоторых малайских народов Суматры и яванцев. В образовании первых государств Юго-Восточной Азии заметную роль играли переселенцы из Индии, а частично (во Вьетнаме), и из Южного Китая. Позднее, уже в конце I тыс. н. э., образуются государства бирманцев и тай, которые продвинулись в Индокитай с севера, тесня и ассимилируя более древних мон-кхмеров и индонезийцев. Этнический состав материковой части Юго-Восточной Азии оставался крайне пестрым на протяжении всей истории, тогда как в островной ее части (в Индонезии и на Филиппинах) большинство народов говорило на языках одной австронезийской семьи. С Филиппин и из Индонезии в I тыс. н. э. австронезийцы заселили всю Океанию, образовав здесь три языковые группы: меланезийскую, микронезийскую и полинезийскую. В Восточной Индонезии, на Новой Гвинее и на некоторых других островах Меланезии, они ассимилировали более древние папуасские племена. В заселении восточных островов Полинезии (особенно острова Пасхи), по мнению некоторых исследователей (например, норвежского этнографа и путешественника Тура Хейердала), могли принимать участие отдельные группы выходцев из Америки.

Древняя этническая история Америки известна нам очень мало. Первоначальное население проникло в эту часть света, как мы знаем, в конце палеолита из Северо-Восточной Азии за 30—25 тыс. лет до нашего времени. Было, вероятно, несколько последовательных волн заселения Америки; одной из последних явилось переселение эскимосов в I тыс. до н. э., постепенно распространившихся на восток вплоть до Гренландии. Что касается предков американских индейцев, то они, расселяясь на огромном пространстве от Аляски до Огненной Земли на протяжении 12—15 тысячелетий, распались на большое количество языковых семей и изолированных групп, отношения между которыми остаются до сих пор недостаточно изученными. В науке много споров вызвал вопрос о возможных связях Америки с другими частями света до плаваний Колумба и начала европейской колонизации.

Тур Хейердал, совершивший в 1969 и 1970 гг. два экспериментальных плавания от берегов Африки до островов Карибского моря на папирусных лодках «Ра-I» и «Ра-II», предполагает, что подобные суда еще древние

египтяне могли использовать для трансатлантических плаваний к берегам Америки.

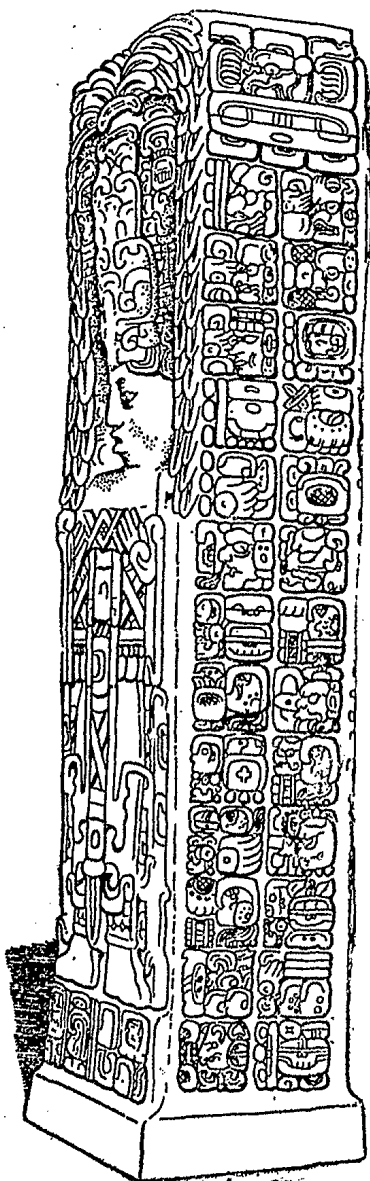
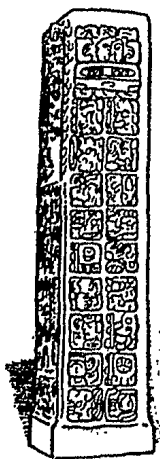
До наших дней обсуждается проблема Атлантиды — легендарной страны, располагавшейся, по свидетельству греческого философа Платона (V—IV вв. до н. э.), к западу от Гибралтара на большом острове, который еще в глубокой древности в результате какой-то грандиозной катастрофы был поглощен водами океана. Сторонники гипотезы о существовании Атлантиды считают, что через нее задолго до Колумба могли осуществляться хозяйственные и культурные контакты между народами Европы и Африки, с одной стороны, и Америки — с другой. Однако данные археологии, этнографии и других наук пока не подтверждают этой легенды.

Неоднократно высказывались мнения о древних плаваниях к берегам Америки китайцев, японцев и особенно австронезийцев, а также об обратных путешествиях в Океанию американских индейцев. Так, например, французский лингвист Поль Риве, сравнивая австронезийские и австралийские языки с южноамериканскими, выдвинул гипотезу, согласно которой полинезийцы достигали западных берегов Южной Америки, имея на своих судах в качестве рабов меланезийцев и даже австралийцев. Большой научный интерес представляют находки в 1956 г. при раскопках неолитических стоянок в местечке Вальдивия на южном побережье Эквадора глиняных сосудов с орнаментом, характерным для керамики культуры Дзёмон в Южной Японии (IV—III тыс. до н. э.). Возможно, что носители этой культуры, говорившие скорее всего на айнеских или австронезийских языках, были занесены в глубокой древности морским дрейфом к берегам Южной Америки. По мнению Тура Хейердала, предки полинезийцев были занесены морскими течениями от берегов Японии к западному побережью Северной Америки; они прожили там около тысячи лет, а затем переселились на Гавайские острова, откуда постепенно осваивали всю Полинезию. На острове Пасхи полинезийцы встретили более древнее население южноамериканского происхождения, частично истребили, частично же ассимилировали его.

Большинство советских и зарубежных этнографов относится к этим гипотезам с осторожностью, хотя и не отрицает, что в них может быть известная доля истины. Зато в свете новейших исторических и археологических данных надо считать вполне доказанным, что в XI—

Памятники высших культур древней Америки:

а — стеллы майя; б — ольмекская стелла

XIII вв. н. э. норвежские мореплаватели (викинги) из Исландии и Гренландии плавали к берегам Северной Америки и даже основали поселения в стране, названной ими Винланд (по-видимому, в районе современного Нью-фаундленда). Дальнейшая судьба этих скандинавских колонистов неизвестна, но существенного влияния на этническую историю Америки они не оказали.

Очаги раннеклассового общества и государственности в Америке сложились гораздо позднее, чем в Азии, Африке и Европе; это в значительной степени объясняется тем, что предки индейцев, первоначально очень малочисленные, затратили массу времени и усилий на освоение этой части света. Последние археологические материалы позволяют предполагать, что многие группы индейцев, особенно в Средней и Южной Америке (в области Анд), хорошо знакомые с земледелием еще пять—четыре тысячи лет назад, к рубежу новой эры достигли высокого уровня социально-экономического и культурного развития. В первых веках новой эры складываются государства майя и ольмеков в Мезоамерике; сохранившиеся от них архитектурные памятники и письменные источники говорят о богатой и сложной цивилизации. Несколько позднее, примерно с II—III вв. н. э., на территории современной Мексики начинают развиваться государства народов группы науа, сначала тольтеков, а затем ацтеков. В области южноамериканских Анд высокие культуры в I и начале II тыс. н. э. были созданы народами чибча на территории современной Колумбии и кечуа в пределах нынешних Перу, Боливии и Эквадора. В XIII—XV вв. во главе с племенем инка (из группы кечуа) сложилось сильное раннеклассовое государство, подчинившее ряд соседних племен. Все перечисленные государства доколумбовой Америки были варварски разрушены испанскими колонизаторами в XVI в.

Помимо процессов этнической консолидации, протекавших в средне- и южноамериканских государствах, в этнической истории американских индейцев было много других важных событий. Можно упомянуть, например, о массовых переселениях атапасков, которые освоили обширные пространства на территории современной Канады, США и Мексики, ассимилировав при этом ряд племен, говоривших на различных языках. Очень интересен процесс переселения с северного побережья Южной Америки на острова Карибского моря многочисленных племен карибов, которые истребили или подчинили себе

Памятники высоких культур древней Америки:

а — ацтекская глиняная статуэтка бога Кветцалкуатля; б — человеческая голова, древнеперуанский глиняный сосуд

живших здесь ранее араваков. Так как победители уничтожали почти всех мужчин из среды побежденных, то ко времени появления европейцев на этих островах сложилось своеобразное положение, при котором мужчины говорили на одном языке (карибском), а женщины на другом (аравакском). Таким образом, большинство народов Америки (как и всего мира) задолго до нашего времени было по своему происхождению этнически неоднородным и включало потомков разных племен, первоначально говоривших на самостоятельных и далеко не всегда родственных между собой языках.

КАК СКЛАДЫВАЛАСЬ СОВРЕМЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА МИРА

Ограниченный объем книги не позволяет нам остановиться подробно на дальнейшей этнической истории народов мира. История эта становится все более сложной и многообразной с ростом численности населения, развитием его производительных сил, усложнением общественной организации и прогрессом культуры. Все более и

более массовыми делаются переселения (миграции), нарастают темпы смешения и хозяйственно-культурного взаимодействия между отдельными народами и целыми их группами, часто живущими далеко друг от друга.

Отвечая на вопрос, как складывалась современная этническая карта мира, мы остановимся только на тех этнических процессах, которые сыграли наибольшую роль в формировании этой карты.

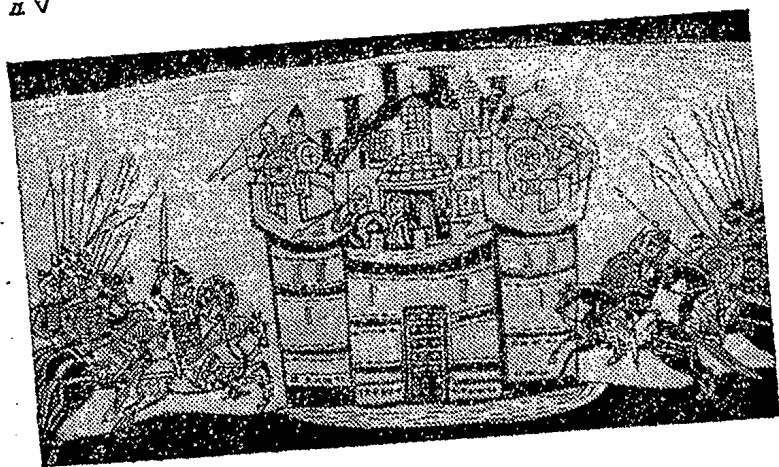
Большое значение для этнической истории Европы, Азии и Северной Африки имело так называемое великое переселение народов, происходившее в IV—IX столетиях, когда на развалинах древних империй в большинстве стран этой части ойкумены складывались феодальные государства и вместе с тем начался процесс образования новых этносов, из которых многие существуют и в наши дни. Именно в это время произошло расселение славян по Восточной Европе и освоение ими почти всего Балканского полуострова, распространение германцев по Центральной и Северной Европе и проникновение их на Британские острова, где раньше жили кельты, формирование романских народов в результате смешения латинизированного населения различных провинций бывшей Римской империи с «варварскими племенами», вторгшимися в ее пределы и немало способствовавшими ее окончательному распаду.

Упомянутое выше передвижение на запад гуннов в конце IV в. достигло Европы, где они основали в бассейне Дуная крупное, но непрочное государство с этнически очень смешанным населением. Следом за гуннами в Восточную Европу пришли другие тюркские племена — хазары, авары, болгары, печенег, половцы и т. д. Одна из групп болгар поднялась по Волге и сыграла видную роль в этногенезе чуваш и татар, а другая, перейдя в 679 г. Дунай, растворилась к югу от него среди славян, передав свое наименование болгарскому народу. В VIII—IX вв. с Южного Урала на Средний Дунай переселились венгры (мадьяры), по языку родственные уграм Западной Сибири — хантам и манси. Массовые передвижения тюркских народов имели место в Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, где во второй половине I тыс. н. э. сложился ряд сменявших друг друга племенных объединений и государств, которые включали весьма разнородные этнические общности. В конце V в. большая группа среднеазиатских ираноязычных племен эфталитов (белых гуннов) двинулась в Индию, где основала круп-

Великое переселение народов:

а — средневековые китайские изображения гуннов; б — взятие болгарским ханом Крумом города Средеца (София). С картины Пенчо Куликова

ное государство на территории бывшей Купанской империи. С VI — начала VII в. начались арабские завоевания, сопровождавшиеся расселением арабов по странам Передней Азии и Северной Африки и ассимиляцией ими местного населения.

На Востоке и Юго-Востоке Азии, где в I и начале II тыс. н. э. также развивались феодальные отношения, в это время продолжались многие этнические процессы, уже рассмотренные выше. Завершается этническая, а вместе с тем и государственная консолидация корейцев и японцев. Китайцы, называвшие себя «Хань» (по имени династии III в. до н. э.), постепенно осваивают территории к югу от Циньлина, где смешиваются с различными народами, передавая им свой язык и в свою очередь

заимствуя от них разные хозяйственные и культурные навыки. Они распадались на местные группы, сильно отличные друг от друга. В Индокитае этнические и политические территории вьетнамцев, бирманцев и таи расширяются за счет мон-кхмеров и индонезийцев (в частности, чамов). С Суматры расселяются малайцы, которые осваивают Малакку, а затем распространяются почти на всей Индонезии, взаимодействуя с родственными им другими группами индонезийцев и образуя при этом ряд новых этносов. Начиная с первых веков новой эры здесь возникает несколько феодальных государств, из которых наиболее крупными в VII—XIII вв. были Шривиджайя на юго-востоке Суматры и позже Маджапахит на центральной Яве. В зависимости от последнего государства находилась вплоть до конца XV в. значительная часть Индонезии, а возможно и Филиппин.

В первой половине II тыс. н. э. большое влияние на этническую историю Азии и Европы оказали завоевания монголов, захвативших другие, преимущественно тюркские, народы, вошедшие в XIII в. в состав обширной, хотя и эфемерной империи Чингисхана и его преемников. В результате монгольских завоеваний, сопровождавшихся перемещением на огромные расстояния целых этнических общностей, резко усилилось смешение между народами разного происхождения и создались предпосылки для формирования в Центральной, Средней и Передней Азии, на Кавказе и в Восточной Европе новых этносов. Примером этих этнических процессов может служить появление различных групп татар в Сибири, Волго-Камье, Крыму и некоторых других районах нашей страны. Вслед за монголо-татарами на Кавказ и в Малую Азию, а несколько позднее и на Балканский полуостров проникли новые группы тюркских народов — огузов, родственников современным среднеазиатским туркменам; они смешались с местным населением и сыграли существенную роль в формировании новых этносов, в том числе азербайджанцев и турок-османов, сокрушивших в XV в. Византию и покоривших на несколько веков многие народы Юго-Восточной Европы и Северной Африки. Примерно в то же время завершилось распространение племен, говоривших на языках банту, из восточных и центральных районов Африканского континента на всю южную его половину. К концу XV столетия в Азии, Европе и Африке сложились почти все этносы, существующие в наши дни.

Колоссальное значение для этнической истории всего мира имело зарождение, а затем и развитие в Европе капитализма и тесно связанное с этим переселение больших масс европейцев в XVI—XIX вв. в Америку, Австралию, Океанию и Южную Африку. Главную роль в этих грандиозных миграциях играли сначала испанцы и португальцы, а позднее голландцы, французы и особенно англичане. Многие группы этих народов, оторвавшиеся от своих материнских этносов, в новых местах обитания дали начало совершенно новым этническим общностям. В их образовании в одних случаях главную роль играло коренное аборигенное население колоннальных стран, в других же случаях — потомки переселенцев из Европы, так как аборигены были почти полностью истреблены, искусственно изолированы или вытеснены со своих этнических территорий. По первому пути шло формирование народов Мексики, многих стран Центральной и Южной Америки. Вторым путём этнического развития характерен для Канады, США, Аргентины, Уругвая, Австралии, многих островов Океании — Новой Зеландии, Гавайев и др. На юге Африки аналогичным образом сложился из потомков голландских переселенцев (так называемых буров) новый этнос — африканеры, насчитывающие в наши дни 2,9 млн. человек и говорящие на особом языке «африкаанс», близком к голландскому, но отличающемся от него многими особенностями. В некоторых американских странах, особенно на островах Карибского моря, в Венесуэле, Бразилии и Гайяне, большую роль в этнической истории играли наряду с европейскими иммигрантами и подданными потомки рабов африканского происхождения.

К числу важнейших этнических процессов XVI — начала XX в. относится расселение русских в Сибири, а частично также на Кавказе и в Средней Азии. В отличие от многих других народов русские переселенцы почти никогда не отрывались от родного этноса. Однако их хозяйственно-культурная дифференциация на новых местах и смешение с коренным населением часто приводили к возникновению новых этнографических групп в составе самого русского народа. В Сибири наиболее резкие культурно-бытовые различия сложились между старожилами — потомками переселенцев XVII — начала XIX в. — и новоселами, состоявшими в массе из беднейших крестьян, переселившихся за Урал в период развитого капитализма после реформ 60-х годов. В это же время наряду

с русскими в разные районы азиатской части нашей страны переселились значительные группы украинцев, белорусов, латышей, эстонцев, татар, коми, мордвы и других народов. Переселенцы эти частично сохраняли свои языки, культурные особенности и самосознание, частично же постепенно сливались с соседним более многочисленным населением (чаще всего русским).

Таким образом, к началу XX в. современная этническая карта мира в основных чертах сложилась. Конечно, этнические процессы (в частности, миграции) продолжались и позднее, продолжают они и в наши дни. Решающее влияние на их сущность и направление оказала Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории всего человечества — эру коммунизма. Однако этнические процессы послеоктябрьского периода, длящиеся в большинстве случаев и в наши дни, для нас не прошлое, а живая современность. Они играют огромную роль во всех явлениях нашей общественно-политической и культурной жизни.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ПЛЕМЕНА И ИХ РОДСТВЕННЫЕ ГРУППЫ

Теперь мы снова должны вернуться в глубь времен, чтобы разобраться в очень важном и интересном вопросе о типах этнических общностей. Выше уже было сказано, что народы, или этносы, распадаются на этнографические группы и вместе с тем объединяются в более крупные систематические рубрики — группы родственных народов, или этнолингвистические общности. Это, так сказать, «горизонтальная» классификация этнических общностей, но наряду с ней существует и другая их классификация — «вертикальная», обусловленная тем, что народы разных исторических эпох качественно отличаются друг от друга. Советские ученые придают большое значение разработке вопроса о типах этнических общностей разных периодов истории человечества.

Наиболее ясен вопрос об этнических общностях эпохи первобытнообщинного или доклассового строя. Общности эти, обычно называемые «племенными», складывались, как и все другие этнические общности, на определенной территории среди людей, находившихся между собой в реальных хозяйственных связях, говоривших на одном языке и обладавших определенными культурно-бытовыми особенностями. Однако в отличие от этнических общностей более поздних исторических эпох первоначальные

племенные общности основывались на действительных или мнимых кровнородственных связях, т. е. состояли из людей, имевших общее происхождение или во всяком случае считавших себя связанными таким происхождением. Второй характерной особенностью племенных общностей являлось отсутствие внутри них сколько-нибудь значительного социального расслоения, а тем более антагонистических классов. В силу этого культура племенных общностей была единой: этническая и социальная специфика культуры у первобытных людей более или менее совпадали между собой.

Мы не случайно говорим здесь о племенных общностях, а не об отдельных племенах. Дело в том, что в эпоху первобытнообщинного строя, по всей вероятности, уже существовали этнические общности различных порядков. На основании сравнительного изучения этнографических и археологических материалов многие советские и зарубежные ученые предполагают, что еще до образования древнейших племен территориальные группы людей, спаянные общей хозяйственной деятельностью, делились на две половины, внутри которых были строго запрещены браки и вообще половые связи между мужчинами и женщинами. Вступать между собой в брачные отношения могли только люди, принадлежавшие к разным половинам первобытного общества. Половины эти получили в этнографической науке название «фратрий» (буквально «братств»), а связанная с ними организация первобытного общества — «дуальной» (двойной) организации. Обычай вступать в брак только с членами чужой половины был назван «экзогамией» (древнегр. «экзос» — внешний и «гамеос» — брак). У наших далеких предков, живших, по выражению В. И. Ленина, «первобытными стадами» и не имевших устойчивой социальной организации, обычай экзогамии, едва ли не самый древний в истории человечества, возник, по-видимому, в процессе постепенного обуздания животных инстинктов. В дальнейшем древнейшие фратрии подразделялись на более мелкие, также экзогамные группы (роды), ведущие свое происхождение от общих, действительных или воображаемых, предков. Род (первоначально, вероятно, материнский) стал ядром первичной социально-экономической организации человеческого общества. Племена, состоявшие из фратрий, в свою очередь делившиеся на роды, были, по-видимому, древнейшими этническими общностями людей современного вида, ко-

которые сложились либо в результате деления первобытнообщинного строя на две экзогамные части, либо (что, по нашему мнению, более вероятно) путем объединения двух самостоятельных коллективов. Однако отдельные племена вряд ли были основными этносами первобытного общества. Более правдоподобно, что в процессе дробления и объединения отдельных родственных, а возможно и неродственных племен очень рано стали складываться более крупные соплеменности — группы племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладающих многими общими особенностями культуры. Именно такие соплеменности и представляли собой основные этносы, или народы, эпохи первобытнообщинного строя.

Изложенные взгляды на происхождение древнейших этносов подтверждаются фактическими материалами, относящимися к народам, в жизни которых до недавнего времени сохранялись многие черты первобытнообщинного строя. Так, например, австралийцы делились на отдельные племена, общее число которых достигало 500. Численность разных племен колебалась от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Большинство этих племен представляло собой, по-видимому, уже племенные объединения — своего рода народы, или этносы, первобытного общества. Именно такими общностями, состоящими из отдельных небольших племен, были, по-видимому, наиболее известные племенные группы австралийцев: камиларо, курнаи, нарриньер, аранда, варрамунга, карьера, ньюль-ньюль и др. Границы между этими общностями часто бывали расплывчатыми и неопределенными. Соседние племенные группы мало отличались друг от друга по своим хозяйственным и культурно-бытовым особенностям. Отдельные люди могли переходить из одного племени в другое. У австралийцев не было ни племенных вождей, ни племенных советов, ни каких-либо других форм постоянной племенной организации. Но каждое племя имело свое название, территорию, свои особые обычаи, обряды, предания о происхождении и другие этнические традиции. Отдельные племена большей частью говорили на диалектах одного языка, характерного для целой группы родственных племен, т. е. для первобытного этноса.

Гораздо более сложной была племенная организация у народов, которые ко времени изучения их этнографами стояли на грани перехода к классовому обществу. Ярким

примером такой усложненной организации могут служить протоки, общественный строй которых, по данным выдающегося американского этнографа Л. Моргана, описан Ф. Энгельсом в его классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). В состав протоков входило несколько племенных групп: собственно протоки, эри, гуроны и др. У каждого племени была собственная территория и собственное имя, особый, свойственный лишь этому племени диалект общего протоковского языка, а также специфические религиозные представления, мифология и обряды культа. В отличие от австралийских племен у протоков существовали племенные советы, куда входили военные вожди и старейшины для мирного времени (главы родов), называемые европейскими авторами «сахемами».

Около 1570 г. протоковские племена сенека, кайюга, онондага, онеида и могауки образовали союз пяти племен, известный в этнографической литературе под названием «Лиги протоков». Позднее к этому союзу присоединилось шестое племя тускарора. Лига эта была построена на основе полного равенства и самостоятельности всех входящих в нее племен. Ее органом был союзный совет, состоявший из 50 сахемов, равных по положению и почету. Заседания совета происходили под открытым небом перед всем собравшимся народом, однако окончательное решение выносили только члены совета. Кроме совета, «Лига протоков» имела еще двух высших военных вождей с равными полномочиями и равной властью. Племенные союзы, аналогичные протоковскому, существовали и у других индейцев Северной Америки, например у криков, живших на юго-востоке США в пределах современного штата Джорджия, или у дакотов, расселенных в области североамериканских степей — прерий; союз семи племен дакота назывался «Семь костров племенных советов»; в научной литературе его именуют обычно «Великой конфедерацией прерий». Сходные формы племенной организации имели место и за пределами Америки; по историческим данным хорошо известны, например, племенные союзы славянских, балтийских, германских, кельтских, индийских и многих других народов.

Таким образом, в эпоху первобытнообщинного или родового строя основными этносами были группы родственных племен или соплеменности. Отдельные племена, входившие в состав этих этносов, хотя и обладали известной языковой и культурной спецификой, тем не

менее представляли собой только части или подразделения более крупных народов, своего рода этнографические группы или субэтноты, согласно принятой нами систематической терминологии. Очень важно подчеркнуть, что все члены отдельных племен, или этнографических групп, прекрасно сознавали свою принадлежность к основным этносам. Каждый прокез, например, считал себя принадлежащим не только к какому-то определенному племени, но и к прокезскому народу в целом. В сущности говоря, большинство народов, еще не разделившихся на антагонистические классы, представляло собой именно такие племенные общности. К ним должны быть отнесены очень многие этносы, как, например, средневековые народы, перечисленные в русских летописях. Этот список можно было бы дополнить длинным перечнем древних и современных народов, в том числе племенных общностей восточных славян — вятичей, кривичей, ильменских словян, радимичей, дреговичей, древлян, полян и др. — позднее сплотившихся в древнерусский этнос, о котором мы уже упоминали выше. К той же категории этнических общностей принадлежали племенные общности древних и раннесредневековых германцев — славян, остготов, лангобардов, бургундов, франков, саксов, аллеманов, баваров и др. Такими же соплеменностями были до столкновения с европейцами многие народы Сибири, Центральной и Южной Африки, Юго-Восточной Азии, Америки и Океании.

НАРОДНОСТИ

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

Этнические общности тех эпох истории человечества, когда существовали антагонистические классы, принципиально отличались от племен и их родственных групп двумя основными признаками: во-первых, тем, что общности эти состояли из людей, связанных друг с другом не кровным родством, но хозяйственно-культурными отношениями территориально-соседского типа и, во-вторых, тем, что они всегда включали эксплуататорские и эксплуатируемые классы, между которыми существовали значительные различия в социально-экономическом положении и культурно-бытовых особенностях. Весь огромный период истории от возникновения в IV тыс. до н. э. первых классовых обществ в Передней Азии и Северной Африке до Великой Октябрьской социалистической рево-

люции, открывшей человечеству дорогу к коммунизму, был периодом жестокой борьбы между антагонистическими классами, которые не только противостояли друг другу в процессе общественного производства, но и имели совершенно различный образ жизни, хотя и могли принадлежать к одному и тому же народу. Этническая специфика культуры и быта в классовом обществе перестала совпадать со спецификой социальной.

В рабовладельческих обществах Дальнего Востока и античного мира большинство населения составляли, как правило, свободные общинники, главным образом, земледельцы. Основным же эксплуатируемый класс — рабы — отличался, по крайней мере на первых порах, от рабовладельцев и свободных общинников своей этнической принадлежностью. Рабы первоначально не входили в этнос других классов общества и только медленно и, можно сказать, очень болезненно включались в его состав. Так, например, в Римской империи большинство рабов происходило из различных народов, с которыми римляне вели завоевательные войны. В рабское состояние были обращены тысячи военнопленных фракийцев, иллирийцев, галлов (кельтов), германцев, славян и многих других народов, земли которых были полностью или частично захвачены римскими войсками в Европе, Северной Африке и Западной Азии. Вождь самого крупного восстания рабов в I в. до н. э. Спартак по происхождению был фракийцем, но под его руководством вели борьбу за свое освобождение тысячи рабов, принадлежавших к различным народам. В первых веках новой эры, когда экономическая и военная мощь Рима начала постепенно ослабевать, многие более дальновидные римские рабовладельцы стали сажать своих рабов на землю, снабжать их орудиями производства, разрешали им жениться и обзаводиться семьей. Очевидно, что потомки этих рабов входили в состав тех народов, в окружении которых они жили. Кроме того, в конце существования Римской империи большое число рабов выкупалось или просто отпускалось на свободу. Немало таких вольноотпущенников были богатыми людьми; некоторые из них играли значительную роль в хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни Рима и даже занимали высокие государственные должности.

В феодальном обществе, в отличие от рабовладельческого, эксплуатируемые группы населения — крепостное крестьянство и трудящиеся города — всегда составляли

основу этноса и именно их культурные особенности выступали в качестве характерных этнографических признаков всего народа. Что же касается социальной верхушки этого периода — помещиков-крепостников всех рангов, то по мере развития феодализма в ней все сильнее становилась тенденция своего рода космополитизма, и по своему культурно-бытовому укладу и самосознанию она в значительной степени отрывалась от широких трудящихся масс. Именно в это время среди феодальной знати появляется стремление противопоставить себя народу, кичиться своим происхождением от древних, часто легендарных, князьков, различного рода завоевателей и захватчиков. В области идеологии стремление это находит свое отражение в реакционных представлениях об изначальном делении всех людей на белую и черную «кость», на прирожденных господ и бесправную «чернь», которой сам бог повелел «трудиться в поте лица своего».

Приведем несколько конкретных примеров, иллюстрирующих эти общие положения. Так, в раннефеодальную эпоху все только что описанные процессы были очень характерны для многих стран Северной Африки, где параллельно с их исламизацией местная социальная верхушка отрывалась от народной культуры и вступала на путь арабизации. В позднефеодальное время, в особенности в XVII—XVIII вв. н. э., в большинстве стран Европы феодальная знать, почти полностью оторвавшись по образу жизни от народа, говорила на французском языке и всячески подражала нравам и обычаям, сложившимся у французской знати. Такое подражание после реформ Петра Первого широко распространилось и среди верхушки русского дворянства. В феодальную же эпоху наиболее часто возникали общества, где в результате завоеваний почти совпадали основные линии классовых и этнических различий. Так, например, в Латвии и Эстонии, еще в XIII в. захваченных немецкими крестоносцами, крепостными крестьянами было коренное латышское, эстонское и ливское население, а помещики-феодалы принадлежали к иноземцам — немцам, датчанам, шведам, отчасти к полякам. Подобно этому в средневековой Ирландии крепостными были ирландцы, долгое время сохранявшие кельтский язык, а помещиками — в большинстве случаев англичане, говорившие на своем языке. В Индонезии вплоть до XV в. высшая знать многих феодальных государств, частично происходившая из Индии, пользовалась санскритом и другими индийскими языками, в то

время как закрепощенное крестьянство говорило на различных языках индонезийской группы.

В советской политической и научной литературе для обозначения этносов рабовладельческого и феодального периодов обычно употребляется один и тот же термин — «народность». Надо, однако, иметь в виду, что в каждой новой социально-экономической формации (в том числе и в феодальной) наряду с характерными именно для нее типами этнических общностей продолжают существовать также общности, сложившиеся в предыдущие эпохи. Так, например, в состав русского феодального государства XV—XVIII вв. входили самые различные группы племен, расселенные на огромных пространствах от Поволжья до Тихого океана. Когда русские люди, перевалив через Уральские горы, начали освоение Сибири, они встретились там с многочисленными народами, которые по своей этнической структуре в большинстве случаев представляли собой группы родственных племен. Такими были манси (вогулы) и ханты (остяки) Зауралья и Западной Сибири, различные группы самодийских и тунгусских племен, а также уже знакомые нам палеоазиаты, эскимосы и алеуты. Аналогичные процессы включения в состав феодальных государств народов, сохранивших многие особенности первобытнообщинного строя, наблюдались и во многих других странах. Так, в Индии, Южном Китае, Индокитае, Индонезии и на Филиппинах крупные народности с развитыми феодальными отношениями заселяли главным образом плодородные долины больших рек и морские побережья, в то время как в горных районах жили небольшие этносы, до последнего времени полностью или частично сохранившие племенную структуру.

Очень характерно для феодальной эпохи также существование этнических общностей различных порядков и тесно связанное с этим многоступенчатое этническое самосознание, которое было обусловлено натуральным хозяйством и политической раздробленностью этого периода истории, когда каждая отдельная экономически почти замкнутая сельская община считалась в первую очередь принадлежащей к своему княжеству, возглавлявшемуся «своими» феодалами. У многих народов, особенно кочевых, это локальное самосознание сочеталось еще с пережитками сознания племенного и даже родового. Наряду с ними существовало, однако, и ясное сознание принадлежности к более крупным территориальным общностям,

к населению «своей», родной земли, которой владел хотя бы формально верховный феодал — великий князь, царь или король.

Русские люди всегда сознавали неразрывную связь с родной Русью, французы с Францией, немцы с Германией. Но в период феодальной раздробленности XIII—XV вв. отдельные местные группы русского народа, оставаясь русскими по своему этническому самосознанию высшего порядка, в то же время чувствовали себя москвичами, тверичами, рязанцами, новгородцами, псковичами и т. п. Точно так же французы в средние века осознавали себя не только французами, но и гасконцами, савоярами, лотарингцами, нормандцами, а немцы — не только немцами, но и баварцами, саксонцами, вестфальцами, голштинцами и т. п. Локальное самосознание постепенно уступает своё место общенациональному.

НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Этнические общности нового типа, складывающиеся с развитием капиталистических отношений, в советской научной и политической литературе обычно называют «нациями». Характерные особенности наций, отличающие их от этнических общностей предшествующих эпох, определены во многих работах В. И. Ленина. Самое главное в формировании нации, по Ленину, — это укрепление экономических связей между всеми местными группами народа, слияние местных рынков в единый общенациональный рынок. В России процесс этот начался в XVII в., в других европейских странах он разворачивался несколько раньше или позднее, но всегда в связи с развитием капитализма. Ленин очень четко отличает нации от местных групп населения феодального периода, которые хотя и были территориальными, а не кровнородственными, как первобытные племена, тем не менее не представляли собой единого экономического целого. С образованием нации, как правило, постепенно сходит на нет местное этническое самосознание, заменяясь сознанием принадлежности к общенациональному целому.

Анализируя проблему национального развития различных народов, В. И. Ленин в свое время писал: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба про-

тив всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.». Подчеркивая исторически прогрессивный характер обеих тенденций, Ленин указывал, что при капитализме они вступают между собою в антагонистические противоречия. Именно эти противоречия являются в мире капитализма основным источником острых национальных конфликтов, нередко приводящих к вооруженным столкновениям, восстаниям угнетенных народов и войнам национально-освободительного характера — самым справедливым войнам во всей истории человечества.

Однако и в эпоху развитого капитализма бывает, что некоторые этнические общности, сложившиеся в более раннее время, продолжают существовать, не становясь экономически сплоченными единицами и, следовательно, не складываясь в самостоятельные нации. Такие общности часто обозначают как «народности» капиталистического периода, хотя по своему классовому составу и культурно-бытовому укладу они сильно отличаются от народностей феодальной эпохи. Именно такие народности, возникшие еще при феодализме, но продолжающие существовать и сохранять свою этническую специфику, представляют собой многие малые народы в развитых капиталистических странах Западной Европы, как, например, уэльсцы (валлийцы) в Англии, бретонцы во Франции, галисийцы и баски в Испании, а также фриулы в Италии.

Нации и народности капиталистического периода, как и этносы раннеклассовых социально-экономических формаций, состоят, как правило, из антагонистических классов, между которыми все время происходит экономическая, политическая и идейная борьба. Как известно, основными классами периода капитализма во всем мире являются буржуазия и пролетариат. Однако наряду с ними в эту эпоху в большинстве стран продолжают существовать, хотя и постепенно разлагаются, классы феодального времени — помещики и крестьяне. Кроме того, в составе всех перечисленных классов складываются различные социальные группы и прослойки — мелкая, средняя и крупная буржуазия, промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, кустари-ремесленники, интеллигенция, по своему происхождению, экономическому

положению и идеологии связанная с разными классами. Удельный вес всех этих групп в составе различных наций и народностей может быть очень различным; в значительной степени он зависит от соотношения в хозяйственной жизни отдельных народов социально-экономических укладов. Тем не менее культурно-бытовые различия между разными классами и социальными группами наций и народностей эпохи капитализма всегда бывают очень значительными. Это дало основание В. И. Ленину выдвинуть свое положение о «двух нациях в каждой современной нации», о «двух национальных культурах в каждой национальной культуре». Речь идет о противопоставлении реакционной культуры господствующих классов буржуазии и примыкающих к ней обуржуазившихся помещиков, с одной стороны, и прогрессивной демократической культуры широких трудящихся масс во главе с рабочим классом — с другой.

Своеобразно протекают процессы национального развития в бывших колониальных и зависимых странах, недавно освободившихся из-под гнета империалистов. Преобладают здесь несомненно исторически прогрессивные процессы экономического, культурного и политического сближения разных народов, их интенсивного взаимодействия во всех областях общественной жизни. Такое сближение происходит, как правило, в рамках исторически сложившихся государств. Политические границы в зарубежной Азии (как, впрочем, и в Африке и Латинской Америке) стали в наши дни в большинстве случаев также рубежами между формирующимися крупными историческими общностями нового типа, независимо от того, являются ли они однородными или неоднородными в этническом отношении. Нет сомнения, например, что к таким общностям принадлежит и ясно сознает эту принадлежность большинство населения стран Южной и Юго-Восточной Азии: Индии, Непала, Шри Ланки, Бирмы, Таиланда, Лаоса, Кампучии, Индонезии, Филиппин и др.

Такого рода общности в новейшей литературе часто называют «этнополитическими» или (речь идет о периодах капитализма и социализма) «метаэтническими». Во многих странах нашей планеты, как, например, в Восточной и Южной Азии, большинство современных государств и складывающихся в их пределах новых общностей описанного типа имеет глубокие исторические корни. Уже в середине века (а иногда и раньше)

здесь существовали экономические связи между разными народами, вырабатывались в процессе их передвижения, смешения и взаимовлияний сходные черты хозяйства, материальной и духовной культуры, развивались языки, служившие, несмотря на многоязычность населения, средством общения между разными этносами, часто складывались общие системы письменности.

Когда путешествуешь по Индии или Индонезии, поражаешься, как много близких особенностей имеется в культуре разных народов каждой из этих стран. В последнее столетие огромную роль в сплочении народов всех стран зарубежной Азии, Африки и Латинской Америки имел подъем у них национально-освободительного движения, в которое втягивались разные этносы, отличавшиеся друг от друга по численности, уровню социально-экономического развития, языку, особенностям хозяйства, культуры и быта. Участие в общей борьбе в сильнейшей степени способствовало укреплению хозяйственно-культурных связей между этими народами, росту у них патриотизма и ясного сознания принадлежности к одному целому — общей для всех них Родине. Герои национально-освободительной борьбы становились героями всей страны, независимо от того, из какого народа они вышли. Все народы Индии, например, чтут память талантливого вождя борьбы с англичанами на юге страны в конце XVIII в. Типу-султана, бесстрашной героини индийского восстания 1858—1859 гг. Лакшми Бай (рани Джанси), выдающегося революционного демократа Тилака, руководителей народов Индии нашего времени Махатму Ганди и Джавахарлала Неру, принадлежавших, как известно, к разным этносам.

После завоевания независимости тенденции социально-экономического и культурного сплочения народов развивающихся стран еще усилились. У населения этих государств выросло сознание принадлежности к новым национально-политическим общностям, которые в популярной литературе и прессе называют иногда «народами» в самом широком смысле слова. В наши дни вполне реальными стали такие понятия, как «народ Индии», «народ Бирмы», «народ Индонезии» и т. п., несмотря на то что каждый из этих народов состоит из различных этнических общностей.

Аналогичные процессы образования новых национально-политических общностей разворачиваются на наших глазах и в других странах, народы которых добились

после окончания второй мировой войны политической независимости. Так, в Африке формируются национально-политические общности, или «народы», в таких молодых государствах, как Гвинея, Нигерия, Танзания, Ангола, Заир и др. Очевидно, что национально-политические общности не могут быть отождествлены с общностями этническими, в том числе и с нациями, хотя в политической жизни многих зарубежных стран (включая страны Восточной и Южной Азии) постоянно пользуются термином «нация» для обозначения именно таких исторических общностей нового типа. Слово «нация» в этом случае приобретает чисто политический смысл и по существу совпадает со словом «государство».

Советские ученые, следуя за В. И. Лениным, понимают под нацией этническую общность определенного периода в истории человечества, а вовсе не любое государство. Могут существовать как национальные, так и многонациональные государства. В зарубежной Азии примерами первых могут служить Кампучия и Япония, а примерами вторых — Индия и Бирма. Вопрос об отношении национально-политических общностей к этносам различных типов должен быть рассмотрен особо. В странах с однородным или почти однородным этническим составом населения, например в Японии, КНДР, Сомали или Мадагаскаре, общности эти совпадают в наши дни с формирующимися или сформировавшимися нациями. В других странах, большинство населения которых говорит на родственных языках и характеризуется сходными культурно-бытовыми особенностями, разворачиваются процессы национальной консолидации — формирования единых наций путем сплочения разных, но большей частью близких этнических общностей. Именно в этом смысле можно говорить о формировании таких наций, как индонезийская и филиппинская. Общенациональным языком в Индонезии становится индонезийский язык («бахаса индонезиа»), развившийся на основе малайского диалекта островов Риау-Лингга, на Филиппинах — видоизмененный тагальский язык, получивший название «пиллипино».

Иначе протекают этнические процессы в тех странах, народы которых не только находятся на различных ступенях социально-экономического развития, но и говорят на разных, часто совсем не родственных языках. Формирование национально-политических общностей происходит и здесь, но общности эти не только не совпадают с племенами, народностями или нациями, но и не обнару-

живают тенденций к такому совпадению в ближайшем будущем. Именно так обстоит дело в Индии или Бирме, где еще в феодальную эпоху сложилось несколько крупных высокоразвитых народностей со своеобразной культурой, самостоятельными языками, а часто и системами письменности. С развитием капитализма, образованием пролетариата и буржуазии некоторые из этих народностей консолидировались в нации с ясно выраженными различиями между двумя национальными культурами — буржуазно-помещичьей и народно-демократической. Вокруг этих крупных народностей и наций происходит в наше время консолидация более мелких и обычно более отсталых этнических общностей. В Индии главными очагами такой консолидации являются уже знакомые нам хиндиязычные народы северных штатов страны, а также маратхи, бенгалцы, гуджаратцы, раджастанцы, ория, панджабцы, кашмирцы, ассамцы, телугу, тамилы, канпара, малаяли. В Бирме аналогичную роль центров этнической консолидации играют уже сложившиеся в нацию бирманцы, а также карены и шань, в меньшей степени качины, или цзинпо и кая. Сильно выражены процессы национальной консолидации у арабских народов. Несмотря на большие различия между арабскими странами, можно говорить о существовании своеобразной метаэтнической или надэтнической арабской общности, объединяемой единством литературного языка и многих особенностей традиционно-бытовой культуры, в значительной степени связанной с исламом, который исповедуют верующие арабы (кроме коптов АРЕ, части ливанцев и ряда других групп).

ЭТНОСЫ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА

С переходом от капитализма к социализму антагонистические классы постепенно исчезают, а вместе с тем на смену двум национальным культурам приходит единая общенародная социалистическая культура. Тем самым формируются этнические общности нового типа, свободные от неразрешимых социальных противоречий. Основными этническими общностями нашего времени в странах социализма являются социалистические нации, которые принципиально отличаются от наций периода капитализма, так как состоят главным образом из двух дружественных классов — рабочих и крестьян и тесно связанной с ними интеллигенции, обладают единой со-

циалистической по содержанию, национальной по форме культурой, находятся между собой в тесных хозяйственных и культурных связях, которые развиваются на основе полного равноправия, дружбы и взаимопомощи. Однако наряду с социалистическими нациями в странах социалистического лагеря сохраняются менее консолидированные экономически и, как правило, менее многочисленные этносы, которые часто называются «социалистическими народностями». Для народностей этих характерны, конечно, те же специфические признаки, что и для социалистических наций, так что разграничение между обоими типами народов стран социализма довольно сложно, тем более что многие социалистические народности в процессе социально-экономического и культурного развития складываются в нации. Все же главными критериями разграничения наций и народностей в эпоху социализма и перехода к коммунизму являются их численность, компактность этнической территории, уровень экономического, особенно промышленного развития, социальный состав (в первую очередь наличие национального рабочего класса), степень политико-административной и культурной автономии, развития литературы, искусства и науки на родном языке.

В Советском Союзе — первом социалистическом государстве мира — национальный вопрос был коренным образом разрешен на основе ленинской национальной политики, главным принципом которой является юридическое и фактическое равноправие всех больших и малых народов и их право на самоопределение. В условиях развитого социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет. Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза. В советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму.

Советский Союз — многонациональное государство. Его населяют свыше 100 народов, входящих главным образом в состав индоевропейской языковой семьи (80,2%

населения), алтайской (около 15,4%), кавказской (2,5%) и уральской (1,7% населения). Важнейшим этапом национального строительства явилось образование в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. В состав СССР входит 15 союзных и 20 автономных республик, а также 8 автономных областей и 10 автономных округов.

В СССР, как и в других социалистических странах, на основе равноправия и братского сотрудничества разных народов получили дальнейшее развитие процессы этнической национальной консолидации. В большой монографии «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1975) советские этнографы раскрыли сложные закономерности исторического развития многих прежде отсталых народов в Советском Союзе после Великой Октябрьской социалистической революции. В годы Советской власти индустриализация, победа колхозного строя, культурные преобразования, всеобщая грамотность, непрерывный рост материального благосостояния народных масс — все это способствовало процессам консолидации. Процессы консолидации видны и в сложении новых более крупных этнических общностей (алтайцы, хакасы и др.), и в условиях сплоченности отдельных этнографических групп (у русских, украинцев, грузин и др.), и в слиянии сложившихся этносов с близкими с ними по происхождению и в языково-культурном отношении этнических образований, например мишарей с татарами, курама с узбеками и т. д. Создание письменности и литературы для многих народов, расширение общественных функций языков устраняло диалектную пестроту и обособленность отдельных этнографических групп, что способствовало этнокультурной консолидации наций и народностей. В итоге в СССР оформились и новые сравнительно крупные народы, уменьшилась этническая мозаичность страны. Имеет место наряду с этнической консолидацией и добровольная ассимиляция. В этнически смешанных браках в зависимости от культурно-бытовых традиций дети, как правило, выбирают национальность отца или матери, тем самым прерывая этническую линию другого.

Очень ярки процессы консолидации на Кавказе, который отличается исключительно сложным и пестрым этническим составом населения. Так, в Дагестане, где живет несколько десятков крупных и малых этнических общностей, говорящих на различных языках кавказской семьи, в настоящее время многие мелкие народности —

цезы, годоберинцы, хваршинцы и др. — превращаются в этнографические группы наиболее крупного этноса. Дагестанской АССР — аварцев, которых насчитывается свыше 500 тыс. Одновременно идет межэтническая интеграция населения Дагестана в единую общность с русским языком в качестве языка общения между всеми разноязычными народами республики. Фактически большинство населения Дагестана уже сейчас является двух- или даже трехязычным: оно говорит по-русски, на одном из языков крупных народов Дагестанской АССР — аварском, лезгинском, даргинском или лакском, а у малых народов и этнографических групп — еще на своем местном языке, который нередко бывает распространен только в нескольких соседних, а иногда и в одном населенном пункте (например, у жителей селения Ботлих).

Процессы этнической консолидации и вхождения малых народностей в крупные социалистические нации имеют место и в Закавказье, где основными центрами этих процессов стали, естественно, самые многочисленные народы, имеющие свои союзные республики — грузины (3,7 млн.), армяне (4,2 млн.) и азербайджанцы (5,5 млн.). Укрупнение этнических общностей и укрепление всех видов экономических, общественных и культурных связей между ними происходит также и в других регионах СССР — в европейской части СССР, в Сибири и горных районах Средней Азии. Так, на Памире в западных районах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР расселены небольшие по численности припамирские народности — язгулемцы, рушанцы, бартангцы, орошогцы, шугнанцы, хуфцы, баджуйцы, ишкашимцы, ваханцы. Развивается активный процесс их консолидации с таджикской социалистической нацией. Численность таджиков — 2,9 млн.

За годы Советской власти в Советском Союзе сложилась исторически новая система политических, экономических, нравственных отношений между людьми и народами, объединившими свои творческие усилия и материальные ресурсы для совершенствования развитого социализма. В СССР, как показал в своей монографии «Очерки теории этноса» Ю. В. Бромлей, теперь преобладают процессы межэтнической интеграции, выражающиеся прежде всего в сближении национальных культур. Базу для такого сближения создали социально-экономическая и идейно-политическая интеграция наций и народ-

ностей в рамках одного социалистического государства. Важным фактором интеграции стала единая марксистско-ленинская идеология и интернациональное сплочение трудящихся вокруг КПСС. Сложилось морально-политическое единство советских людей. Оно особенно сильно проявилось в дни тяжелых испытаний во время Великой Отечественной войны.

В общественном сознании народов Советского Союза произошли кардинальные изменения: интернационализм стал глубоким убеждением и нормой поведения всех наций и народностей СССР. Чувства недоверия к другим народам, насаждаемые в буржуазном обществе правящими классами и нередко сохраняемые традицией, постепенно уступили место чувству доверия и братства. В труде и борьбе за общие цели на основе межэтнической интеграции и сближения национальных культур родилась новая историческая общность людей — советский народ.

Социалистические социально-экономические параметры советского народа, единство его общесоветской культуры (при всем многообразии ее национальных форм), наличие общей коммунистической идеологии и ясно осознанной цели — все эти характерные черты позволяют рассматривать советский народ как высший тип многонациональной исторической общности. Эта историческая общность представляет собой очень сложное многогранное социальное явление, отражающее своеобразное единство людей, принадлежащих к различным национальным группам. Основными предпосылками формирования этой общности были Великая Октябрьская социалистическая революция и образование СССР. Ее становление представляет собой процесс, который активно развернулся в связи с победой социалистических производственных отношений в нашей стране.

В основе новой интернациональной общности людей — советского народа — лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей страны. Политическое, экономическое и социальное единство трудящихся Советского Союза способствовали образованию такой общности.

Практике социалистического строительства необходим был язык межнационального общения. Таким языком стал русский язык — язык наиболее многонациональной этнической общности СССР — русского народа. Своим

родным этот язык считают (по переписи 1979 г.) около 154 млн. человек (из них свыше 137,4 млн. русских), в качестве второго языка, которым постоянно пользуются, — 61 млн. человек. Всего 82% населения СССР свободно владеют русским языком. Рост двуязычия облегчил сотрудничество советских народов, способствовал их сближению.

Если в материальной культуре народов СССР наблюдается унификация, то в духовной культуре сохраняются многие этнические особенности: художественные промыслы, танцы, песни, обычаи, обряды. В то же время нарастающий обмен ценностями во всех областях культуры сближает культуры отдельных народов и влечет за собой интернационализацию художественных вкусов. Сочетание общесоветских элементов культуры с ее национальными формами, многие из которых развиваются на родных языках, характеризует специфический облик советской духовной культуры — единой по своему социалистическому содержанию. Народы СССР сближают друг с другом и нормы социалистической морали, которые стали нормами поведения всех советских людей, что проявляется в отношении к труду, непримиримости к стяжательству, туземству, рвачеству, спекуляции. Советских людей характеризует большая тяга к знаниям, творческое отношение к труду, патриотизм, интернационализм, уверенность в завтрашнем дне.

Как подчеркивается в ст. 20 новой Конституции СССР, наша государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности.

Советский народ представляет собой принципиально новое явление в качестве первой во всемирной истории социалистической интернациональной общности, не имеющей классово-антагонистических противоречий, отличающейся морально-политическим единством, и поэтому особенно прочной. За годы Советской власти наша страна стала страной массового атеизма, что также способствовало национальной консолидации. Складываются новые праздничные традиции и формируются безрелигиозные обряды: торжественное бракосочетание, регистрация новорожденных, проводы в армию и т. д. Народы СССР отмечают общесоветские праздники: годовщины Октябрьской социалистической революции, 1 Мая, Международный день 8 марта, День Советской Конституции 7 ок-

тября, День победы 9 мая, День Советской Армии 23 февраля, праздник Нового года и т. д.

Формирование общесоветской духовной культуры сопровождалось возникновением общесоветских форм ее организации (система всесоюзного радио, телевидения, книгоиздания и т. д.). Общесоветская культура обогащена прогрессивными элементами культур всех народов нашей страны. Общесоюзная духовная культура — это система усвоения и передачи не только достижений отдельных советских народов, но и достижений современной мировой культуры.

Советский образ жизни, мировоззрение советских людей — это важная черта новой исторической общности — советского народа, главными компонентами которого является пролетарский интернационализм и советский патриотизм. Наше государство, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство. Интернациональная социально-политическая историческая общность — советский народ — нашла свое отражение и в самосознании. Люди Советского Союза, относя себя к определенному этносу, сочетают это в сознании и как принадлежность к советскому народу, например советские люди, бывая за рубежом, прежде всего сознают свою общесоветскую принадлежность. Процесс формирования общесоветской культуры продолжается.

Этнические процессы в социалистических странах, как это отмечено в нашей литературе, протекают аналогично национальным процессам в СССР. Но следует иметь в виду, что многие из этих стран моноэтничны, например в ГДР немцы составляют более 99% всего населения, в Венгрии венгры — 98,6%, в Польше поляки — 98,4%. Но в СФРЮ обитает — около 25 народов. Из них: 40,9% — составляют сербы; 21,8 — хорваты; 8,2 — словенцы; 8,2 — боснийцы («мусульмане»); 6,8 — албанцы; 5,9% — македонцы и др. В Югославии у хорватской нации хорошо прослеживаются процессы внутринациональной этнической консолидации, происходит стирание культурно-бытовых различий отдельных этнографических групп и субэтносов.

Двуэтнической страной является ЧССР: чехи — 64,0% населения, а словаки — 30,3%.

Своеобразной этнической структурой отличается Вьетнам, где, кроме самых многочисленных вьетов, или киней (составляющих почти 87% населения страны), обитает еще 53 народа. Из них самые крупные тай, мьянги и

кхмеры насчитывают менее миллиона человек, а самые малочисленные этносы брау, рмам, оду примерно по 200 человек.

В социалистических странах имеет место и добровольная ассимиляция. Это прежде всего проявляется в этнически смешанных браках. Так, например, по данным Ю. В. Бромлея и М. С. Кашубы, в Югославии в последнее время они возросли: если в 1956 г. их было 9,3%, то в 1963 г. их стало 12,4%, а в 1974 г. — 13,5%. У разных национальностей эти процессы протекают не одинаково. Среди черногорок 7,2% выходят замуж за мужчин другой национальности, среди македонок — 5,2%, сербок — 4%, хорваток — 3%. Имеются различия в удельном весе смешанных браков в отдельных республиках; чаще смешанные браки заключают там, где представители не основной национальности проживают дисперсно. Есть и другие примеры. Так, албанцы в Югославии редко заключают смешанные браки, что связано с их языковыми и культурно-религиозными особенностями. С 1963 г. в Югославии фиксация национальности не обязательна и все же можно установить, что дети от смешанных браков чаще всего принимают национальность того из родителей, который принадлежит к основной национальной группе в данной местности, что характерно и для многих других стран.

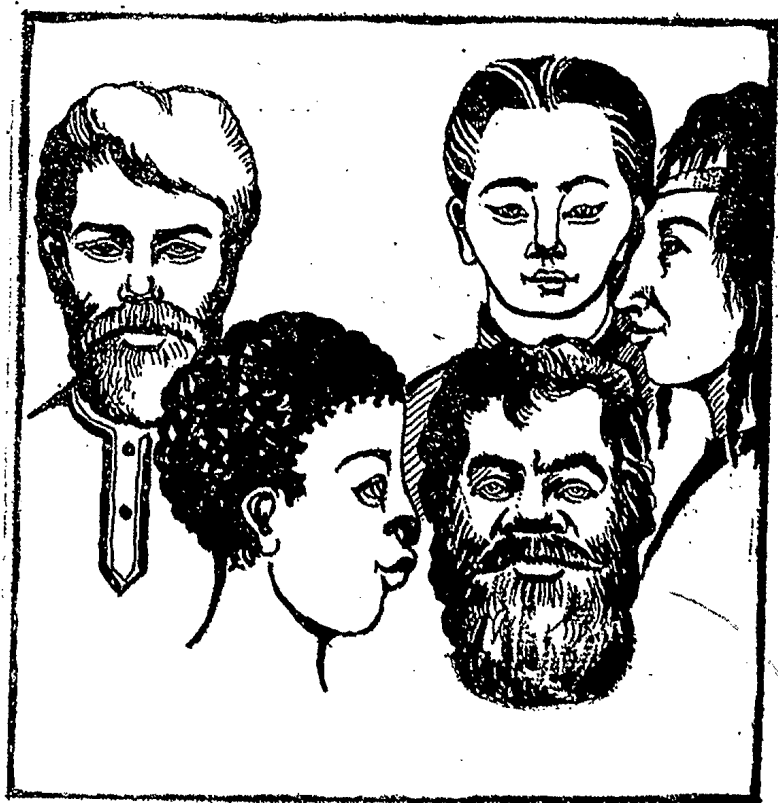
В социалистических странах имеет место и межэтническая интеграция. Так, в Югославии появилась тенденция к возникновению общегославского самосознания. Например, термин «югославен» (югослав) может обозначать не только гражданство, но и национальную принадлежность жителей Югославии. За такое определение национальной принадлежности особенно активно выступает молодежь. Но в Югославии есть и противники этого предложения. По мнению Ю. В. Бромлея и М. С. Кашубы, последняя перепись в Югославии (1981 г.) показала, что число лиц, которые именно так определили свою национальную (этническую) принадлежность, увеличилось (например, в Хорватии с 1971 по 1981 г. возросло с 15,5 до 379 тыс.). Вполне вероятно, что тенденция к межэтнической интеграции начнет появляться в других полиэтнических социалистических странах, таких, как ЧССР и СРВ. В СРВ большая часть народов (кроме вьетов) двуязычна, кроме своего языка, они пользуются вьетнамским языком. В СРВ очень большое значение имеет переход бродячих и полuosедлых народов к оседлому

образу жизни. Так, на высокогорном плато Тэйпгуен и других районах Вьетнама будут переведены к оседлому образу жизни более 2 млн. человек в 160 уездах как на юге, так и на севере Вьетнама. Это позволит улучшить жизнь многих народностей, которым построят дома, школы, больницы, проложат дороги, оросительные каналы, они будут выращивать поливной рис, кукурузу, бобовые, кофе. Все эти мероприятия поставят на службу экономики страны новые районы, богатые природными ресурсами.

Очень важно, что этнические процессы сближения народов происходят не только в рамках отдельных государств, а в общем содружестве стран социалистического лагеря; усилилась их духовная близость благодаря росту культурного уровня широких народных масс, подъему образования. Так, в европейских странах СЭВ с 1960 по 1979 г. количество людей с высшим и средним образованием увеличилось с 12 до 23%. Увеличилось и число научных кадров; в результате чего в странах СЭВ научные исследования вышли на передовые рубежи в мире, значительно укрепилась связь науки с практикой. Марксистское мировоззрение стало основой социальной и творческой активности широких масс населения. Взаимная подготовка кадров, сотрудничество в области науки и искусства на долговременной основе, обмен научно-технической информацией, творческие встречи писателей, художников, разных видов искусств; обмен радио- и телепередачами стали постоянными факторами в жизни стран социалистического содружества.

Все это демонстрирует подлинный гуманизм межнациональных отношений между этими странами, основанных на принципах пролетарского социалистического интернационализма.

РАСЫ

Повседневный опыт учит нас, что наряду с этническими различиями между людьми существуют также различия физические (телесные). Нет и не может быть двух совершенно одинаковых людей; даже близнецы, развившиеся из одного яйца, несмотря на огромное сходство их внешнего облика и внутреннего строения, всегда какими-то мелкими черточками отличаются друг от друга. Наука, изучающая изменения, или, как их еще называют, вариации физического типа человека, известна под именем «антропологии» (греч. «антропос» — человек). Особенно сильно заметны телесные, или антропологические, различия между территориальными группами людей, удаленными друг от друга и живущими в различной естественнoгеографической обстановке. Примером таких различий может служить сравнение общего облика северных европейцев, скажем, русских, родившихся в Архангельской области, монголов Центральной Азии и африканцев из Судана.

У северных русских волосы почти всегда мягкие на ощупь, прямые или волнистые по форме. Кожа большей частью светлая, окраска волос и глаз очень разнообразна, но светлые их оттенки встречаются чаще. Третичный волосяной покров*, появляющийся в период полового созревания, развит значительно: у мужчин сильно растут борода и усы. Лицо сравнительно узкое, средней высоты, суженное кпереди в горизонтальном сечении, скулы мало выступают; носовая область, напротив, выдвинута вперед. Ширина носа по сравнению с его высотой невелика, переносье обычно высокое, носовые отверстия большей частью овальной формы, их продольные оси расположены почти параллельно носовой перегородке. Глаза широко открыты, оси их горизонтальны (внешний и

* Третичный волосяной покров следует отличать от первичного или зародышевого, который закладывается еще в период утробного развития и позднее почти исчезает, а также от вторичного, появляющегося ко времени рождения. К вторичному волосяному покрову относятся, например, волосы головы, ресницы и частично брови.

внутренний углы глаз лежат приблизительно на одном уровне); складка верхнего века, частично прикрывающая его наружную поверхность, отсутствует или развита сравнительно слабо. Челюстная часть лица почти не выступает вперед: оно, как говорят антропологи, ортогнатно (греч. «ортос» — прямой и «гнатос» — челюсть) или имеет незначительную «вертикальную профилировку». Губы сравнительно тонкие, т. е. выступающая наружу часть слизистой оболочки ротовой полости невелика.

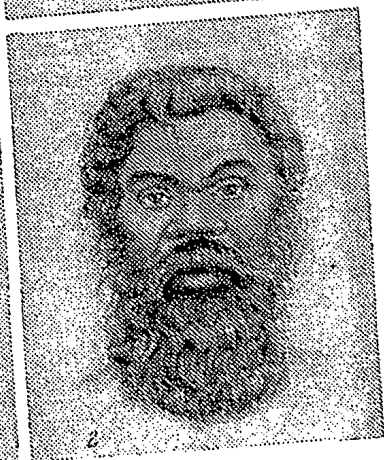
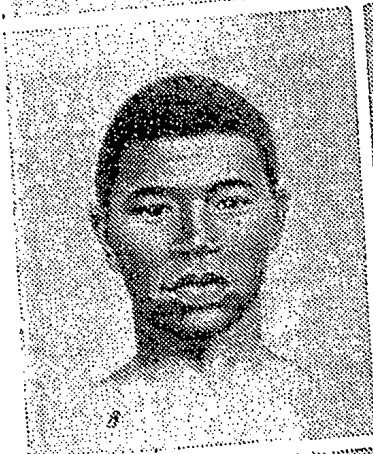
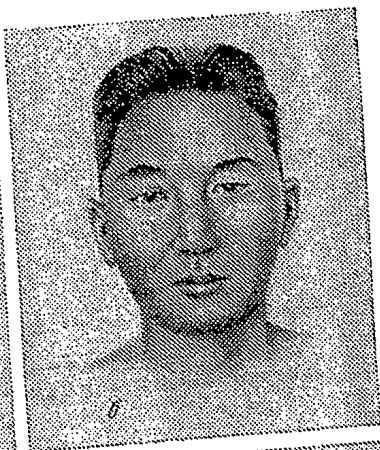
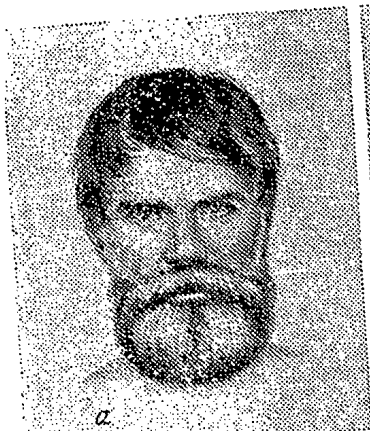
У монголов волосы большей частью тугие (жесткие), по форме прямые, кожа несколько темнее, чем у русских, с желтоватым оттенком. Окраска волос и глаз, как правило, черная или темно-коричневая (преобладают кареглазые брюнеты), третичный волосяной покров развит слабо; борода и усы у мужчин появляются поздно и редко достигают большой густоты. Лицо широкое и высокое, уплощенное (скулы сильно выступают, нос выступает слабо). Ширина носа в крыльях небольшая или средняя, высота его значительна. Переносье часто низкое, «расплывчатое»; оси носовых отверстий расположены наклонно (под некоторым углом к носовой перегородке). Глаза передко узкие, оси их наклонны (внешний угол глаза лежит несколько выше внутреннего). Складка верхнего века сильно развита, часто доходит до ресниц. Характерен также эпикантус — особая кожная складка, частично или полностью закрывающая слезный бугорок во внутреннем углу глаза. Челюстная часть лица выступает слабо или средне. Слизистая оболочка ротовой полости выступает наружу умеренно (средние по толщине губы).

Для африканцев характерны курчавые, обычно жесткие, черные волосы, очень темная (шоколадно-коричневая) кожа, карие глаза. Третичный волосяной покров развит у них большей частью слабо, как и у монголов. Лицо, как правило, узкое и низкое, скулы выступают слабо или умеренно. Ширина носа очень велика, иногда почти равна его высоте (носовой указатель, выражающий процентное отношение обоих размеров, часто приближается к 100). Переносье большей частью среднее по высоте; носовые отверстия расположены поперечно, оси их от носовой перегородки идут в стороны. Глаза, как и у европейцев, широко открытые, горизонтально расположенные; складка верхнего века в большинстве случаев небольшая, эпикантус у взрослых отсутствует. Челюстная часть лица нередко выступает вперед (прогнатизм, греч. «про» — вперед). Слизистая оболочка ротовой полости сильно или

даже очень сильно выступает наружу (толстые или вздутые губы).

В жизни и в науке подобные физические различия обычно называются расовыми. Важно подчеркнуть, что они всегда имеют групповой характер, выявляясь с полной ясностью только при сопоставлении целых человеческих коллективов, а не отдельных людей. Расовые различия всегда наследственны: они передаются от родителей к детям на протяжении многих поколений. Ясно поэтому, что для изучения этих различий огромное значение имеют данные науки о наследственности — генетики (древнегреч. «генос» — род, происхождение), в первую очередь, конечно, генетики человека, или антропогенетики. Понятно, что сходство во многих наследственных физических признаках у разных людей или целых их групп служит веским доказательством общности их происхождения, или генетического родства. С учетом всего сказанного можно определить расы как территориальные группы людей, выделяемые на основании их генетического родства, которое проявляется внешне в определенном физическом сходстве по многим признакам. Происхождение термина «раса» точно не установлено; возможно, что он представляет собой видоизменение арабского слова «рас» (голова, начало, корень). Есть также мнение, что термин этот связан с итальянским *razza*, что значит «племя». Слово «раса» примерно в том смысле, как оно употребляется теперь, встречается уже у французского ученого Франсуа Бернье, который опубликовал в 1684 г. одну из первых классификаций человеческих рас.

Читатель, вероятно, уже заметил, что, говоря о расах и расовых различиях, мы подчеркиваем их географический характер, связь с определенной территорией. Действительно, далеко не все телесные наследственные особенности людей могут считаться расовыми, а только те из них, которые имеют известный ареал (область) своего распространения, т. е. встречаются не у всего человечества, а лишь у некоторых народов, расселенных в тех или иных странах. Наследственный характер и наличие географического ареала распространения — вот два необходимых условия для того, чтобы какой-либо конкретный физический признак человека мог считаться расовым. Внешнее проявление каждого расового признака обусловлено одним или несколькими, иногда даже многими наследственными задатками (генами) — материальными частицами, заключенными в ядре всех клеток организма и

Представители основных рас:

- а — северный русский;
- б — монгол;
- в — африканец;
- г — австралиец;
- д — североамериканский индеец

передающимися от родителей к детям через половые клетки. Ввиду того, что отдельные расовые признаки большей частью наследуются независимо друг от друга, их географические ареалы далеко не всегда совпадают между собой. Так, например, темно-коричневая окраска кожи у народов Африки, Меланезии и Тасмании сочетается обычно с курчавыми волосами, а у некоторых групп коренного населения Южной Индии, Индокитая и особенно Австралии — с волнистыми. Подобно этому карие глаза преобладают в Южной Европе или Северной Азии у народов с относительно узким носом, а в Африке, Юго-Восточной Азии и Австралии — у этнических общностей, для которых характерен гораздо более широкий нос.

Таким образом, сочетания разных расовых признаков в большинстве случаев имеют не генетический, а исторически сложившийся характер. Сочетания эти объясняются тем, что у предков данной группы населения в силу конкретных условий их истории оказалась высокой частота определенных наследственных расовых особенностей. Так, например, далекие предки коренного населения Австралии, попавшие на этот изолированный материк около 30 тыс. лет назад, обладали большей частью такими признаками, как шоколадно-коричневая окраска кожи, черные волнистые волосы, карие глаза, сильно развитый третичный волосяной покров (в частности, борода и усы), средние по абсолютным размерам, часто прогнатное лицо, широкий нос с умеренно высоким переносьем и поперечно расположенными осями ноздрей, толстые или даже вздутые губы. А вот первые люди, примерно в то же время переселившиеся в Америку из Азии, имели значительно более светлую кожу с желтоватым оттенком, черные, но прямые и жесткие волосы, карие глаза, как у предков австралийцев, но слабо развитый третичный волосяной покров, крупное широкое и высокое лицо с сильно выступающими скулами и носом, тонкие или средние по толщине губы.

О ВОЛОСЯНОМ ПОКРОВЕ, ЦВЕТЕ КОЖИ, ВОЛОС И ГЛАЗ

Едва ли не самыми важными расовыми признаками являются форма волос головы и степень развития третичного волосяного покрова. Форма волос включает две их особенности: жесткость и извилистость. Жесткость зависит от толщины волоса, которая может быть определена

под микроскопом путем измерения площади его поперечного сечения. Чем больше эта площадь, тем жестче волос. У жестких, или тугих, волос площадь поперечного сечения составляет 6—7 тыс. квадратных микронов (микро́н равен 0,001 мм), у мягких — примерно вдвое меньше. Извилистость волос связана с расположением их корней в коже и с формой их поперечного сечения. У прямых волос корень не имеет изгиба, и волос выходит из кожи под углом, близким к прямому; у волнистых корень изогнут и угол выхода более острый; у курчавых изгиб корня еще больше, а угол выхода меньше. Кроме того, прямые волосы имеют поперечное сечение, близкое к кругу, а волнистые и тем более курчавые — к вытянутому овалу. Степень жесткости и извилистости волос обычно определяется отдельно: по первому признаку различают тугие и мягкие волосы, по второму — прямые, широковолнистые, узковолнистые и курчавые разных степеней; наиболее курчавые волосы называются еще спирально-завитыми. Они наиболее характерны для некоторых народов Южной Африки — бушменов и готтентотов.

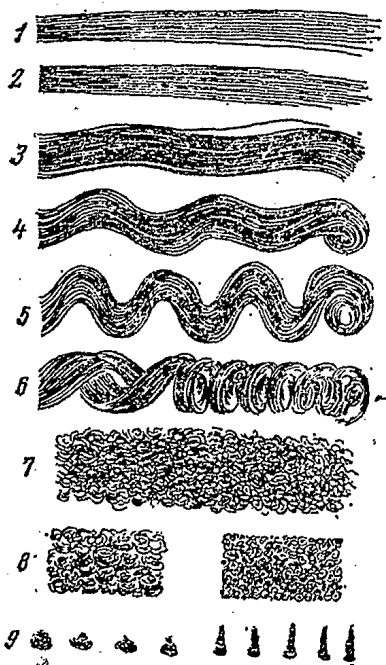
Третичный волосяной покров у мужчин бывает выражен гораздо сильнее, чем у женщин. При антропологических исследованиях этот признак определяют обычно только у мужчин отдельно на лице и на теле (большей частью на груди). На лице к третичному волосяному покрову относятся борода и усы; различают очень слабое развитие бороды (балл 1), слабое (2), среднее (3), сильное (4) и очень сильное (5). Баллы эти указывают на густоту волос бороды и на то, какую поверхность на лице они занимают. Для каждой изученной группы можно вычислить средний балл роста бороды: для этого надо цифровые значения баллов перемножить на их частоты, сложить полученные произведения и сумму разделить на общее число исследованных. Наиболее слабый рост бороды характерен для многих народов Центральной и Северной Азии (монголы, эвенки, эвены и др.), а также для индейцев Северной Америки (средние баллы 1—2). Максимальные степени развития бороды отмечены у айнов Японии, у австралийцев, у некоторых народов Передней Азии и Закавказья, в частности у армян (средние баллы близки к 4).

Важнейшим расовым признаком является также пигментация. В коже пигмент (меланин) залегает в поверхностном слое, так называемом эпидермисе. В более глубоком слое кожи, дерме, пигмент у взрослых людей, как

правило, отсутствует. Если он все-таки имеется, то кожа приобретает синеватый оттенок, так как меланин просвечивает через тонкий слой эпидермиса. Явление это чаще всего отмечается у детей в области крестца. Впервые его наблюдали у монголов и некоторых других азиатских народов, поэтому оно получило название «монгольских пятен». Дальнейшие исследования показали, что такие же синие пятна изредка встречаются у детей многих европейских народов, например у болгар, поляков и немцев.

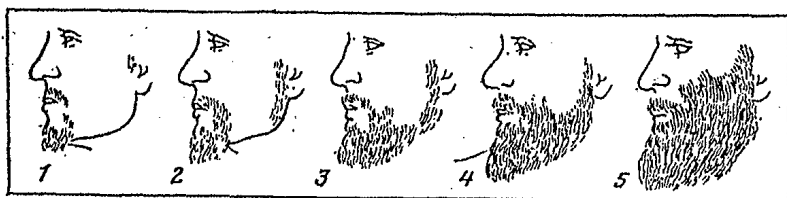
В эпидермисе меланин может залегать в виде зерен или находиться в распыленном (диффузном) состоянии; в последнем случае окраска кожи обнаруживает несколько красноватый оттенок. Помимо количества и распределения меланина для цвета кожи существенное значение имеет просвечивание крови через стенки мельчайших сосудов (капилляров). Такое просвечивание, придающее коже розовый цвет, заметно, естественно, у светлойкожих людей сильнее, чем у темнокожих. Различные участки тела бывают окрашены неодинаково интенсивно.

Все мы хорошо знаем, что под действием солнечных лучей кожа темнеет («загорает»), так как усиленное

Форма волос:

1—3 — прямые; 4—6 — волнистые;
7—9 — курчавые

Развитие бороды:

1 — очень слабое; 2 — слабое; 3 — среднее; 4 — сильное; 5 — очень сильное

освещение вызывает интенсивное отложение пигмента, который защищает тело человека от вредного действия слишком сильного облучения. Известно, что смуглые люди быстро загорают и легче переносят воздействие на кожу солнечных (в особенности ультрафиолетовых) лучей. Надо, однако, иметь в виду, что отложение пигмента при загаре не имеет наследственного характера и не может считаться расовым признаком. Учитывая это, антропологи определяют цвет кожи только на обычно закрываемых одеждой участках тела, чаще всего на тыльной поверхности плеча или на животе. При определении цвета кожи применяются различные шкалы, чаще всего шкала немецкого антрополога Ф. Лушана, состоящая из 36 опаловых (непрозрачных) стекол различной окраски. С возрастом кожа темнеет (независимо от загара). Различие в окраске кожи между новорожденными европейцами и африканцами, например, гораздо меньше, чем между взрослыми людьми этих групп.

Цвет волос зависит от количества и характера пигмента, заключенного в поверхностном (корковом) слое волоса. Чем больше зернистого пигмента содержится в клетках этого слоя, тем темнее волосы. Диффузный меланин придает волосам красноватый оттенок; возможно, что такая форма пигмента характерна для рыжих волос. При определении пигментации употребляются различные шкалы, составляемые из небольших пучков естественных или искусственных волос. Антропологи обычно различают черные, темно-русые, светло-русые и белокурые волосы. Отдельно отмечается процент рыжих волос. Черные и темно-русые волосы часто объединяют в группу темных, а все остальные оттенки (без рыжих) — в группу светлых. Советский антрополог В. В. Бунак предложил для определения цвета волос новую шкалу, основанную на точных колориметрических (цветоизмерительных) данных; вся гамма оттенков разбита в ней на три ряда: красноватый, желтоватый и пепельный.

Под цветом глаз понимают обычно окраску радужной оболочки, окружающей зрачок. Окраска эта зависит как от количества пигмента, так и от глубины его залегания. Самый глубокий слой радужины, так называемый пигментный, у всех людей (кроме альбиносов, лишенных пигмента) содержит некоторое количество меланина. При залегании пигмента только в глубоких слоях радужины глаза кажутся светлыми — синими, голубыми или серыми (явление аналогичное синеватой окраске «монгольских

пятен» на коже или синему оттенку татуировки, сделанной черной тушью). При большом количестве пигмента, располагающегося по всей толщине радужины, получают различные оттенки темных глаз — черные, карие или желтые. Если меланин распределен в различных слоях радужной оболочки неравномерно, создается впечатление смешанных глаз, в которых серые тона сочетаются в разных комбинациях с зелеными и бурыми.

Для определения цвета глаз служат различные шкалы или схемы, из которых наиболее удачной является схема В. В. Бунака. В ней различаются три основных типа окраски радужины — темный, смешанный и светлый. Внутри первого типа различают оттенки — черный, темно-карий, светло-карий и желтый. Смешанный, или переходный, тип включает следующие формы окраски радужины: буро-желто-зеленый, зеленый, серо-зеленый и серый или голубой с буро-желтым венчиком (каемкой вокруг зрачка). В состав третьего — наиболее депигментированного — типа входят серые, серо-голубые, голубые и синие глаза. Географические вариации цвета глаз в общем совпадают с территориальной изменчивостью окраски волос, но светлые глаза в слабо- и среднепигментированных группах (например, у большинства европейцев) встречаются чаще, чем светлые волосы. У женщин светлые глаза, как правило, несколько более редки, чем у мужчин тех же групп. Значительны также возрастные изменения окраски радужины. В сильно- и среднепигментированных группах глаза у детей обычно бывают более темными, чем у взрослых и особенно у стариков. В депигментированных группах эта изменчивость выражена не так ясно: у детей глаза могут оказаться даже светлее, чем у взрослых.

РОСТ, ВЕС И ПРОПОРЦИИ ТЕЛА

К числу расовых признаков относятся многие (хотя далеко не все) размеры тела и его отдельных частей. Большое место в антропологической науке отводится изучению общей длины тела человека (роста). Длина тела — важнейший физический признак, от величины которого в значительной степени зависят многие другие размеры человеческого тела. Средняя длина тела для всего человечества равна 165 см для мужчин и 154 см для женщин. Разница в росте между мужчинами и женщинами колеблется у разных народов в пределах 8–12 см.

У новорожденных длина тела составляет в среднем 51 см для мальчиков и 50 см для девочек. Таким образом, за время внеутробного индивидуального развития людей их рост увеличивается более чем в три раза. У женщин рост заканчивается к 19—20 годам; у мужчин он продолжается еще 5—6, а иногда и 10 лет. Именно в это время образуется тот значительный разрыв в росте обоих полов, о котором говорилось выше. Период стабильной (неизменной) длины тела падает на возраст до 45—50 лет, после чего рост начинает снова уменьшаться (на 0,5—0,7 см в пятилетие).

Все описанные закономерности роста более или менее одинаковы для всех рас. Для определения средней длины тела какой-либо группы людей надо сложить величины роста всех исследованных и разделить полученную сумму на их число. В статистике разработаны упрощенные приемы вычисления средней величины (M) длины тела, как и всех других измерительных признаков и указателей.

Территориальные вариации роста очень велики. Наименьшая величина средней длины тела (141 см для взрослых мужчин) отмечена у пигмеев бассейна реки Конго в Центральной Африке; а наибольшая (182 см) — у африканцев, живущих к юго-востоку от озера Чад. Самыми низкорослыми (ниже 150 см) группами населения нашей планеты являются центральноафриканские пигмеи, южноафриканские бушмены и негритосы Андаманских островов в Индийском океане и некоторых внутренних районов Индокитая, Филиппин и Новой Гвинеи (Ириана). Наиболее высокорослы (выше 175 см) многие группы африканцев верховьев Нила и других районов к северу от зоны тропических лесов, черногорцы, шотландцы, шведы и норвежцы, полинезийцы Маркизских островов. Таким образом, крайне низкорослые и крайне высокорослые группы встречаются в разных частях света; как большая, так и малая длина тела может сочетаться с весьма различными комбинациями других расовых признаков.

Наряду с длиной тела антропологи изучают также его массы (вес) и пропорции, т. е. соотношение основных высотных и широтных размеров: длины туловища, рук и ног, ширины плеч, таза и др. Однако географические вариации всех этих признаков сравнительно невелики и очень тесно связаны с изменчивостью роста. Поэтому мы только кратко остановимся на перечисленных особенностях. Средний вес тела составляет в мировом масштабе для мужчин около 64 кг, для женщин около 56 кг. Но-

ворожденные мальчики весят в среднем 3,4 кг, а девочки на 100—200 г меньше. Возрастные колебания веса, естественно, очень велики. Период стабильной массы тела охватывает возраст приблизительно от 25 до 40 лет. От 40 до 60 лет наблюдается увеличение веса (0,5—1 кг за пятилетие). В более позднем возрасте масса тела обычно несколько уменьшается в связи с общими процессами старения и изменения в тканях организма. Необходимо подчеркнуть, что индивидуальные колебания веса чрезвычайно велики: у взрослых в отдельных случаях он может падать до 45—50 кг и повышаться до 150 и даже 200 кг. Как индивидуальная, так и средняя групповая масса тела в сильнейшей степени зависит от условий труда и быта, в особенности от питания. Понятно поэтому, что для рассматриваемого признака характерны очень большие социальные и профессиональные различия, во много раз превосходящие различия территориальные. Если учесть также, что роль наследственности в развитии веса тела изучена мало, станет ясной пока еще небольшая роль этого признака в разграничении рас.

Положение это справедливо и по отношению к пропорциям тела. Так как пропорции выражают соотношение различных частей тела, то понятно, что для их характеристики имеют наибольшее значение не абсолютные, а относительные размеры туловища и конечностей, выраженные в процентах общей длины тела. Такие относительные величины носят название индексов, или указателей. Для получения сравнимых индивидуальных и групповых данных абсолютные размеры, составляющие индексы, должны всегда определяться одинаково. В связи с этим в антропологии, особенно в том ее разделе, который носит название антропометрии («измерение человека»), большую роль играет точное определение антропометрических точек — постоянных и легко находимых пунктов на теле живых людей или на скелетах. Между этими пунктами с помощью специальных инструментов — антропометров, различных циркулей, лент и др. — измеряются соответствующие размеры. Общая длина тела, например, измеряется ростомером или металлическим антропометром от горизонтальной поверхности пола до наиболее удаленной от нее «верхушечной точки» макушки головы.

Зарубежные и советские антропологи предложили много различных индексов и схем для характеристики пропорций тела. Чаще всего за основу их описания берутся указатели, дающие процентное отношение к длине

тела длины туловища, рук и ног, а также ширины плеч и таза. Различают три главных типа пропорций тела: 1) брахиморфный (греч. «брахос» — короткий и «морфа» — форма), для которого характерны относительно короткие конечности, длинное туловище, широкие плечи и таз; 2) долихоморфный («долихос» — длинный), отличающийся сравнительно длинными руками и ногами, коротким туловищем, узкими плечами и тазом, и 3) мезоморфный («мезос» — средний), занимающий промежуточное положение между первым и вторым типами.

Половые и возрастные вариации пропорций тела очень велики. В общем женщины более брахиморфны по сравнению с мужчинами тех же возрастных и территориальных групп. Кроме того, у женщин, как правило, относительно более узкие плечи и широкий таз. Дети отличаются от взрослых относительно короткими ногами, длинным туловищем и корпусом, большой головой. Для оценки групповых географических различий в пропорциях тела необходимо учитывать, что высокорослые люди по сравнению с низкорослыми всегда оказываются несколько более долихоморфными. Поэтому целесообразно сопоставлять между собой только группы с примерно одинаковой средней длиной тела. Из высокорослых групп африканские негры и эфиопы оказываются долихоморфными, а полинезийцы и патагонцы — мезобрахиморфными; из низкорослых групп мезодолихоморфные пропорции характерны для веддов Шри Ланки и некоторых, близких к ним антропологически, народов Юго-Восточной Азии, а брахиморфные — для эскимосов.

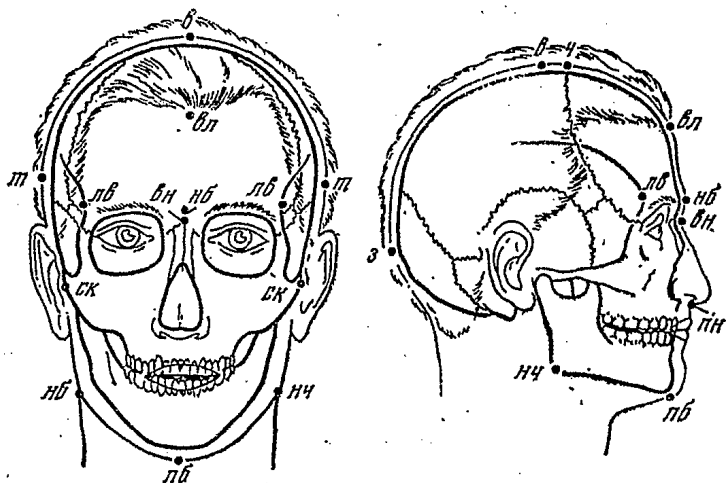
Антропологи изучают общие размеры и пропорции тела не только на живых людях, но и на скелетах и даже на отдельных костях. Костные материалы имеют особенно большое значение для палеоантропологии («палеос» — древний), которая занимается исследованием антропологических — в том числе и расовых — особенностей наших предков, живших в различные древние периоды истории человечества. Мы не будем здесь подробно останавливаться на приемах измерения отдельных костей. Отметим только, что в антропологии разработаны методы для определения роста по длинным костям конечностей. Так, например, американские ученые М. Троттер и Дж. Глезер, сравнивая размеры костей американских солдат, погибших во второй мировой войне, с их ростом, определенным при жизни во время призывного осмотра, предложили несколько формул для вычисления длины тела по размерам

отдельных костей. Так, чтобы определить в сантиметрах рост мужчин по длине бедра, надо умножить эту длину на 2,33 и к полученной величине прибавить 61,41. Аналогичные формулы выведены и для других трубчатых костей конечностей: большой берцовой, плечевой и лучевой. Советский ученый Г. Ф. Дебец вывел формулу для определения веса тела по окружностям и длинам трубчатых костей.

РАСОВЫЕ ПРИЗНАКИ ГОЛОВЫ И ЛИЦА

Большое значение для выделения рас имеют различные признаки головы и лица, изучаемые антропологами как на живых людях, так и на черепах. К таким особенностям относятся абсолютные диаметры, измеряемые в миллиметрах между определенными антропометрическими точками, индексы и так называемые описательные (шкальные) признаки, которые оцениваются на глаз в условных баллах, иногда с помощью гипсовых или пластмассовых моделей. На черепах, кроме того, определяются углы, образуемые условными линиями и плоскостями, проведенными между теми же точками. В нашей книге мы остановимся главным образом на расовых признаках, которые изучаются на живых; о черепных, или краниологических (лат. *cranium* — череп), особенностях будет сказано очень кратко. В дальнейшем изложении при характеристике отдельных признаков мы будем указывать в скобках размах их групповых вариаций в мировом масштабе.

Из абсолютных диаметров головы чаще всего измеряют ее наибольшую длину между надбровной и затылочной точками (172—198 мм) и наибольшую ширину между теменными точками (129—159 мм). Процентное отношение второго размера к первому называется «головным указателем» (70—88); если он ниже 75,9, говорят о долихокефалии, если колеблется от 76,0 до 80,9 — о мезокефалии, если превышает 81,0 — о брахикефалии (греч. «кефалон» — голова). Географическая изменчивость головного указателя очень велика: самые различные средние этого индекса встречаются не только у народов различных континентов и стран, но и в разных местных группах одного этноса. Долихокефалия преобладает среди коренного населения Австралии, Меланезии, Индии, Африки, широко распространена в Средиземноморье и Скандинавии, встречается в Америке — на Крайнем Се-

Антропометрические точки на голове (по Мартину)

в — верхушечная; лб — надбровная; з — затылочная; т — теменные; ч — брегма; лс — лобновисочные; ск — скуловые; нч — нижнечелюстные; нб — подбородочная; вл — верхнелобная; вн — верхненисовая; пн — под-
носовая

вере у эскимосов и на юге у индейцев бассейна Амазонки и у огнеземельцев. Брахикефалия также распространена у народов разных стран: в Центральной, Юго-Восточной и Передней Азии, на Кавказе, на Балканском полуострове, в Альпах и Пиренеях, в некоторых районах Северной и Южной Америки, например у индейцев Тихоокеанского побережья Канады и США.

На черепах, кроме продольного и поперечного диаметров, которые здесь на 5—6 мм меньше, чем у живых, измеряется еще высотный диаметр (126—143 мм) от базииона на середине переднего края затылочного отверстия до брегмы на вершукке черепа, в месте соединения стреловидного и венечного швов. Самые высокие черепа (более 138 мм) у эскимосов, корейцев, китайцев, индонезийцев и многих других народов Восточной Азии, и некоторых групп американских индейцев, полинезийцев, африканцев, южных европейцев, а самые низкие (менее 132 мм) — у австралийцев, большинства народов Центральной Азии, Сибири и Северной Европы. К числу измерительных признаков мозговой части черепа относится еще наименьшая ширина лба между лобно-височными точками (96—110 мм на живых). Из описательных признаков головы отметим физиологически связанные между собой наклон лба и развитие надбровья. Сильно наклонным лбом

и развитым надбровьем отличаются австралийцы, в меньшей степени папуасы и меланезийцы, армяне, некоторые группы северных европейцев (финны, норвежцы, исландцы и др.). Прямой или слабонаклонный лоб в сочетании с маловыраженным надбровьем характерен для многих народов Южной Азии, Африки, Средиземноморья. На черепе наклон лба можно определять с помощью различных угловых измерений.

Из поперечных размеров лица на живых чаще всего определяют его наибольшую ширину между скуловыми точками (130—152 мм) и нижнечелюстной диаметр между наиболее выступающими снаружки точками углов нижней челюсти (95—118 мм). Абсолютно наиболее широкое лицо у многих народов Северной и Центральной Азии, Северной Америки, а также у некоторых преимущественно брахикефальных групп европейцев на Балканах, в Альпах, на севере Европы. Очень узкое лицо характерно для бушменов, пигмеев, народов Эфиопии и некоторых других групп африканцев, для многих народов Южной Европы и Индии, для негритосов Юго-Восточной Азии. Из вертикальных размеров лица упомянем физиономическую и морфологическую высоты; первая измеряется от подбородочной точки до верхнелобной (170—197 мм), а вторая — от той же подбородочной до верхне-носовой (110—140 мм). Интересно, что абсолютно узколицые группы обычно оказываются низколицыми, а широколицые — высоколицыми. В связи с этим лицевые указатели имеют только второстепенное значение при разграничении рас. Наиболее часто вычисляется морфологический индекс — процентное отношение высоты лица к скуловой ширине (76—96).

Одним из самых важных расовых признаков является горизонтальная профилировка лица. У живых людей различают лица: плоские, среднепрофилированные и сильнопрофилированные (суженные впереди). Иногда отмечают отдельно степень выступания скул — слабое, среднее или сильное. Плоское лицо с сильно выступающими скулами характерно для большинства народов Центральной, Северной и Восточной Азии, а также для бушменов на юге Африки. Резкой горизонтальной профилировкой обладает большинство европейцев (особенно южных), народов Средиземноморья, Передней Азии, Кавказа. Африканцы и многие индейцы имеют среднепрофилированное лицо. Вертикальная профилировка лица, как мы уже знаем, зависит от степени выступания челюстей, которая

на живых определяется описательно. Если челюсти выступают вперед только в альвеолярной (ячеистой) части, говорят об альвеолярном прогнатизме. Он наиболее сильно выражен у австралийцев, папуасов, некоторых народов Юго-Восточной и Южной Азии, Африки и Америки.

Складка верхнего века и эпикантус

а — складки и эпикантуса нет; б — складка развита слабо, эпикантуса нет; в — складка развита сильно, эпикантус — слабо; г — складка и эпикантус развиты сильно

В краниологии разработаны методы определения горизонтальной и вертикальной профилировки лицевого скелета с помощью различных углов и индексов.

О расовых признаках глазной области мы уже упоминали. Наибольшее значение из них имеют эпикантус и складка верхнего века. У народов Центральной, Восточной и Северной Азии эпикантус отмечен в 50–60% (у взрослых мужчин). К западу, югу и востоку от этой зоны частота эпикантуса быстро убывает: у казахов, например, он встречается в 25%, а у татар Поволжья — в 6,5–7%. Сравнительно редок эпикантус у коренного населения Юго-Восточной Азии и Америки; на юге и юго-западе Азии, в Австралии, Меланезии, Африке и большинстве стран Европы у взрослых он почти отсутствует (исключениями являются бушмены на юге Африки и лопари в Скандинавии, Финляндии и Мурманской области СССР). Групповые вариации складки верхнего века в общем соответствуют вариациям эпикантуса; надо, однако, иметь в виду, что складка распространена гораздо шире и встречается в группах, где эпикантус у взрослых отсутствует. Развитие эпикантуса и складки антропологи определяют обычно описательно по четырехбалльной системе. Балл 0 (ноль) означает полное отсутствие признака. На черепах в глазной области определяют высоту и ширину костных глазниц (орбит) и их отношение (глазничный указатель). Высокие глазницы характерны для многих азиатских народов, а также для индейцев Северной Америки. Низкими орбитами отличаются черепа тас-

манийцев, меланезийцев, папуасов, в меньшей степени австралийцев и большинства африканцев. Европейцы по этому признаку занимают промежуточное положение.

Много важных расовых признаков определяется в области носа. На живых его высота (длина) измеряется большей частью между подносовой и верхненоксовой точками, а ширина — по наружным стенкам крыльев носа как наибольшее расстояние между ними. Для величин уже знакомого нам носового указателя (60—100) принята такая рубрикация: относительная узконосость (лепториния; греч. «ринос» — нос) — до 69,9, средненосость (мезориния) — 70,0—84,9, широконосость (хамэриния) — выше 85. На черепе носовой указатель представляет собой процентное отношение ширины грушевидного отверстия к высоте носа от нижнего края этого отверстия до верхненоксовой точки. Лепториния характерна для большинства народов Европы (особенно Южной), Северной Африки, Передней и Средней Азии, Северной Индии, а также для эскимосов; хамэриния — для большинства африканцев к югу от Сахары (особенно для пигмеев и бушменов), для андаманцев и других негритосов Юго-Восточной Азии, меланезийцев, папуасов, австралийцев, некоторых групп южноамериканских индейцев. Большинство народов Центральной, Восточной и Северной Азии, а также Северной Америки по величине носового индекса занимает среднее положение.

Из описательных признаков носа большое значение для выделения рас имеет высота переносья. Низкое переносье характерно для большинства народов восточной половины Азии, а также для бушменов и некоторых других африканских групп. Высокое переносье преобладает у населения Европы, Средиземноморья, Кавказа, Передней и Средней Азии, Северной Индии; оно часто у многих групп североамериканских индейцев. Из других описательных признаков носа упомянем форму его спинки. Учитывают как общий профиль спинки, так и профиль ее костной (верхней) и хрящевой (нижней) части. Различают формы — вогнутые, прямые, выпуклые, извилистые, или волнистые (только при определении общего профиля). Географическое распределение формы спинки очень пестро; связь со степенью выступания носа невелика. Все же выпуклая спинка чаще сочетается с высоким переносьем (например, у многих народов Передней Азии и Кавказа), а вогнутая — с низким или средним переносьем (например, у индонезийцев или лопарей). С фор-

мой спинки тесно связано также положение кончика и основания носа — приподнятое, горизонтальное или опущенное. К описательным признакам носовой области относятся также форма носовых отверстий и положение их осей. Широкий и уплощенный нос обычно сочетается с округлыми или трехугольными, поперечно расположенными ноздрями, а узкий и выступающий — с овальными, расположенными параллельно носовой перегородке. В краниологии пользуются также различными угловыми измерениями и индексами, которые дают возможность более точно оценивать степень выступа носа, высоту переноса и т. п.

Известную роль в разграничении рас играют признаки ротовой области, в первую очередь степень выступления кожной верхней губы, ее высота и так называемая толщина губ, т. е. степень выступления наружу слизистой оболочки ротовой полости. По первому признаку различают прохейлию (греч. «хейлюс» — губа) — выступание верхней губы вперед, ортохейлию — вертикальный ее контур и опистохейлию — отступление губы назад. Для большинства народов Европы, Передней и Средней Азии, Кавказа характерна ортохейлия, а для африканцев, меланезийцев, австралийцев, многих групп Южной Азии — прохейлия, которая часто сочетается с альвеолярным прогнатизмом. Высота верхней губы определяется как описательно, так и измерительно (от подносовой точки до верхнего края слизистой части губ). Высокая верхняя губа (19—21 мм) характерна главным образом для групп с длинным лицом, например для многих народов Сибири, Дальнего Востока, Северной Америки; низкая губа (13—15 мм) чаще встречается у низкорослых групп в Южной Европе, на Кавказе, в Передней Азии, Индии, Индокитае, Индонезии, Африке. Толщина губ определяется измерительно для обеих губ вместе или описательно для каждой из них отдельно. Различают тонкие, средние, толстые и вздутые губы. Нижняя губа почти всегда толще верхней. Наиболее толстые губы характерны для большинства африканцев, австралийцев, меланезийцев, папуасов, многих групп населения Южной Индии, Индокитая и Индонезии. Тонкие губы преобладают у народов Северной Азии и Северной Европы.

В ограниченном объеме книги мы не могли даже перечислить всех расовых признаков головы и лица. Вне нашего внимания остались, например, особенности ушной раковины, ширина рта, степень выступления подбородка,

многие черты строения отдельных костей черепа и зубов. Надо сказать несколько слов о различных расовых признаках у женщин и мужчин. У женщин по сравнению с мужчинами той же группы, как правило, более брахикефальная голова, прямой лоб, слабее развито надбровье, относительно шире и ниже лицо, меньше выступает нос, чаще встречается вогнутая его спинка, приподнятые кончик и основание, прохейличная верхняя губа и т. п. Еще более значительны возрастные изменения расовых признаков, происходящие не только в детстве, но и на протяжении всей жизни. Дети по большинству особенностей головы и лица более сходны с женщинами, чем со взрослыми мужчинами. С возрастом несколько понижается головной указатель (череп растет в длину быстрее, чем в ширину), увеличивается наклон лба и выраженность надбровья, исчезает эпикантус (если он был в детстве), повышается переносье, спинка носа имеет тенденцию становиться более выпуклой, а кончик и основание более опущенными, резко уменьшается толщина губ, увеличивается ширина рта. Некоторые изменения идут в одном направлении от рождения до старости, другие же в пожилом возрасте (после 50 лет) меняют свой характер: так, например, складка верхнего века сначала уменьшается, а затем может увеличиваться, переносье, низкое в детстве, достигает максимума высоты в зрелом возрасте, а в старости становится более низким, как бы расплывчатым. Понятно поэтому, что антропологи, сравнивая различные группы, учитывают их возрастной состав; обычно все обследованные взрослые разбиваются на три группы (до 25 лет, 26—39 лет и старше 40 лет).

ДЛЯ ЧЕГО АНТРОПОЛОГИ ИЗУЧАЮТ РАСЫ

Читатель уже заметил, конечно, что описанные выше расовые признаки являются поверхностными, наружными, несущественными для общего направления биологической эволюции, тем более для исторического развития человечества. Эта второстепенность расовых различий служит одним из самых веских доказательств видового единства всех современных людей, общности происхождения рас, в том числе и наиболее отличных друг от друга по внешним телесным признакам. Даже наиболее важные расовые особенности с четко выраженным географическим ареалом распространения не могут рассматриваться в качестве исключительного достояния тех или иных

рас. Казалось бы, сильно курчавые волосы характерны только для африканцев и некоторых групп населения Южной Азии и Океании. Но в отдельных, хотя и редких, случаях такую же форму волос можно встретить, например, в Норвегии или в бассейне Амазонки в Южной Америке. Видовое единство человечества доказывается также тем, что все расы современных людей при смешении (метисации) дают вполне жизнеспособное и плодовитое потомство, которое по своему физическому развитию и умственным способностям ни в чем не уступает родительским расам. Предположения о том, что существуют расы, которые при скрещивании с другими расами дают будто бы бесплодных или мало плодовитых метисов, оказались ошибочными. Огромные области земного шара с глубокой древности были зонами расовой метисации. Это относится, например, к Средней, Юго-Восточной и Южной Азии, к Западной Сибири и Восточной Европе, к Северной и Восточной Африке. После открытия европейцами Америки и Австралии возникли новые обширные зоны междурасовой метисации. В Северной и особенно в Южной Америке в разных пропорциях смешивались между собой потомки коренного индейского населения с вольными или невольными европейскими и африканскими переселенцами. В Бразилии, например, «чистые» индейцы, живущие в лесах, составляют лишь 0,2% общей численности населения, а метисы между индейцами, европейцами и африканцами — более 33%. Столь же смешано в расовом отношении и население Мексики: трудно сказать, кто принимал большее участие в его формировании — центральноамериканские индейцы или переселенцы из Испании и других европейских стран. Глубокое смешение европейцев с африканцами и индейцами происходило с XVI в. также на Кубе и других островах Карибского моря.

Изучение расовых признаков и их географического распределения в прошлом и настоящем дает в руки передовых ученых всего мира мощное оружие для борьбы со всевозможными реакционными вымыслами о происхождении человеческих рас от разных видов древних человекообразных (антропоморфных) обезьян, о физической и психической неравноценности разных рас и о вреде смешения между ними. Изучение это очень важно также для разрешения многих биологических и исторических проблем, в особенности связанных с происхождением самого человека и его рас, с их расселением по поверхности земного шара, смешением и взаимодействием, с отно-

шениями между расами, народами и культурами на разных этапах социально-экономического развития и в различных естественногеографических условиях. Хотя расовые признаки сами по себе не имеют ничего общего с уровнем общественного развития разных групп человечества, признаки эти во многих случаях служат показателями родства и взаимодействия народов, своего рода «метками», по которым можно проследить исторические судьбы разных этнических общностей. Тот раздел антропологической науки, который изучает историю соотношений между этническими и расовыми общностями людей, исследует расовую принадлежность и расовый состав отдельных народов и их родственных групп, носит название «этнической антропологии». Первичными объектами полевых работ в области этнической антропологии всегда являются конкретные группы живых людей или серии скелетов (особенно черепов), приуроченные к определенной территории и к определенному историческому периоду. Такие ареальные группы связанных между собой особей одного вида не только в антропологии, но и в биологии вообще носят название «популяций» (лат. *populus* — народ). Исследуя древние и современные популяции, антропологи выделяют наиболее характерные для них сочетания телесных особенностей, которые называются «антропологическими типами». Если сочетания эти связаны в настоящее время или были связаны в прошлом с определенным ареалом, то их обозначают как «расовые типы».

Любой антрополог, изучающий происхождение и историю человеческих рас, начинает свою практическую полевую работу как бы снизу — с исследования в конкретных популяциях разграничительных, расовых признаков и выявления их наиболее частых сочетаний. Совершенно ясно, что чем меньше будет популяция, избранная для исследования, и чем теснее будут связаны между собой составляющие ее люди, тем более вероятно, что генетически она окажется относительно однородной, т. е. принадлежащей к одному расовому типу. Поэтому вполне понятно, что в последние годы внимание антропологов сосредоточивается главным образом на изучении «малых популяций», члены которых связаны не очень дальним родством, иначе говоря, происходят от одной сравнительно близкой группы предков. К популяциям такого рода принадлежат небольшие родоплеменные подразделения (там, где они сохранились), население окраинных тер-

риторий, отдаленных горных ущелий, а в густо населенных странах — население деревень или небольших городов без значительного притока уроженцев других местностей.

Такие малые популяции, численность которых колеблется, по данным В. В. Бунака, от 1500 до 4000 человек, в новейшей антропологической литературе часто называют «демами» (термин «дем» происходит от уже знакомого читателям древнегреческого слова «демос» — народ). Демы отличаются от более крупных популяций, расселенных на больших территориях, малым процентом уроженцев других групп, вошедших в состав данной популяции (1—2%); высокой частотой внутригрупповых браков (80—90%), часто также незначительным приростом населения (около 20% за 25 лет). Если доля выходцев из других групп не превышает 1%, количество внутригрупповых браков больше 90%, а естественный прирост населения за 25 лет меньше 25%, то такие малые популяции антропологи называют «изолятами» (франц. *isolation* — разобщение, обособление); численность их обычно менее 1500 человек. Если члены демов и тем более изолятов на протяжении последних четырех поколений (примерно 100 лет) вступали в браки почти исключительно между собой, то почти все они в настоящее время являются трояродными братьями и сестрами. Понятно, что такого рода малые популяции будут наиболее однородными в расово-генетическом отношении.

Можно привести немало примеров малых популяций, исследованных в последнее время советскими и зарубежными антропологами и этнографами. Группами родственных демов, а в некоторых случаях отдельными демами и даже изолятами являются многие малые народы Крайнего Севера СССР, численность которых не превышает 4 тыс. человек. К ним относятся саамы (лопари) Мурманской области; принадлежащие к самодийской группе нганасаны на севере Красноярского края; тюркоязычные тофалары Иркутской области; некоторые тунгусо-маньчжурские народы Советского Дальнего Востока — ульчи, удэгейцы, орочи и ороки Сахалина; нивхи, ительмены и юкагиры, а также азиатские эскимосы, алеуты Командорских островов и кеты бассейна Енисея. В качестве настоящих изолятов могут рассматриваться и некоторые горные народы Дагестана, населяющие одно или несколько соседних селений и до самого последнего времени бывшие почти эндогамными.

В. В. Бунак приводит интересные данные о длине тела, цвете глаз, ширине и высоте лица и некоторых других расовых признаках четырех локальных групп так называемых семейских русских Забайкалья, изоляция которых долгое время поддерживалась тем, что они были староверами. Различия между этими группами (демами) по всем перечисленным признакам оказываются значительными и вполне достоверными: средний рост взрослых мужчин, например, варьирует у семейских русских от 164 до 168 см, а доля светлых глаз — от 49 до 66%. Отдельными демами часто являются также островные малые популяции; ярким примером такой популяции могут служить эстонские рыбаки острова Кихну в Рижском заливе, обследованные Балтийской антропологической экспедицией в 1952 г. Почти по всем разграничительным расовым признакам они заметно отличаются от ближайших к ним материковых групп эстонцев Пярнуского района. Подобные же более или менее изолированные демы описаны антропологами и в разных зарубежных странах: во Франции, в ФРГ и ГДР, Польше, Венгрии, США, а также во многих районах Африки, Индии, Индокитае и на островах Океании. Малые народы Индии (тода, кота, асуры, бирхоры и др.) также могут считаться отдельными демами.

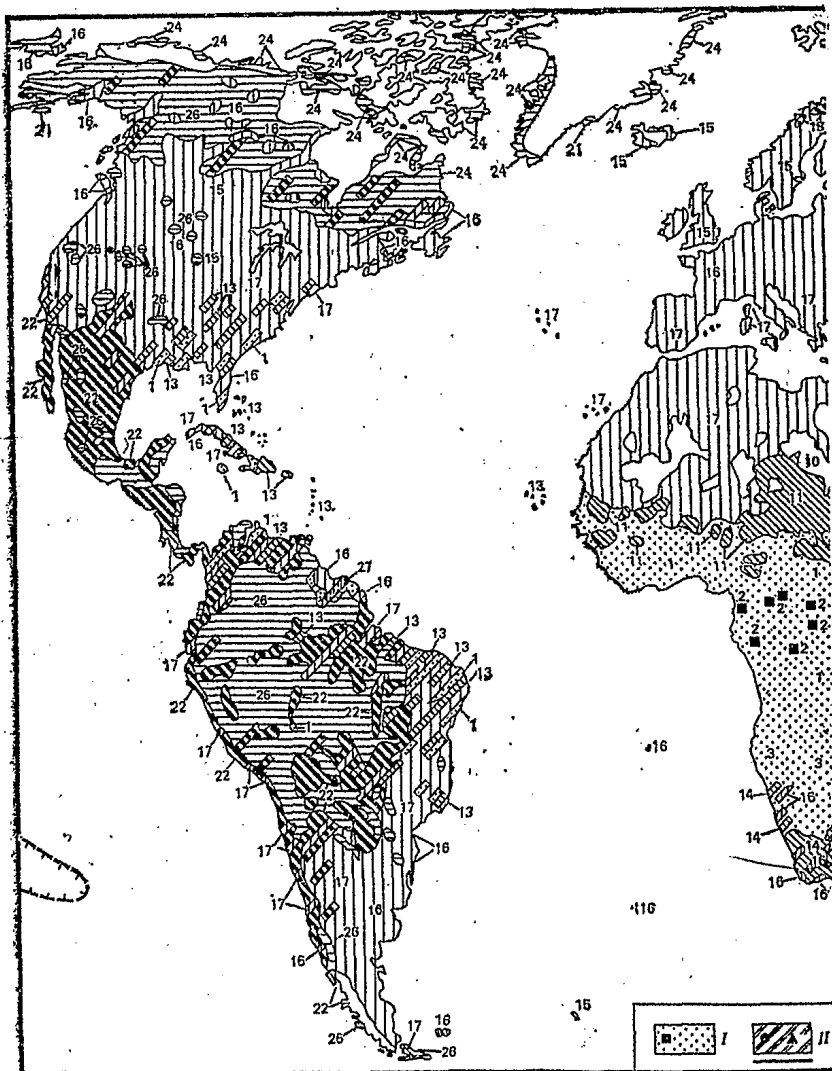
СКОЛЬКО СУЩЕСТВУЕТ РАС И СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ ПРИНАДЛЕЖИТ К КАЖДОЙ ИЗ НИХ

Выделение расовых типов в малых популяциях не исключает их объединения в более крупные группы, связанные общим происхождением. Как мы знаем, большинство расовых признаков определяется различными генами и не обнаруживает между собой выраженных физиологических связей. Ясно поэтому, что ареалы распределения расовых признаков совпадают только частично и всегда в известной мере перекрывают друг друга. Отсюда вытекает необходимость выделить в пределах ойкумены очаги, или зоны, расообразования, в которых процессы расогенеза имеют определенную интенсивность и определенное направление. Чем обширнее такие зоны, тем древнее, как правило, характерные для них сочетания расовых признаков. С наибольшей ясностью и определенностью расовые различия на больших территориях выявляются между теми тремя большими группами популя-

ций, которые в прежних классификациях обозначались как «черные», «белые» и «желтые» и которые в советской антропологии, отбросившей эти устарелые наименования, описываются обычно в качестве экваториальных, австралоидных и негроидных, европеоидных и монголоидных рас.

Морфологическая характеристика основных особенностей этих групп рас дана при описании различий между африканцами, русскими и монголами. Многие антропологи к монголоидам относят также морфологически очень своеобразных американских индейцев, а в число экваториальных рас включают австралийцев и сходные с ними популяции Юго-Восточной Азии и Океании, иногда называемые веддоидами (по имени наиболее характерных их представителей — веддов Шри Ланки). Между всеми этими расами существуют многочисленные переходные группы.

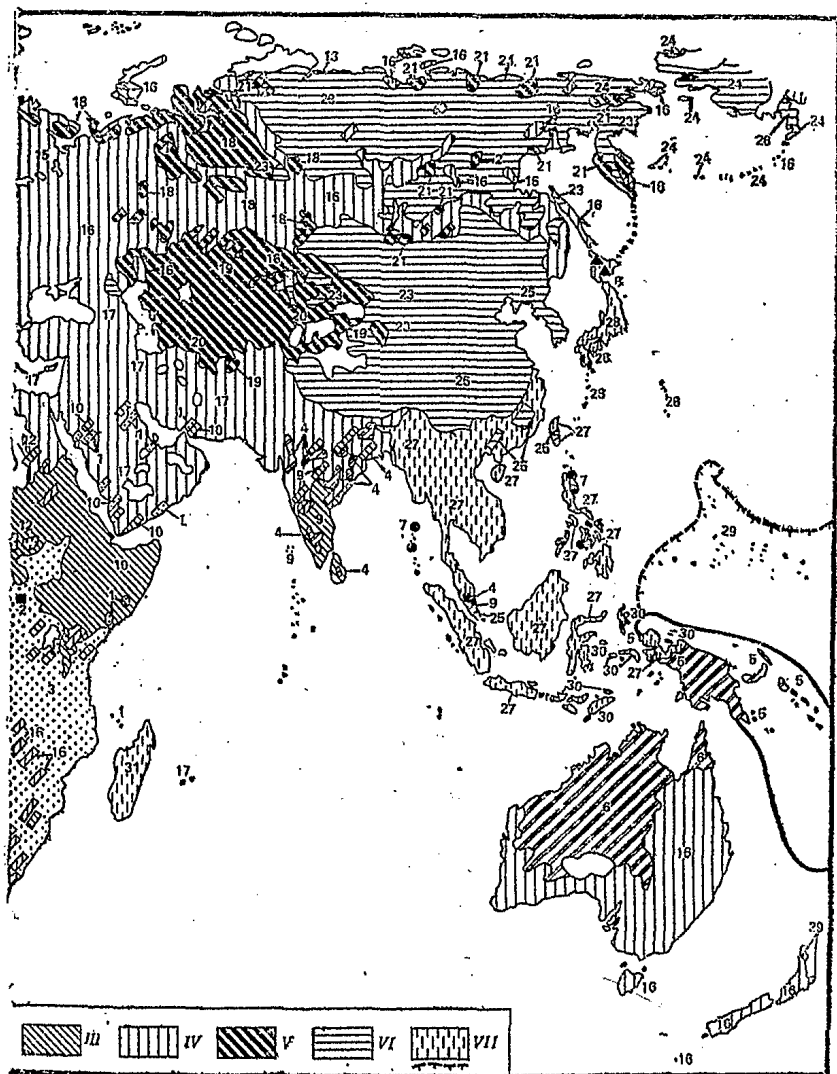
Данные палеоантропологии свидетельствуют, что формирование основных рас имело место у людей современного вида (*Homo sapiens*) уже в конце древнего каменного века (палеолита), за 40—16 тыс. лет до нашего времени. Известны хорошо датированные позднепалеолитические костяки и черепа, которые могут быть отнесены к европеоидным, экваториальным и монголоидным расам. К числу европеоидов принадлежит большинство находок ископаемых людей этого периода в Европе, а также в отдельных местах Передней Азии, Восточной и Северной Африки. На территории европейской части СССР выраженными европеоидными особенностями обладают многие черепа, найденные в позднепалеолитических стоянках около селения Костенки Воронежской области. Экваториальные расы представлены в позднем палеолите негроидными черепами из Асселяра в южной Сахаре, из Флорисбада и Кэп-Флэтса на юге Африки, австралоидными из Ваджака на Яве, из Ниа на севере Калимантана, из Аптапе на Новой Гвинее, из некоторых древних стоянок Австралии. Интересно, что многие австралоидные черты (прогнатизм, широконосость и др.) обнаружены также на позднепалеолитическом черепе из стоянки Маркина гора в районе Костенок. К монголоидам относятся датированные концом древнекаменного века черепа из Шаньдиндуна (около Пекина), из Люцзяна на юге Китая, а также фрагмент детского черепа, найденный на стоянке «Афоптова гора» в Красноярске.

Современные расы

- I — Экваториальные негроидные (африканские расы):**
 1 — негры; 2 — негрилли (пигмеи); 3 — бушмены и готтентоты;
- II — Экваториальные австралоидные (океанийские) расы:** 4 — веддоиды; 5 — папуасы и меланезийцы; 6 — австралийцы; 7 — негритосы, 8 — айны;
- III — Переходные группы между экваториальными и европеоидными расами:**

- 9 — южноиндийская (дравидская) группа; 10 — восточноафриканская (эфиопская группа); 11 — переходные группы Западного Судана; 12 — смешанные группы Судана; 13 — американские мулаты; 14 — южноафриканские «цветные»;
- IV — Европеоидные расы:**
 15 — северные группы (ксантохрон или блондины); 16 — переходные группы (шатены); 17 — южные группы (меланохрон или брюнеты);

V — Переходные группы между европеоидными и монголоидными расами:

18 — уральская (урало-лапоноидная) группа; 19 — южносибирская группа; 20 — среднеазиатские смешанные группы; 21 — смешанные группы Сибири; 22 — американские метисы;

VI — Монголоидные расы:

23 — континентальные (северные азиатские) группы; 24 — арктическая (эскимосская) группа; 25 — тихоокеанские (восточные) группы; 26 —

американские (индейские) группы;

VII — Переходные группы между монголоидными и экваториальными расами:

27 — южноазиатская группа; 28 — японская группа; 29 — полинезийско-макронезийская группа; 30 — восточноиндонезийская группа; 31 — мадагаскарская группа.

Карта составлена по данным атласа «Народы мира» (1964) с дополнениями авторов

Начиная с Бернье, антропологи разных стран и времен предложили множество расовых классификаций, в большинстве которых под теми или иными наименованиями фигурируют главные направления расовой дифференциации человечества. В свое время Г. Ф. Дебец предпринял интересную попытку дать классификацию рас не только в «горизонтальном» (географическом), но и в «вертикальном» (хронологическом) плане. Н. Н. Чебоксаров выделяет большие расы и их подразделения («малые расы»), а также древние, переходные и смешанные группы, частично нам уже известные. Однако Г. Ф. Дебец справедливо подчеркивает, что межрасовая метисация не закончилась периодом первоначального расселения людей по поверхности Земли, но продолжалась с нарастающей интенсивностью во все последующие эпохи вплоть до сегодняшнего дня. В процессе этой метисации в средние века и в новое время сложились многочисленные контактные группы, морфологически часто очень сходные с более древними переходными формами. Основываясь на принятом большинством советских антропологов учении о зонах расообразования и определив по данным демографической статистики численность населения в каждой из этих зон, Г. Ф. Дебец постарался также определить число людей, принадлежащих к различным расам. В 1975—1976 гг. подобные подсчеты были проведены С. И. Бруком при участии авторов этой книги. Общая численность популяций, принадлежащих к экваториальным расам (без переходных и смешанных форм) составляет около 260,1 млн. человек, на долю океанийской (австралоидной) ветви приходится только 9,5 млн. Среди собственно негроидов наиболее многочисленны негры (250,2 млн.), из них в Африке живет примерно 215 млн., в Америке — 35 млн., в зарубежной Азии — около 100 тыс., африканских пигмеев, называемых еще негрильями (маленькими неграми), насчитывается приблизительно 200 тыс., а бушменов и готтентотов — 250 тыс. Численность различных веддоидов в Южной и Юго-Восточной Азии достигает 5 млн., меланезийцев и папуасов — 4,26 млн., австралийцев — 50 тыс., негритосов (андаманцев, семайгов, аэта) — 100 тыс., айнов — 20 тыс. Общая численность популяций переходных между экваториальными и европеоидными расами, составляет примерно 356,6 млн., причем на долю южноиндийской (дравидской) группы приходится 220,4 млн., а на долю восточноафриканской (эфиопской) 45 млн. Г. Ф. Дебец с последней группой сближал также пере-

ходные формы Западного Судана, характерные для народов фульбе (13 млн.); в их формировании могло играть роль как сохранение древних промежуточных типов, так и более позднее смешение между негроидами и южными европеоидами.

В VII—VIII вв. н. э. в результате арабского завоевания и распространения ислама много арабов проникло в глубь Африки, где образовались новые смешанные формы Судана, внешне сходные с более древними. Этих негроидно-европеоидных метисов насчитывается в настоящее время около 10 млн. В XVI—XVII вв. (как мы уже знаем) началось смешение между африканцами и европейцами в Америке, результатом которого было образование большой расопромежуточной группы мулатов, в настоящее время их насчитывается свыше 65,9 млн. (главным образом в Бразилии, Гайане, Венесуэле, Колумбии, в республиках Центральной Америки, на островах Карибского моря и в южных штатах США). К смешанным негроидно-европеоидным популяциям относятся цветные Южной Африки — потомки от связей европейских (главным образом голландских) колонистов с готтентотками и негритянками (2,3 млн.). Расистская политика апартеида (разделения рас) правительства ЮАР поддерживает их обособленность.

Общая численность европеоидных популяций, не смешанных или очень мало смешанных с другими большими расами, достигает 1803,5 млн. Из них на долю ксантохров (греч. «ксантос» — желтый, светлый), или светлых европеоидов, приходится 140 млн., на долю меланохроев («меланос» — черный, темный), или темных европеоидов, — 1047,5 млн., на долю переходных форм — 616 млн. В СССР европеоидные популяции насчитывают 220 млн., в зарубежной Европе — 478 млн., в зарубежной Азии — 684 млн., в Африке — 107 млн., в Америке — 303 млн., в Австралии и Океании — 16,5 млн. Ксантохροι, для которых характерна наибольшая в мире частота светлых глаз и волос (50% и выше), сосредоточены главным образом на севере Европы (включая европейскую часть СССР) и в Северной Америке (Канада, США), меланохροι с темными волосами и преимущественно карими глазами широко распространены на Кавказе, в странах Ближнего Востока, в Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Мальдивы), на юге Европы, в Африке, к северу от Сахары, в Латинской Америке. Между зонами ксантохроев и меланохроев расположена

широкая зона переходных по пигментации популяций с преобладанием темнорусых волос и смешанных оттенков радужины. Внутри всех трех групп европеоидов выделяется много местных расовых типов. Так, например, среди ксантохроев можно наметить мезокефальный скандинавский (североевропейский) тип и более короткоголовый часто с вогнутой спинкой носа — восточнобалтийский. К меланохроям относятся такие типы, как долихокефальный средиземноморский, брахицефальный с выпуклой спинкой носа переднеазиатский (арменоидный), брахицефальный, но с прямым носом индоамериканский и др.

Смешанные и переходные формы между европеоидными и азиатскими монголоидами насчитывают 44,8 млн. человек, из которых в СССР живет 32,71 млн., в зарубежной Азии — 12,02 млн. и в зарубежной Европе — 70 тыс. Сюда относятся такие группы, как южносибирская (8,5 млн.), на юге Сибири, в Казахстане и в соседних районах МНР и Китая, а также уральская или урало-лапоноидная (13,11 млн.), включающая многие народы Западной Сибири и Северо-Восточной Европы. К той же категории промежуточных европеоидно-монголоидных популяций Г. Ф. Дебец причисляет метисное русско-аборигенное население Сибири (около 10 тыс.), а также смешанные группы узбеков, туркмен, уйгуров и других народов Средней и Центральной Азии, которые географически и морфологически связывают южносибирскую группу с индоамериканской (23 млн.).

Ареной интенсивного смешения групп европеоидов с американскими монголоидами стала с XVI в. Америка, особенно Средняя и Южная. Общая численность американских метисов достигает 120,2 млн. В некоторых странах Латинской Америки, например в Мексике или Парагвае, к метисам принадлежит большинство населения. Метисация здесь настолько глубока и повсеместна, что можно говорить о формировании новых расовых типов, обладающих всеми особенностями промежуточных форм. Крупные группы метисов имеются и почти во всех других странах Латинской Америки. Наиболее значительны они в центральноамериканских республиках: Венесуэле, Колумбии, Эквадоре, Перу, Боливии, Чили, Бразилии, Гайане, Суринаме. В некоторых из перечисленных стран в смешении принимают участие не только потомки переселенцев из Европы и индейцев, но также американцы африканского происхождения и иммигранты нового времени из Южной и Юго-Восточной Азии. Границы между

«белыми», индейцами, неграми, метисами и мулатами во многих латиноамериканских странах постепенно стираются. В состав одних и тех же популяций, иногда даже малых, входят потомки всех перечисленных групп. В наши дни складывается, например, бразильский тип: возможно, что через несколько поколений бразильцы будут в расовом отношении не менее однородны, чем англичане или скандинавы.

Третья основная группа рас — монголоидная — насчитывает 712,26 млн. человек (без южноазиатской группы). На долю континентальных, или северных азиатских, монголоидов приходится примерно 8 млн., из них в азиатской части СССР — 1 млн. и в зарубежной Азии (главным образом в МНР и на севере Китая) — 7 млн. Общая численность тихоокеанских (восточных) монголоидов достигает 671,11 млн., большинство их расселено в Восточной Азии (преимущественно в Китае и Корее). В СССР насчитывается около 400 тыс. тихоокеанских монголоидов (дунгане, корейцы, китайцы), в Америке — 600 тыс., Австралии и Океании — примерно 50 тыс. Континентальные монголоиды отличаются от тихоокеанских более светлой кожей, некоторой тенденцией к депигментации волос и глаз, большей массивностью всего скелета, гораздо более крупными размерами мозговой коробки (при меньшей ее высоте), абсолютно более широким, обычно ортогнатным лицом, относительной узконосостью (лепторингией), менее толстыми губами. Арктическая, или эскимосская, группа типов, переходная между континентальными и тихоокеанскими монголоидами, насчитывает 150 тыс. человек, из них в Америке около 120 тыс. (алеуты и эскимосы), а в азиатской части СССР — 30 тыс. (эскимосы, алеуты, палеоазиаты). Американские монголоидные группы, иногда выделяемые в особую большую расу, охватывают в наши дни приблизительно 33 млн., в их состав входят различные индейские народы, сохранившиеся в центральных областях Южной Америки, местами в Центральной Америке, а также на севере Канады.

Остановимся на численности смешанных и переходных форм между монголоидами и экваториальными расами. Сюда относятся прежде всего южноазиатская контактная группа, связывающая восточных монголоидов с австралоидами (550,4 млн. человек), главным образом на юго-востоке Азии, включая Китай к югу от Циньлина. Г. Ф. Дебец выделял еще «восточноиндонезийский тип», к которому он относил население Молуккских и Малых

Таблица 2.

Численность человеческих рас (в млн. человек, на середину 1978 г.)*

Человеческие расы	Численность	Человеческие расы	Численность
Всего населения	4260,0	Монголоидная (азиатско-американская) большая семья	813,75
<u>Негроидная (африканская) большая раса</u>	281,4	американская ветвь монголоидной (азиатско-американской) большой расы	35,7
негры	280,9	азиатская ветвь монголоидной (азиатско-американской) большой расы	778,05
негрилли	0,25	континентальные (северные) монголоиды	9
бушмены и готтентоты	0,25	эскимосы и палеоазиаты	0,15
Смешанные и переходные формы между негроидной и европеоидной большими расами	376,3	тихоокеанские (восточные) монголоиды	768,9
афиопский тип	47	Смешанные и переходные формы между азиатской ветвью монголоидной большой расы и австралоидной большой расой	731,8
переходные формы Западного Судана	15	типы южноазиатской группы (южные монголоиды)	611,1
южноиндийский тип	230,7	японский тип	115,6
смешанные формы Судана	10	восточноиндонезийский тип	5,1
мулаты	71,0	Австралоидная (океанийская) большая раса	11,5
«цветные» Южной Африки	2,6	веддоиды	6
<u>Европеоидная (евразийская) большая раса</u>	1857,9	австралийцы	0,15
северная ветвь	142,3	айны	0,02
переходные и среднеевропейские формы	625	меланезийцы и папуасы	5,2
южная ветвь	1090,6	негритосы	0,1
Смешанные формы европеоидной большой расы и американской ветви монголоидной большой расы	129,2	Другие расовые типы (смешанные)	9,3
американские метисы	129,2	малагасийцы	8,2
Смешанные и переходные формы между европеоидной большой расой и азиатской ветвью монголоидной большой расы	46,8	полинезийцы и микронезийцы	1
среднеазиатские типы	24	гавайцы	0,1
южносибирский тип	9	неизвестные	2,05
типы уральской группы	0,2		
лапоноиды и субуральский тип	13,6		
смешанное население Сибири	0,01		

* Составил С. И. Брук.

Зондских островов, а частично и Сулавеси, несущее следы смешения с папуасами (4,04 млн.). Промежуточное положение между восточными и южными монголоидами занимают японцы (111 млн.), впитавшие также немало айнских компонентов. В настоящее время можно говорить о формировании особого японского расового типа смешанного происхождения.

Другая контактная группа — полинезийская (включая также микронезийцев) — насчитывает 1 млн. человек, группа эта занимает, по-видимому, наиболее среднее положение между всеми современными расами и обладает рядом черт, характерных для каждой из основных их групп. В Океании особое место занимает население Гавайских островов и острова Питкэрн, в формировании которого, кроме полинезийцев, приняли участие и европейцы, а на Гавайях также выходцы из США, Японии, Китая, Филиппин и других стран Восточной Азии. Всего на Гавайях и Питкэрне живет более 100 тыс. метисов. Еще одна метисная популяция сложилась на Мадагаскаре, куда в I тыс. до н. э. переселились из Индонезии различные южноазиатские группы, в дальнейшем смешавшиеся с негроидами африканского происхождения. В настоящее время численность малагасийцев достигает 7,9 млн., а численность всех монголоидно-экваториальных популяций — 674,14 млн.*

КАК НАСЛЕДУЮТСЯ РАСОВЫЕ ПРИЗНАКИ

Расовые признаки, как и все наследственные особенности человека и других живых существ, зависят от генов, заключенных в ядре всех клеток организма. Ход наследования этих признаков определяется законами, которые были открыты чешским естествоиспытателем Грегором Менделем в 1865 г., но только через 35 лет после долгого периода забвения получили признание в биологической науке и легли в основу современной генетики. В настоящее время благодаря огромным успехам микроскопической техники мы знаем, что гены представляют собой материальные единицы наследственности, которые располагаются в линейном порядке в так называемых хромосомах (греч. «хрома» — цвет, «сома» — тело) — нитевидных образованиях в клеточном ядре, получивших

* В некоторых странах (особенно азиатских) встречаются группы населения, расовую принадлежность которых определить не удалось (всего около 4,62 млн.).

свое название оттого, что они интенсивно окрашиваются различными основными красителями. Число хромосом постоянно для каждого вида растений и животных; в клетках человека 46 хромосом. Хромосомы располагаются в ядре клетки не в одиночку, а парами. Каждая пара в огромном большинстве случаев включает две хромосомы, совершенно сходные по величине и по форме. Однако у этого общего правила существует очень важное исключение: в то время как у женщин все 23 пары состоят из сходных хромосом, у мужчин хромосомы одной пары (половой, или 23-й) различны по величине. Одна из них, обозначаемая латинской буквой «икс» (X), одинакова с соответствующими хромосомами женских клеток, другая же, «игрек» (Y), — гораздо меньше по размерам и свойственна только мужским клеткам. Таким образом в клетках женского организма пара хромосом, определяющих пол, имеет вид XX, а в клетках мужского — XY.

При образовании половых клеток в результате двух последовательных делений хромосомы каждой пары расходятся: в женские половые клетки (яйцеклетки) при этом попадает по одной хромосоме каждой пары, включая X-хромосому; в мужские половые клетки (живчики, или сперматозоиды) в половине всех случаев попадает также по одной хромосоме каждой пары (в том числе и X-хромосома), но в другой половине случаев оказывается уже по 22 обычные хромосомы (или «аутосомы») плюс Y-хромосома. Таким образом, в половых клетках, или гаметах (греч. «гаметес» — супруг), насчитывается половинное число хромосом (у человека — 23). При оплодотворении мужские гаметы соединяются с женскими, в результате этого образуются «зиготы» (греч. «зиготэ» — соединенная в пару), в которых содержится уже полное количество хромосом (у человека — 46), в том числе две половые хромосомы. Если яйцеклетка будет оплодотворена сперматозоидом с X-хромосомой, то родится девочка с двумя хромосомами в каждой клетке (XX); если же в яйцеклетку попадает живчик с Y-хромосомой, то родится мальчик, все клетки которого будут содержать две разные половые хромосомы — мужскую и женскую.

Таким образом современная генетика объясняет наследование пола, который у людей всегда определяется отцовской гаметой.

В химическом отношении хромосомы содержат три главные составные части: белок и две сложные кислоты — дезоксирибонуклеиновую (ДНК) и рибонуклеиновую

(РНК), имеющие огромное значение для жизни каждой клетки и организма в целом. Белки, ДНК и РНК представляют собой полимеры, т. е. сложные соединения, состоящие из многих больших молекул, которые в свою очередь складываются из более простых молекул, повторяющихся в различных сочетаниях. Главную роль в передаче наследственной информации играет ДНК, в молекулах которой заложен план, или код, строения, развития и жизнедеятельности всего организма, получаемый детьми от родителей. В состав сложной молекулы ДНК всех живых существ нашей планеты (включая человека) входят всего только четыре азотистых соединения, называемых нуклеотидами (лат. *nucleus* — ядро). Исключительное разнообразие молекул ДНК, специфичных для каждого организма, объясняется тем, что нуклеотиды выступают в этих молекулах в различных комбинациях. Общее число возможных, различных по строению больших молекул ДНК, которые могут образовываться только за счет разного взаимного расположения ста молекул четырех нуклеотидов, превышает число атомов во всей солнечной системе! Об абсолютных размерах молекулы ДНК можно получить некоторое представление, если учесть, что расстояние между молекулами нуклеотидов внутри нее равняется 3,4 ангстрема (ангстрем — это одна стомиллионная сантиметра).

Новейшие работы советских и зарубежных генетиков (Н. П. Дубинин, Г. Мёллер, Г. А. Надсон и др.) полностью опровергли старое представление о постоянстве и неизменности генов и позволили установить, что под воздействием различных внешних факторов, в особенности определенных химических соединений и радиоактивного излучения, гены и даже слагающие их мельчайшие участки ДНК могут претерпевать резкие скачкообразные изменения, которые в дальнейшем передаются по наследству от родителей к детям. Эти изменения получили наименование «мутаций» (лат. *mutatio* — изменение, перемена), а вызывающие их факторы были названы «мутагенами». Путем мутаций возникли многие особенности человека, в том числе и расовые признаки. Так, например, есть основания предполагать, что наши предки имели сравнительно темную коричневатую кожу, черные волосы и карие глаза, которые и в настоящее время свойственны большинству рас. Наиболее депигментированные расовые типы — блондины со светлыми глазами — появились скорее всего путем мутаций, сосредоточившихся

главным образом в Северной Европе у берегов Балтийского и Северного морей.

Характерная особенность расположения наследственных зачатков в ядре клетки состоит в том, что гены, определяющие наследование любого признака, занимают, как правило, в хромосомах каждой пары определенные места (локусы), как бы помещаясь друг против друга. Таким образом, всякая особенность организма зависит от пары сопряженных генов в сходных (гомологичных) хромосомах. Эти генные пары получили в генетике название «аллелей», или «аллеломорфов» (греч. «аллос» — другой и «морфа» — форма). При образовании гамет с половинным числом хромосом в каждую из них попадает только один из аллелей; после же оплодотворения в зиготах, имеющих полный набор хромосом, оказываются уже оба аллеля генной пары. В каждой паре генов аллели могут быть одинаковыми или различными, как бы контрастирующими. Если соединяются гаметы с одинаковыми аллелями, то образуются гомозиготные оплодотворенные яйцеклетки, если же с разными — то гетерозиготные.

Поясним эти теоретические построения конкретным примером. Предположим, что окраска радужины глаз у человека зависит от одной пары генов. Один из аллелей определяет темные (карие) глаза, а другой — светлые (голубые, серые или синие). Человек не может быть сразу кареглазым и голубоглазым: следовательно, гены темной и светлой окраски радужины действительно являются контрастирующими аллелями. Если у матери и отца аллели одинаковы, то дети естественно наследуют цвет глаз родителей. Но что получится, если у одного из родителей карие глаза, а у другого — голубые? Оказывается, что у детей от такого брака будут темные глаза, хотя в их гетерозиготных клетках в каждой генной паре, определяющей окраску радужины, один из аллелей будет геном темноглазости, а другой — светлоглазости. Это явление преобладания одного из членов генной пары над другим называется «доминированием» (лат. *dominare* — господствовать, преобладать). В приведенном примере аллель темноглазости является доминантным, а контрастирующий с ним аллель светлоглазости, имеющийся у детей в скрытом состоянии, — рецессивным (лат. *recessus* — отступление). Генетики часто обозначают доминантные аллели прописными буквами латинского алфавита, а рецессивные — строчными буквами. Таким образом, формулы гомозиготных родителей будут для темноглазого АА,

а для светлоглазого — aa . Гетерозиготные дети будут иметь формулу Aa : внешне они будут темноглазыми, хотя рецессивный аллель «светлоглазости» и присутствует у них в скрытом или подавленном состоянии.

Предположим теперь, что в брак вступили два гетерозиготных супруга ($Aa \times Aa$), внешне темноглазые, но несущие в скрытом состоянии рецессивный ген светлоглазости. При образовании гамет доминантные и рецессивные аллели разойдутся, или, как говорят генетики, расщепятся. Половина всех мужских и женских гамет будет содержать доминантный аллель A , а другая половина — рецессивный аллель a . Так как шансы сочетания гамет разных видов одинаковы, то среди детей должны будут появиться в равных количествах комбинации AA , Aa , Aa , aa . В буквенных символах это скрещивание можно представить схематически следующим образом:

		Женские гаметы												
		<table> <tr> <td></td> <td>A</td> <td>a</td> </tr> <tr> <td>A</td> <td>AA</td> <td>Aa</td> </tr> <tr> <td>a</td> <td>Aa</td> <td>aa</td> </tr> </table>			A	a	A	AA	Aa	a	Aa	aa		
	A	a												
A	AA	Aa												
a	Aa	aa												
Мужские гаметы				Зиготы										
или $Aa \times Aa$														
$AA + Aa + Aa + aa = AA + 2Aa + aa$														

Так как люди с зиготами типа AA и Aa вследствие доминирования аллеля темноглазости над аллелем светлоглазости будут внешне темноглазыми и только люди с зиготами aa окажутся светлоглазыми, то среди детей на трех темноглазых будет один светлоглазый.

Описанный порядок наследования, установленный Г. Менделем, в настоящее время известен в генетике как «закон независимого распределения признаков», или «закон рекомбинации». Зная этот закон, можно рассчитывать распределение признаков в потомстве при гетерозиготных скрещиваниях не только для одного, но и для многих признаков. Необходимо, однако, иметь в виду, что доминирование не всегда бывает полным, а во многих случаях оно и совсем отсутствует. Это ведет к тому, что при скрещиваниигомозиготных родителей с контрасти-

рующими генами дети по изучаемому признаку будут иметь промежуточный характер — Aa . При дальнейших скрещиваниях гетерозиготных форм распределение признаков будет таким же, как и в случаях полного доминирования ($AA+2Aa+aa$); однако в силу промежуточного характера наследования среди детей четверть будет похожа на родителя AA , другая четверть на родителя aa и две четверти, т. е. половина, будет по данному признаку иметь промежуточный характер. Так, например, у человека форма волос зависит главным образом от одной пары генов. Если аллель курчавых волос обозначим A , а аллель прямых волос a , то гетерозиготы Aa будут иметь волнистую форму волос, промежуточную между курчавой и прямой. При браке гомозиготных родителей с курчавыми и прямыми волосами среди детей будут преобладать волнистые волосы, а при браке гетерозиготных родителей с волнистыми волосами в потомстве появятся наряду с волнистоволосыми курчавоволосые и прямоволосые дети.

Мы остановились только на самых основных положениях современной генетики. Разобранные нами примеры наследования различных признаков, в том числе расовых особенностей человека, описаны несколько схематично. Дело в том, что большинство этих особенностей зависит не от одной, а от многих пар аллелей*. Так, окраска радужины глаз по новейшим данным, определяется несколькими такими парами, хотя в каждой из них гены более темных оттенков действительно доминируют над генами более светлых тонов. Подобно этому и форма волос зависит, вероятно, от нескольких пар генов; однако неполное доминирование или промежуточный характер наследования в этом случае выступает очень отчетливо. Еще более ясно промежуточная наследственность прослеживается в окраске кожи, которая определяется, по-видимому, большим количеством генных пар. Легко показать, что при множественности генов, контролирующих тот или иной признак, промежуточный характер наследования и широкий размах вариации признака будут наблюдаться почти всегда. Действительно, при браках негров с европейцами мулаты как первого, так и последующих поко-

* Это явление называется «полимерией» (греч. «полимерейя») — множественность или полигенным наследованием. В том случае, если один ген оказывает влияние на несколько признаков, говорят о «плейотропии» (греч. «плейо» — много и «тропос» — направление).

лений обладают, как правило, разнообразными оттенками кожи от очень светлых до самых темных.

До настоящего времени хорошо изучено наследование сравнительно небольшого количества расовых признаков. Перечислим важнейшие из них. Темные волосы, как мы уже знаем, в общем доминируют над светлыми, любые перыжные волосы — над рыжими, курчавые — над прямыми (доминирование неполное). Сильное развитие третичного волосяного покрова доминирует над слабым его развитием; нормальная пигментация кожи, волос и глаз — над альбинизмом; наличие эпикантуса — над его отсутствием; высокое и узкое переносье — над низким и широким; поперечно расположенные, широкие ноздри — над сагиттально расположенными, узкими; толстые губы — над тонкими. Есть основание предполагать, что некоторые расовые признаки, по крайней мере частично, сцеплены с полом, т. е. что определяющие их гены располагаются в половых хромосомах. У женщин большинства народов доля темных глаз бывает выше, чем у мужчин той же популяции. Вероятно, это объясняется локализацией одного или нескольких генов окраски радужины в X-хромосомах.

ГРУППЫ КРОВИ

В предыдущих разделах мы рассказали о расовых признаках, которые можно определить непосредственно на живых людях или на скелетах. Но, кроме этих признаков, у человека существуют и другие ареальные морфологические и физиологические особенности, связанные с тонким внутренним строением разных тканей и органов. В настоящее время антропологи придают таким особенностям большое значение, так как многие из них строго наследственны и вместе с тем почти независимы от природных и социально-бытовых условий жизни. Признаки эти не изменяются с возрастом, сохраняясь на всю жизнь.

К числу подобных признаков, имеющих определенные географические ареалы распространения, относятся многие свойства крови. Как показали в начале XX в. К. Ландштейнер и Я. Янский, у современных людей встречаются четыре различные группы крови, определить которые можно, наблюдая явление агглютинации (лат. *agglutinatio* — склеивание) — слипания красных кровяных телец (эритроцитов) при смешивании их с сывороткой крови.

Агглютинация вызывается взаимодействием особых веществ двух типов: агглютиногенов, или антигенов, содержащихся в эритроцитах и других клетках крови, и агглютининов, или антител, сыворотки. В крови находятся два антигена — *A* и *B* и два антитела — анти-*A* и анти-*B*. Склеивание эритроцитов происходит, когда антигены встречаются с несовместимыми антителами (*A* — с анти-*A*, *B* — с анти-*B*).

В крови различных групп содержатся разные антигены и антитела. Схематически их распределение может быть представлено следующим образом:

Группа крови	Клеточные антигены	Антитела сыворотки
I, или <i>O</i>	Нет	Анти- <i>A</i> Анти- <i>B</i>
II, или <i>A</i>	<i>A</i>	Анти- <i>B</i>
III, или <i>B</i>	<i>B</i>	Анти- <i>A</i>
IV, или <i>AB</i>	<i>AB</i>	Нет

Распределение антигенов и антител в различных группах имеет большое практическое значение при переливании крови. Очевидно, что переливание возможно только в том случае, если эритроциты крови донора не склеиваются сывороткой (плазмой) крови реципиента — больного, которому переливают кровь. Если же при переливании произойдет агглютинация, то реципиент может погибнуть. Наглядно взаимодействие антигенов и антител при переливании можно представить в такой табличке:

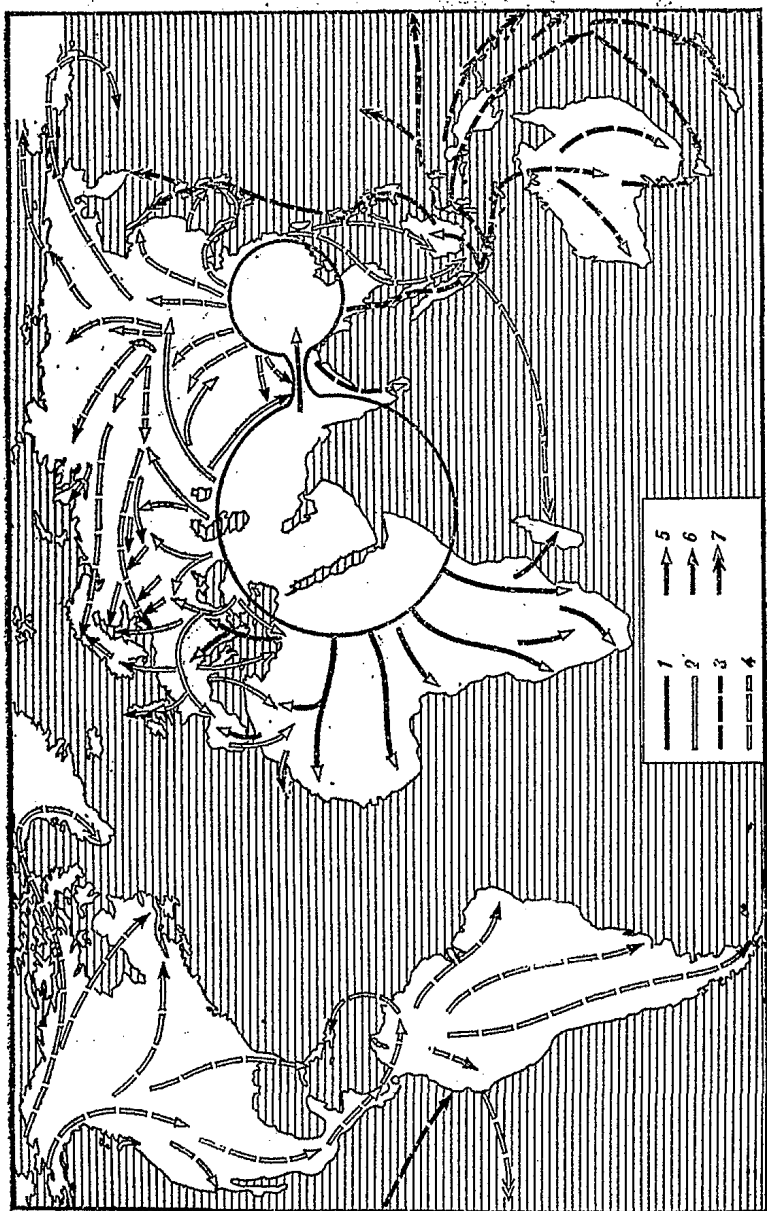
Донор	Реципиенты			
	I (<i>O</i>)	II (<i>A</i>)	III (<i>B</i>)	IV (<i>AB</i>)
I (<i>O</i>)	+	+	+	+
II (<i>A</i>)	—	+	—	+
III (<i>B</i>)	—	—	+	+
IV (<i>AB</i>)	—	—	—	+

Знак плюс означает, что агглютинации эритроцитов донора в крови реципиента происходить не будет и, следовательно, переливание возможно; знак минус указывает на наличие агглютинации, исключающей переливание.

Ясно, что люди, принадлежащие к первой (I) группе, являются универсальными донорами: их эритроциты лишены антигенов и не склеиваются никакой сывороткой. Люди II и III групп могут давать кровь только своим «одногруппникам», а также реципиентам IV группы. Лица, имеющие кровь IV группы, могут быть донорами только в том случае, если реципиенты принадлежат к той же группе. Надо также иметь в виду, что все сказанное относится только к переливанию крови в сравнительно небольших дозах (примерно до 200 см³); если переливается большее количество крови, то у реципиента может произойти агглютинация его собственных эритроцитов плазмой донора. Понятно, что при больших количествах переливаемой крови донор и реципиент должны принадлежать к одной и той же группе.

Изучение наследования групп крови показало, что они зависят от различных сочетаний трех аллелей, возникших путем мутаций одного и того же гена. В генетике такие аллели, располагающиеся в одном локусе, получили название множественных. При наследовании групп крови аллели *A* и *B*, определяющие образование соответствующих антигенов, доминируют над аллелем *O* (ноль), при наличии которого в гомозиготном состоянии антигены не образуются. Понятно, что если оба родителя принадлежат к I группе (*O*), то все их дети будут относиться к той же самой группе. Читатель сам может определить, какие комбинации антигенов и антител могут появиться у детей при браках людей с различными группами крови.

Анализ географических вариаций распределения генов крови системы *ABO* показывает, что у большинства народов Азии, Африки и Европы встречаются все четыре группы и определяющие их три гена. Однако у европейских народов частота гена *A* обычно заметно выше, чем гена *B*. По мере движения на восток концентрация гена *B* постепенно увеличивается; она достигает максимума в Северо-Западной, Средней, Центральной, Южной и Восточной Азии. Не следует, однако, думать, что ген *B* свойствен преимущественно монголоидным расам, а ген *A* — европеоидным. Новейшие исследования показали, что у лопарей (саамов) Скандинавии и Кольского полуострова, а также у многих народов Северо-Восточной Сибири ген *B* встречается редко. В Африке географическое распределение групп крови очень пестро. На северо-западе (в Сахаре) и на востоке этого континента

Пути древнейшего расселения человечества

Карта составлена С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым. Большой круг — западный очаг расообразования, малый круг — восточный очаг расообразования

1 — негроиды; 2 — европеоиды; 3 — австралоиды; 4 — монголоиды; 5 — эпоха палеолита; 6 — эпоха мезолита и раннего неолита; 7 — эпоха позднего неолита и металла

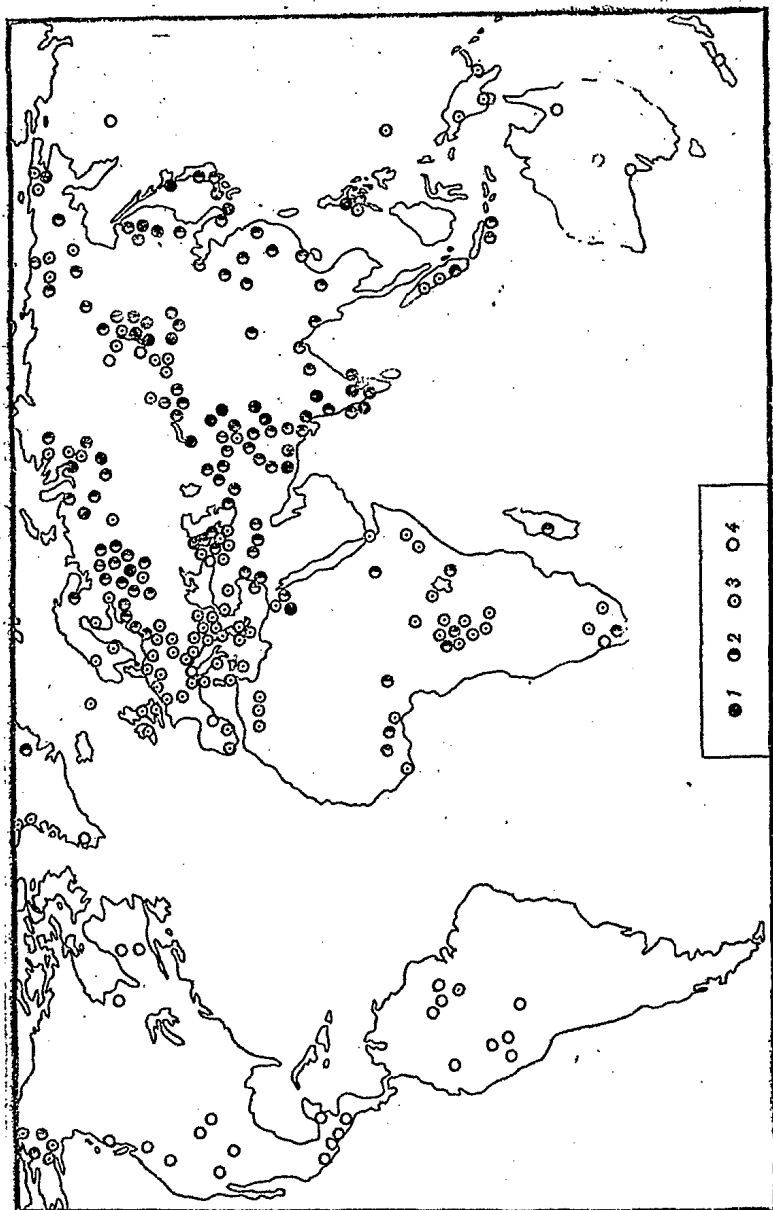
имеются районы пониженной концентрации гена *B*, а рядом с ними — области его высокой частоты.

Очень интересны данные о группах крови коренного населения Америки и Австралии. У американских индейцев абсолютно преобладает I (O) группа крови; появление у индейцев других групп обычно указывает на метисацию с европеоидами или негроидами. По-видимому, Америка была первоначально заселена из Северо-Восточной Азии человеческими коллективами с высокой концентрацией I (O) группы крови. Интересно, что у многих популяций эскимосов и антропологически близких к ним чукчей крайнего северо-востока Сибири I группа крови также преобладает. У австралийцев отмечена значительная частота II (A) группы. Возможно, что Австралия была заселена из Юго-Восточной Азии древними племенами с высокой концентрацией гена *A*.

Группы крови системы *ABO* не являются единственными особенностями крови, имеющими наследственный характер и в то же время обнаруживающими ясные географические вариации. В последние годы выявлены десятки генетических систем крови.

Даже группа *A* системы *ABO* оказалась распадающейся на несколько подгрупп. Большой интерес для этнической антропологии представляет система *MNSs*, определяемая двумя парами аллелей (*MN* и *Ss*), расположенными, по-видимому, в одной хромосоме. Выяснилось, например, что концентрация гена *M* почти у всех народов Евразии, Африки и Австралии не превышает 60–65%, в то время как у американских индейцев она никогда не падает ниже этой цифры и часто оказывается больше 90%.

Столь же показательны географические вариации Диего-фактора, открытого в 1955 г. и названного по имени перуанского мальчика, в крови которого он был впервые обнаружен. Фактор этот наиболее часто (10–40%) встречается у южноамериканских индейцев и их метисов с европейцами и африканцами. У индейцев Северной Америки его концентрация гораздо ниже (5–10%). В небольшом количестве он зарегистрирован у корейцев, японцев, китайцев, бирманцев и некоторых других народов Восточной и Юго-Восточной Азии. В австралийских, южно- и западноазиатских, европейских и африканских популяциях Диего-фактор не обнаружен. Отсутствие его у коренного населения Океании служит одним из аргументов против гипотезы Тура Хейердала о заселении

Частота гена В системы групп крови АВО (по А. Е. Муранту)

1 — более 25%; 2 — 15—25%; 3 — 5—15%; 4 — менее 5%.

этой части ойкумены из Америки. Упомянем еще об антигене Даффи (Duffy), наибольшая концентрация которого (более 70%) характерна для коренного населения Америки, Австралии, Новой Гвинеи и многих стран Восточной Азии. Очень часто этот антиген встречается также у лопарей (саамов). В Европе и особенно в Африке его частота падает ниже 50%, иногда спускаясь до нуля. Таким образом, по этому фактору крови, как и по некоторым другим признакам, человечество довольно ясно распадается на две половины: восточную, австралоидно-монголоидную, и западную — негроидно-европеоидную.

Большой практический и научный интерес представляет открытие в крови человека особого резус-фактора, названного так по видовому имени одной из обезьян Южной Азии — макаки-резуса, у которой этот фактор был впервые обнаружен. Примерно у 80% всех людей резус-фактор положителен, а у остальных отрицателен. Так как положительный резус-фактор является доминантным, то при браке резус-положительного мужчины с резус-отрицательной женщиной плод может быть резус-положительным. При первой беременности резус-положительный антиген проникает через плаценту в кровоток матери и вызывает в ее крови образование особых антител на резус-антиген. При последующих беременностях эти антитела от матери в свою очередь могут попасть в кровоток резус-положительных эмбрионов и вызвать агглютинацию их эритроцитов. У ребенка при этом может развиться тяжелое заболевание крови — гемолитическая желтуха, почти всегда приводящая к гибели новорожденного. Только полная замена крови ребенка может предотвратить смертельный исход этой болезни, которая раньше наблюдалась приблизительно в одном случае на каждые 400 рождений. Последние исследования показали, что антигены и антитела резус-системы зависят от нескольких связанных пар аллелей (*Dd*, *Cc*, *Ee* и др.). Все эти аллели обнаруживают вполне определенные географические вариации. Большой интерес представляет изменчивость главного доминантного антигена *D* (резус-положительный фактор). В странах Тихоокеанского бассейна (Америка, Австралия, Океания, Восточная и Юго-Восточная Азия) концентрация этого гена, как правило, превышает 80%. В Южной и Юго-Западной Азии, а также в Африке (южнее Сахары) концентрация эта составляет 70—80%; в Европе и Северной Африке она еще ниже, падая у берегов Атлантики (Испания, Франция, Англия, Сканди-

навия) ниже 60%. Разделение человечества на восточную и западную группы популяций выражено по этому признаку очень ясно.

Остановимся еще на одной особенности крови, несущей уже патологический характер. Речь идет о так называемой серповидной анемии — тяжелой болезни, получившей название оттого, что эритроциты у людей, страдающих ею, имеют форму серпа или полумесяца. Заболевание это является следствием рецессивной мутации. Если аллель серповидной анемии бывает гомозиготным, то болезнь проявляется в острой форме и обычно заканчивается смертью. Люди, имеющие тот же аллель в гетерозиготной форме, обнаруживают только частичную серповидность эритроцитов. Интересно, что люди эти имеют повышенную устойчивость к малярии, так как характерный для них гемоглобин S труднее разрушается малярийными плазмодиями (простейшими одноклеточными организмами, вызывающими эту болезнь), чем нормальный гемоглобин А. Именно это своеобразное явление привело к сравнительно высокой концентрации гена S (15—35%) в пораженных злокачественной малярией районах Центральной и Восточной Африки (включая Мадагаскар), Италии, Греции, частично Турции, Аравии и Ирана.

Аналогичную роль играют и другие гены аномальных гемоглобинов — *C* в Западной части Центральной Африки (Либерия, Гана), *D* — на северо-западе Индии, *E* — в Юго-Восточной Азии. В результате отбора распространился, по-видимому, по всему малярийному поясу от Испании на западе до Индонезии на востоке ген тяжелой «средиземноморской анемии», или талассемии, обладающий защитным действием в гетерозиготном состоянии. Недавно было установлено, что около 7% американских негров способны безошибочно предчувствовать изменение погоды; это связано с наличием у них аномального гемоглобина с резко пониженной растворимостью; при повышении влажности воздуха эритроциты этих людей деформируются, кровообращение затрудняется и возникают боли, как барометр, предсказывающие приближение дождей. Всего в настоящее время известно несколько десятков аномальных гемоглобинов. Ареальными признаками, представляющими большой интерес для этнической антропологии, являются также различные белки сыворотки крови (гаптоглобины, трансферрины, иммуноглобулины и др.), генетическая структура которых в настоящее время усиленно изучается. Серологи-

ческие исследования (лат. *serum* — сыворотка крови) приобретают все большее и большее значение в антропологической науке.

О ЗУБНЫХ БУТОРКАХ, ПАЛЬЦЕВЫХ УЗОРАХ, ЦВЕТОВОЙ СЛЕПОТЕ И ПРОБЕ ВКУСА НА ФЕНИЛТИОКАРБАМИД

В последнее время антропологи обратили внимание на морфологические и физиологические признаки разных тканей и органов человека, которые также обнаруживают значительные географические вариации. Больших успехов достигла, в частности, этническая одонтология (греч. «одонтос» — зуб), исследующая строение зубной системы и ее изменчивость во времени и пространстве. Изучение зубов современных и древних людей и их сравнение с зубами обезьян и других животных сыграло большую роль в раскрытии сложного процесса происхождения человека. Нас, однако, в этой книге будут интересовать не столько характерные для всех людей особенности строения зубов, которые свидетельствуют о видовом единстве современного человечества, сколько детальные одонтологические черты, свойственные только отдельным группам популяций. Именно эти обычно второстепенные и безразличные с общезволюционной точки зрения признаки представляют особый интерес для этнической антропологии, часто помогая разобраться в сложных вопросах расы и этногенеза.

Новейшие исследования, в частности работы советского антрополога А. А. Зубова, показали, что для монголоидных популяций Северной, Центральной и Восточной Азии характерны многие особенности зубов, очень редкие среди европеоидов и негроидов Африки.

К числу таких особенностей относятся: лопатообразные резцы, имеющие форму совковой лопаты (их внутренняя поверхность окаймлена небольшими бортиками); так называемый дистальный гребень тригониды — эмалевый мостик между передними бугорками нижних коренных зубов (моляров); своеобразный межкорневой затек эмали и др. Лопатообразные резцы встречаются, например, у монголоидов в 60—100%, в то время как среди европеоидов и африканских негроидов их доля падает ниже 15%. Интересно, что папуасы, австралийцы, андаманцы, веддойцы Восточной Индии (мунда, ораоны и др.) по частоте лопатообразных резцов (30—60%), как и

по другим перечисленным признакам, напоминают монголоидов. В то же время другие особенности зубов, как, например, «бугорок Карабелли» (дополнительный бугорок на верхних молярах), очень характерный для европеоидных популяций Средиземноморья, Западной и Южной Азии (40—70%), встречается у монголоидов и австралоидов гораздо реже. Мы можем, таким образом, говорить о двух основных одонтологических подразделениях человечества — западном (негроидно-европеоидном) и восточном (австралоидно-монголоидном).

В настоящее время большое внимание уделяется дерматоглифике (греч. «дерма» — кожа, «глифе» — гравировать) — изучению кожных узоров на ладонных и подошвенных поверхностях у различных народов мира. Кожные узоры характеризуются высокой индивидуальной изменчивостью, наследственной обусловленностью и неизменяемостью с возрастом, что создает определенное удобство для их исследования в этнической антропологии. На концевых подушечках пальцев различают три основных типа кожных узоров — дуги, петли и завитки (круговые узоры). Для суммарной характеристики пальцевых узоров в различных популяциях вычисляют так называемый «дельтовый индекс», т. е. среднее количество дельт на одного обследованного человека в каждой группе*. Гладкова Т. Д. определила, что у европеоидов, африканских негроидов и монголоидов дельтовый индекс варьирует соответственно в пределах 10, 77—14, 65; 11, 43—13, 54 и 13, 45—15, 90.

Это распределение индекса показывает большую частоту завитков (двухдельтовый узор) у восточных популяций по сравнению с западными. На ладонях восточных народов чаще, чем у европеоидов, встречается осевой трирадиус, расположенный между тенаром** и гипотенаром***, а также выше частота узора на IV межпальцевой подушечке и ниже на гипотенаре.

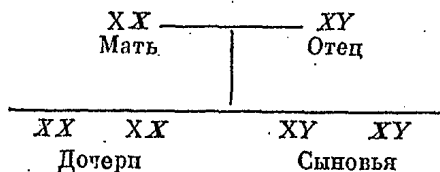
К числу признаков с хорошо изученной наследственностью, обнаруживающих определенные географические вариации, относится также цветовая слепота — аномалия строения сетчатки глаза, при которой отсутствует или очень понижена способность различать цвета (чаще всего красный и зеленый). Аномалия эта определяется ре-

* Дельта (трирадиус) — это точка или место, где сходятся три различно направленных потока кожных гребешков.

** Тенар — подушечка на ладони у основания большого пальца.

*** Гипотенар — подушечка на противоположном крае ладони.

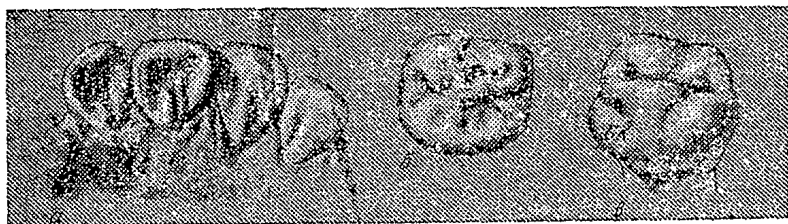
рецессивным аллелем гена нормального цветового зрения, локализованным в женской X-хромосоме. Ход наследования цветовой слепоты в потомстве от брака гетерозиготной внешне нормальной женщины с нормальным мужчиной можно изобразить в виде следующей схемы:

X — женская половая хромосома с аллелем нормального цветового зрения; \bar{X} — женская половая хромосома с аллелем цветовой слепоты; Y — мужская половая хромосома.

Очевидно, что все дочери от рассматриваемого брака будут обладать нормальным зрением, но среди них могут оказаться гетерозиготы, несущие рецессивный аллель цветовой слепоты и могущие передать его своим детям. Среди сыновей от того же брака наряду с нормальными детьми могут быть цветнослепые мальчики. Ясно, таким образом, что цветовая слепота передается исключительно по женской линии, но проявляется чаще всего у мужчин. Цветнослепые женщины могут родиться только от брака цветнослепого отца и гетерозиготной матери, несущей в одной из X-хромосом рецессивный аллель этой аномалии. Определение цветовой слепоты имеет практическое значение: ясно, что люди, которые не отличают красный цвет от зеленого, не могут быть машинистами, вагоновожатыми, шоферами, летчиками.

Наибольшая частота цветнослепых мужчин (7—9%) отмечена у некоторых европейских народов — латышей, норвежцев, немцев, евреев, украинцев, русских. У восточноевропейских популяций, в составе которых вероятна монголоидная примесь (финны, эстонцы, чуваш, коми), а также у китайцев доля цветнослепых несколько ниже (2—7%). Минимальная доля мужчин с этой аномалией обнаружена среди негров США (4%) и особенно среди индейцев, эскимосов и меланезийцев (1%). Возможно, таким образом, что концентрация этой аномалии в восточных популяциях современного человечества ниже, чем в западных. Различают два вида цветовой слепоты, зависящие, по-видимому, от разных генов: протанопию (слепоту на красный цвет) и дейтеранопию (слепоту на

Расовые признаки зубной системы:

a — лопатообразные резцы; *б* — дистальный гребень тригопида; *в* — второй верхний коренной зуб; *бк* — бугорок Карабелли

Три основных типа пальцевых узоров:

1 — завиток; 2 — петля; 3 — дуга

зеленый цвет). В Европе преобладает дейтеранопия, но по мере движения на восток доля протанопов постепенно увеличивается; у русских, например, они встречаются чаще, чем у англичан, норвежцев или немцев, но реже, чем у народов Поволжья, Приуралья и Средней Азии. Один из авторов этой книги наблюдал постепенное нарастание частоты «краснослепых» среди коми по мере перехода от их северо-западных групп (0,0%) к юго-восточным (почти 2%). Интересно, что географическая изменчивость цветовой слепоты в этом случае аналогична вариациям групп крови.

Заслуживает упоминания еще один оригинальный наследственный признак, по которому наблюдаются значительные различия между разными территориальными популяциями. Речь идет о пробе вкуса на особое химическое соединение — фенилтиокарбамид, который одним людям кажется безвкусным, а другим горьким. Причина этих различий не вполне ясна; возможно, они зависят от состава слюны, а возможно, от особенностей строения вкусовых сосочков языка. Очень вероятно, что рассматриваемая особенность определяется одной парой аллелей

с неполным доминированием. Гомозиготная доминантная комбинация TT вызывает при пробе фенилтиокарбамида резкую горечь. При гетерозиготном сочетании Tt ощущается ослабленная горечь, а при гомозиготном рецессивном tt порошок представляется безвкусным. Максимальная концентрация гена T (более 80%) характерна для американских индейцев, полинезийцев, индонезийцев, многих групп населения Индокитая, Кореи и Японии (включая айнов), а также для лопарей и африканцев. Меньше частота этого гена (60—79,9%) в Индии, Передней Азии, на Кавказе и в большинстве европейских популяций. Минимальные концентрации гена T обнаружены у австралийских аборигенов, папуасов Новой Гвинеи, а также у валлийцев Англии.

Можно было бы, конечно, значительно увеличить перечень ареальных морфологических и физиологических признаков, которые в настоящее время изучаются антропологами и используются для решения сложных вопросов происхождения рас, их расселения на Земле, взаимодействия и изменения во времени. Нет сомнения, что в будущем число подобных признаков будет непрерывно увеличиваться и ученые получают новые доказательства как расового полиморфизма (многообразия) современного человечества, так и его видового единства. Однако приведенные фактические материалы ясно показывают, что серологические, одонтологические, дерматологические и другие ареальные признаки так же малосущественны для общей биологической эволюции и исторического развития человечества, как описанные раньше расовые особенности волосяного покрова и пропорций тела, головы и лица. Очень важно подчеркнуть, что по всем основным анатомическим и физиологическим особенностям, характерным для современных людей, принадлежащих к виду *Homo sapiens*, сходство между всеми расами огромно, а различия невелики и малосущественны. Это полностью относится к строению кисти руки с противопоставляющимся большим пальцем, мозга с его сложными бороздами и извилинами, позвоночника, изогнутого в виде латинской буквы S, широкого таза, выпрямленной бедренной кости, опорной стопы, обеспечивающей прямохождение, гортани, языка, подбородка и мышц ротовой области, развитие которых связано с членораздельной речью.

КАК, КОГДА И ГДЕ ВОЗНИКЛИ РАСЫ ЧЕЛОВЕКА

Мы уже упоминали, что некоторые расовые признаки, в особенности те, по которым разграничиваются основные расы, имеют или по крайней мере имели в прошлом адаптивный (приспособительный) характер. Очень вероятно, что на ранних этапах своего исторического развития люди современного вида еще приспособлялись, подобно всем остальным живым организмам, к естественно-географическим условиям своего существования телесно, т. е. постепенно вырабатывали морфологические и физиологические особенности, в той или иной степени полезные в конкретных природных условиях жизни различных популяций.

Каким образом происходила эта адаптация, каков был механизм выработки приспособительных признаков, полезных в той или иной природной обстановке? Ведь в свете данных современной генетики мы хорошо знаем, что признаки, приобретаемые живыми существами в течение их индивидуальной жизни, как правило, не передаются по наследству потомству, и, следовательно, морфофизиологическое приспособление любой популяции к окружающей ее естественногеографической среде само по себе не может закрепиться в ряду последующих поколений. Это не значит, однако, что наследственные свойства живых существ независимы от окружающей среды. Напротив, внешние факторы — физические, химические и биологические, особенно вызывающие резкие и внезапные изменения условий жизни, оказывают сильнейшее воздействие на все клетки организма (в том числе и на половые клетки), вызывая в них мутации.

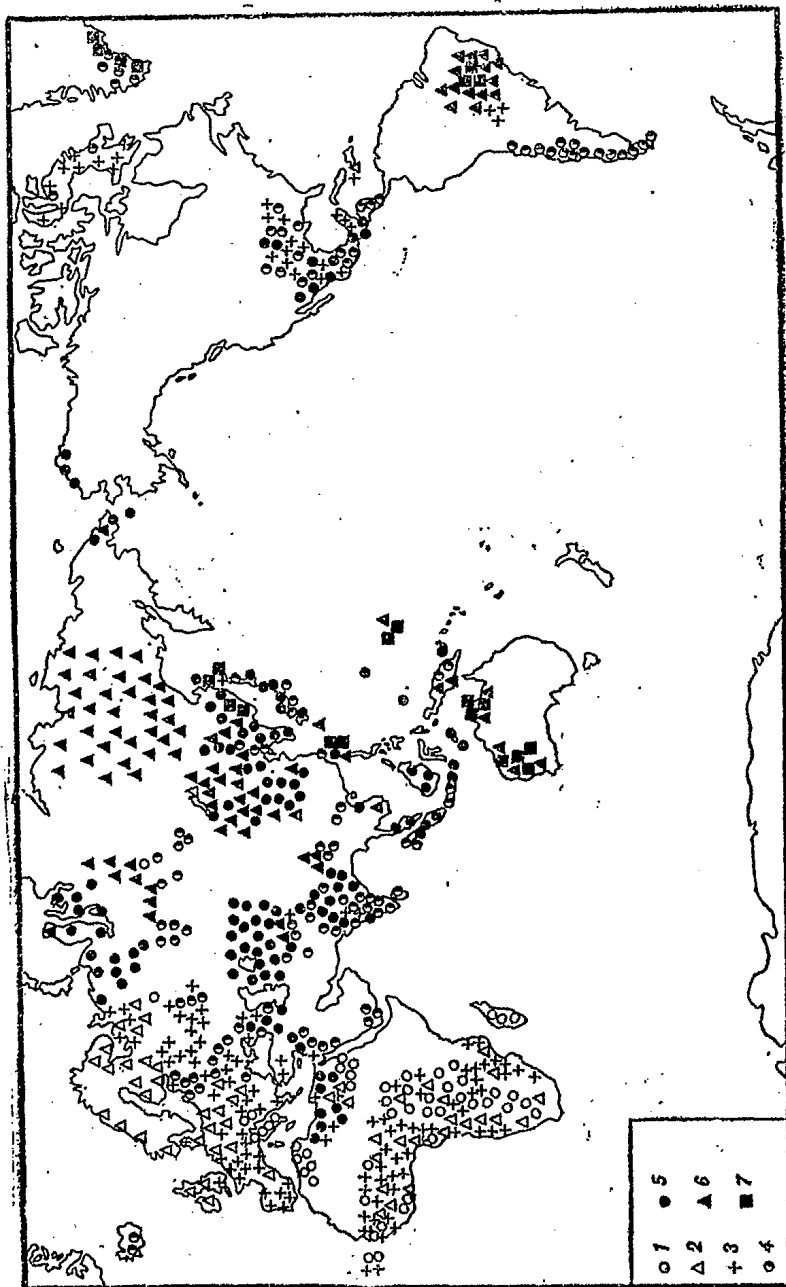
В сущности говоря, такие мутации происходят в клетках любого живого существа, не исключая и человека, на протяжении всей его индивидуальной жизни. Если же иметь в виду не онтогенез (развитие каждой отдельной особи), а филогенез (историю вида), то она представится нам как непрерывная цепь мутаций. Многие мутации вредны, и, следовательно, их носители в естественных природных условиях имеют мало шансов на выживание и тем более на размножение. Но время от времени возникают мутации, безразличные или даже полезные организму в данных условиях. Если же условия жизни какой-либо популяции резко изменяются, например вследствие переселения в другую климатическую зону, то ко-

личество мутантов, имеющих повышенные шансы, на выживание, естественно, возрастает.

Выживаемость различных мутантов у растений и животных регулируется естественным отбором. Как показал Чарлз Дарвин, организмы, наиболее приспособленные к жизни в окружающей их природной среде, имеют наибольшие шансы не только выжить, но и оставить здоровое и плодovitое потомство, через которое их полезные адаптивные признаки закрепятся в последующих поколениях и с течением времени станут все более и более частыми, а затем и господствующими в популяции. Весьма вероятно, что у наших предков, уже принадлежавших к людям современного вида, естественный отбор еще сохранял известное значение вплоть до поздней поры древнего каменного века, или палеолита (примерно 40—16 тыс. лет до н. э.). Именно в эпоху позднего палеолита, когда наши предки интенсивно расселялись по континентам, осваивая новые обширные пространства на севере Евразии, в Америке и Австралии, формировались в процессе отбора полезных мутантов многие расовые особенности, характерные для экваториальных, европеоидных и монголоидных рас.

Можно предполагать, что характерные расовые особенности древних негроидных и австралоидных популяций складывались в Африке и Южной Азии в условиях жаркого и влажного климата и усиленной инсоляции (солнечного освещения). Многие признаки экваториальных рас могли иметь в этих условиях адаптивное значение. Интенсивно пигментированная кожа с большим количеством меланина хорошо предохраняла от слишком сильного химического действия солнечных, в особенности ультрафиолетовых, лучей. Черные волосы и карие глаза, генетически и физиологически связанные с темной кожей, имели, вероятно, аналогичное значение. По мнению некоторых антропологов, защитой от солнечных лучей могли служить также сильно курчавые волосы, образующие на голове как бы естественную труднопроницаемую шапку. Негроиды и австралоиды даже в наши дни могут без вреда для здоровья работать почти без одежды и головных уборов под прямыми палящими лучами тропического солнца.

Вполне возможно, что адаптивное значение могли иметь также некоторые особенности строения носа, характерные для экваториальных рас. К числу таких особенностей относятся поперечно расположенные, широко

открытые для свободной циркуляции воздуха носовые отверстия и связанная с ними абсолютно большая ширина носа, нередко равная его высоте. Эти особенности обеспечивали доступ нагретого воздуха тропиков к слизистой оболочке носовой области и способствовали усиленному испарению влаги, столь необходимому в жарком климате. Такую же роль играло, вероятно, и сильное развитие слизистой части губ у большинства негроидов и австралоидов. Все перечисленные признаки появились, вероятно, как случайные мутации в глубокой древности и в дальнейшем получили широкое распространение только в тех климатических условиях, где они оказались наиболее полезными.

Из расовых признаков, характерных для европеоидов, действию естественного отбора на ранних этапах истории человечества могла подвергаться депигментация кожи, волос и радужины глаз. Преимущественно рецессивные мутации генов, определяющих эти признаки, имели наибольшие шансы выживания и нормального размножения на севере Европы, где на протяжении ледникового периода и послеледниковое время преобладал прохладный или даже холодный, влажный климат со значительной облачностью и, следовательно, с пониженной инсоляцией. Светлокожие, светловолосые и светлоглазые северные европеоиды и в настоящее время гораздо хуже, чем представители других рас, переносят прямое действие солнечных лучей. Особенно сильно страдают от повышенной инсоляции крайне депигментированные рыжеволосые люди, в большинстве случаев светлогожие и светлоглазые. Эти люди почти не загорают, т. е. в их коже не образуется дополнительный пигмент меланин, предохраняющий от вредного действия солнца. Среди северных континентальных монголоидов Сибири также наблюдается некоторая тенденция к депигментации волос, глаз и особенно кожи. Так, например, тунгусские народы Сибири (эвенки, эвены и др.) гораздо более светлокожи по сравнению с монголами или тем более китайцами. У некоторых групп эвенков и эвенов отмечены смешанные и даже светлые глаза, а также русые и рыжеватые волосы.

Н. П. Неверова с соавторами отметила, что гипоксический синдром у коренного населения Арктики приводит

Географические вариации среднего дельтового индекса

1 — менее 11; 2 — 11—11,99; 3 — 12—12,99; 4 — 13—13,99; 5 — 14—14,99;
6 — 15—15,99; 7 — 16 и более

к цилиндрическому строению грудной клетки и низкой концентрации аскорбиновой кислоты в результате ее повышенного расхода при усилении окислительно-восстановительных процессов в холодном климате. У людей, впервые попавших в Арктику, происходит повышение тонуса дыхательной мускулатуры, увеличение скорости кровотока, повышения содержания гемоглобина и кислородной емкости крови. Х. Эрикссон, исследуя эскимосов мыса Баррей и американцев, живущих в тех же условиях, обнаружил более высокие показатели поглощения кислорода у эскимосов (324 млл/мин.), нежели у американцев европеоидного происхождения (299 млл/мин.). Т. И. Алексеева, анализируя географическое распределение холестерина в сыворотке крови, обнаружила общую тенденцию его повышения в северных районах ойкумены: у канадских эскимосов — от 139,2 до 176,4 мг%, у эскимосов Аляски — от 202,8 до 214,4 мг%, у эскимосов Чукотского п-ова и чукчей — от 184,4 до 202,1 мг%, у саамов Кольского полуострова — 202,2 мг%, у лесных ненцев — 131,4 мг%. Очень высокий уровень холестерина является отражением высокого содержания жиров в диете. У эскимосов отмечено отсутствие атеросклероза. В европеоидных популяциях при высоком содержании жира в диете и холестерина в крови высок и процент атеросклероза. У арктических популяций высокий уровень холестерина в крови служит для обеспечения более высоких энергетических процессов в организме. Группа физиологов под руководством А. П. Милованова (Институт морфологии человека АМН СССР) обнаружила и описала стабильную легочную гипертензию у жителей крайнего северо-востока СССР (Магаданская обл.) и Европейского Севера (Ненецкий автономный округ). Повышение артериального давления в легочном круге с 18,3 до 60,4 мм рт. ст. отмечается уже в первые 3—12 мес. после переезда на Север, сопровождается нарушением адаптации. Так, здоровые мужчины начинают жаловаться на одышку при физической нагрузке. В последующие 10 лет происходит снижение давления до 47,6 мм рт. ст. (Европейский Север). Снижение сопровождается улучшением дыхательной функции. У коренных жителей Ненецкого автономного округа — как русских, так и ненцев — также отмечается легочная гипертензия, достигающая 43,9 мм рт. ст. при отсутствии каких-либо жалоб. Особенно высокое давление (42,2 мм рт. ст.) обнаружено у ненцев-оленьеводов, выполняющих большой объем физической рабо-

ты. Это говорит об адаптивном значении легочной гипертензии. Причина возникновения гипертензии заключается в затрудненности выдоха, вызванной сочетанием холода и ветра. Первичной реакцией является спазм мелких бронхов, который способствует согреванию и увлажнению вдыхаемого воздуха, но в то же время ведет к снижению объема легочной вентиляции. Это вызывает спазм артериол, обуславливающий повышение легочного артериального давления. При длительном проживании на Севере гипертензия поддерживается за счет разрастания средней оболочки артериол. Механ Ц., исследуя терморегуляцию у эскимосов и индейцев Аляски по сравнению с неграми и белыми, обнаружил более высокую температуру пальцев в течение всего периода охлаждения. К. Андерсен определил, что у лопарей была более высокая температура ног и большая стабильность метаболизма в условиях охлаждения, чем у европейцев Норвегии. Таким образом у аборигенов Севера имеются адаптивно-генетические механизмы, которые обуславливают газообмен и терморегуляцию.

Если австралоидные расы формировались, вероятно, в тропиках Юго-Восточной Азии, негроидные — в той же климатической зоне Африки, а европеоидные — в умеренной климатической зоне Средиземноморья, Восточной Европы и Западной Азии, то область становления монголоидных рас надо скорее всего искать в полупустынях и степях Центральной Азии, где по крайней мере с конца ледникового периода господствовал резко континентальный сухой климат с большими суточными и сезонными колебаниями температуры, сильными ветрами, нередко переходящими в настоящие пыльные бури, во время которых переносились огромные массы сухого песка, лёсса, глины и даже мелких камней, раздражающие и слепящие глаза. Работы советского археолога С. А. Семенова и некоторых других ученых показали, что узкий разрез глазной щели монголоидов, обусловленных сильным развитием складки верхнего века и эпикантуса, служил защитой против вредного действия перечисленных природных агентов. В Центральной Азии и Восточной Сибири монголоиды и в наши дни лучше переносят резко континентальный климат и реже заболевают конъюнктивитом (воспаление слизистой оболочки глаз) по сравнению с европеоидными переселенцами.

Придавая определенное значение естественному отбору на ранних этапах расообразования у людей современ-

ного вида, мы в то же время должны помнить, что по мере развития производительных сил общества, технического прогресса и создания в процессе коллективного труда искусственной культурной среды наши предки все менее и менее нуждались в телесном приспособлении к окружающим естественнoгеографическим условиям жизни. На место морфо-физиологической адаптации самих людей постепенно становилось активное целенаправленное приспособление природной среды к непрерывно возрастающим хозяйственным и культурно-бытовым потребностям человеческого общества. Снижение роли естественного отбора началось еще в эпоху первобытно-общинного строя, вероятно, при переходе от палеолита к мезолиту (среднекаменному веку) за 16—12 тыс. лет до нашего времени.

Хорошей иллюстрацией к этим общим положениям является история формирования рас коренного населения Австралии и Америки, заселение которых людьми современного вида началось, как мы уже знаем, в конце палеолита и продолжалось, вероятно, в периоды мезолита и отчасти неолита (новокаменного века). Основные расовые особенности австралийцев сложились, надо думать, еще во время жизни их предков в Юго-Восточной Азии, откуда через Индонезию они проникли на Австралийский континент, сохранив или только незначительно изменив свои характерные признаки, которые возникли в условиях тропической зоны. Однако при освоении экваториальными популяциями пустыни Калахари на юге Африки выработалась своеобразная южноафриканская, или бушменская, раса, сочетающая основные признаки негроидов с некоторыми монголоидными чертами (желтоватый оттенок кожи, сильно развитая складка верхнего века, эпикантус, низкое переносье и др.). Возможно, что здесь в климатических условиях, близких к центральноазиатским, возникли самостоятельные «полезные» мутации, подхваченные естественным отбором*.

Америка, как мы видели, заселялась примерно в то же время, что и Австралия, преимущественно древними монголоидами из Северо-Восточной Азии, у которых еще не сформировались многие характерные особенности этих

* Так как у бушменов отмечен ряд монголоидных признаков, как адаптивных, так и нейтральных, вполне возможно, что гены, определяющие эти признаки, по крайней мере частично, локализованы в одной хромосоме и наследуются целым комплексом.

рас (узкий разрез глаз, эпикантус, низкое переносье и т. п.). При освоении людьми различных климатических поясов Америки адаптация, по-видимому, не играла уже существенной роли, так как здесь не образовалось таких резких расовых различий, как в Евразии и Африке. Все же заслуживает внимания тот факт, что у некоторых групп индейцев Калифорнии и тропической зоны Южной Америки (особенно у сириано Бразилии и Боливии), а также у огнеземельцев часто встречается сочетание таких «экваториальных» признаков, как темная кожа, узко-волнистые или даже курчавые волосы, широкий нос, утолщенные губы и др. Вполне возможно, что и здесь в свое время имела место повышенная концентрация мутантов, аналогичных экваториальным адаптивным мутантам Африки и Южной Азии.

Действием естественного отбора на образование в позднем палеолите древних экваториальных, европеоидных и монголоидных рас далеко не исчерпываются сложные процессы расогенеза. Выше, при обзоре различных серологических, одонтологических, дерматоглифических и других ареальных признаков, мы видели, что по некоторым из них человечество может быть подразделено на две большие группы популяций — западную и восточную. К первой принадлежат африканские негроиды и европеоиды, ко второй — монголоиды (включая американских индейцев). Австралоиды Юго-Восточной Азии и Океании занимают переходное положение между этими группами; по большинству адаптивных расовых признаков пигментации, формы волос, строения носа, губ и т. п. они обнаруживают сходство с африканскими негроидами, что дает право некоторым антропологам объединять тех и других в одну экваториальную, или негро-австралоидную, большую расу. Однако по многим особенностям зубов, крови, пальцевых узоров и другим нейтральным (неадаптивным) признакам австралоиды обнаруживают отличия от негроидов и сближаются с монголоидами. По мере накопления новых данных о географическом распределении таких признаков становится все более и более обоснованной гипотеза о первоначальном разделении человечества на две половины — западную и восточную. Первую группу популяций можно назвать также евро-африканской, или средиземно-атлантической, а вторую — азиатско-океанийской, или тихоокеанской.

Таким образом родство австралоидов с негроидами оказывается не большим, чем с основными группами рас,

а обозначение «экваториальные расы» получает не генетический, а только описательно-географический характер. В то же время принадлежность всех рас современных и ископаемых людей, начиная с периода позднего палеолита к одному виду *Homo sapiens*, как мы видели, несомненно. Процесс сапиентации, т. е. формирование людей современного вида, должен был предшествовать расообразованию, что не исключает вовлечения в этот процесс потомков древних досапиентных человеческих популяций. Гипотеза о существовании нескольких очагов сапиентации (полицентрзм), защищаемая некоторыми зарубежными и советскими антропологами (например, Ф. Вейденрейхом, К. С. Куном, В. П. Алексеевым и др.) в свете новейших палеоантропологических материалов вызывает сомнение. Н. Н. Чебоксаров пишет в книге «Этническая антропология Китая», что «не только Китай, но и Восточная Азия в целом не могла быть «прародиной» семейства людей (гоминид), так как в этом регионе отсутствуют костные остатки человекообразных обезьян (антропoidов), которые могли бы быть их предками. Новейшие археологические и палеоантропологические материалы позволяют предполагать, что предки древнейших людей (архантропов), представленных синантропами из Ланьтяня, Чжоукоудяня и Юаньмоу, а также питекантропами Индонезии, пришли в эти страны в начале плейстоцена с запада, скорее всего из Восточной Африки, где многие советские и зарубежные ученые ищут вслед за Ч. Дарвином прародину гоминид... Вид *Homo sapiens*, сложившийся под воздействием естественного отбора как адаптивная система, как и все другие виды растений и животных, уникален; он возник в одном очаге и в одну эпоху, на базе единой, хотя и широко расселенной макропопуляции с общим генофондом и сложной внутренней структурой... Первоначальные ареальные различия между западными и восточными популяциями *Homo sapiens* начали складываться, вероятно, только на заре позднего палеолита и касались главным образом нейтральных одонтологических, дерматоглифических, серологических и других признаков дискретного характера. В образовании этих различий большую роль играли генетико-автоматические процессы, которые стимулировались временной, но достаточно длительной изоляцией отдельных первоначально небольших групп неантропов, продвигавшихся в позднем палеолите и мезолите из западных районов ойкумены в восточные. Сложившиеся позднее (не ранее

конца позднего палеолита) австралоидные и монголоидные расы унаследовали многие из указанных ареальных различий от своих предков и в свою очередь передали их своим потомкам, у которых они сохранились, по крайней мере частично, до наших дней». В. П. Алексеев считает, что «появление современного человека произошло в двух местах. Первое из них — Передняя Азия, возможно, с прилегающими районами; второе — междуречье Хуан-хэ и Янцзы с прилегающими районами. В Передней Азии сформировались предки европеоидов и негроидов, в Китае — предки монголоидов». Однако гипотеза о формировании *Homo sapiens* в двух самостоятельных очагах на основе разных подвидов архантропов и палеоантропов находится в противоречии с установленными еще Ч. Дарвином общими закономерностями эволюции органического мира под воздействием естественного отбора и не согласуется с неопровержимыми данными о видовом единстве всех древних современных человеческих популяций. Многие зарубежные и большинство советских ученых (Я. Номешкери, Т. Липтак, П. Боев, П. Влахович, Я. Я. Рогинский, В. И. Вернадский, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, В. П. Якимов, М. И. Урысон, А. А. Зубов, Ю. Г. Рычков, В. М. Харитонов и др.) стоят на позициях моноцентризма — единого очага формирования людей современного вида. Сапиентация, начавшаяся, вероятно, на рубеже среднего и позднего палеолита в Восточном Средиземноморье, захватывала районы Юго-Западной и Южной Азии и далее все новые и новые территории по мере расселения быстро размножающихся подвижных сапиентирующихся популяций и смешения с разными группами древних людей (неандертальцев), которые вследствие этого процесса насыщались сапиентными генами и вовлекались в общий ход формирования людей современного вида и их распространения от восточных берегов Средиземного моря на северо-запад в Европу, на юг в Африку и на восток в глубины Азиатского материка вплоть до берегов Тихого океана. Можно предположить, что большинство популяций неандертальцев, включая и их специализированные формы, было в той или иной степени вовлечено в процесс сапиентации. Только некоторые маргинальные (окраинные) группы неандертальцев (например, родезийцы в Африке или нгандонгцы на Яве) могли вымереть и не принимать участия в этом процессе. В процессе этого расселения уже в позднем палеолите под действием временной, достаточно длительной изоляции возникло

разделение единого по происхождению человечества на западные и восточные половины, а несколько позднее началось формирование четырех основных групп человеческих рас: австралоидных, негроидных, европеоидных и монголоидных.

ОБ ИЗОЛЯЦИИ, ДРЕЙФЕ ГЕНОВ, МИГРАЦИЯХ И СМЕШЕНИИ РАС

Итак, первобытное человечество, расселяясь с запада на восток и осваивая в глубинах Азии новые земли, еще в древнекаменном веке распалось, по-видимому, на две группы популяций, которые отличались друг от друга главным образом по нейтральным признакам, не имевшим приспособительного характера. Очевидно, что естественный отбор благоприятных мутантов не мог играть в этом процессе сколько-нибудь значительную роль. Надо искать другие причины древнейшей расовой дифференциации наших предков. Несомненно, что большую роль в расогенезе на всем протяжении истории человечества играла изоляция отдельных, особенно небольших популяций. Нам уже приходилось упоминать о том, что в таких популяциях (демах), где на протяжении многих поколений браки заключаются преимущественно внутри своей группы, с течением времени могут происходить заметные изменения расовых особенностей, которые в конце концов приводят к тому, что первоначально сходные популяции оказываются очень различными*. Возникновение таких различий, не носящих, как правило, адаптивного характера, является результатом постепенных сдвигов в частоте появления отдельных признаков, приводящих в конечном счете к тому, что одни особенности могут совершенно исчезнуть, а другие, напротив, получить очень широкое распространение. Процессы эти, названные Н. П. Дубининым и Д. Д. Ромашовым «генетико-автоматическими», в современной научной литературе известны также под именем «генетического дрейфа» (англ. drift — снос, дрейф).

Сущность генетического дрейфа состоит в том, что в изолированных популяциях, где почти все браки эндогам-

* Отрасль генетической науки, изучающая ход наследования отдельных признаков и их сочетаний в целых популяциях, получила название популяционной генетики. В ее разработке большая роль принадлежит советским ученым, особенно Н. И. Вавилову, С. С. Четверикову и Н. П. Дубинину.

ны, значительно повышаются шансы встречи в аллельных парах рецессивных генов, непрерывно снижается уровень гетерозиготности и вследствие этого повышается концентрация рецессивов в гомозиготном состоянии. Существуют точные математические приемы вычисления скорости протекания генетико-автоматических процессов. В небольших демах или тем более в изолятах заметные сдвиги в распределении отдельных признаков происходят на протяжении жизни примерно 50 поколений. Если считать для человека промежутки между поколениями равными 25 годам, то необходимо около 1250 лет для того, чтобы в результате генетического дрейфа произошли существенные изменения в частоте расовых признаков и их сочетаний, а следовательно, и в общем расовом облике изолированных групп населения. Несомненно, что длительная географическая изоляция и стимулируемые ею генетико-автоматические процессы играли существенную роль в формировании многих рас и более мелких групп расовых типов, в особенности локализованных на окраинах первобытной ойкумены, на островах, в труднодоступных горных районах, в пустынных и приполярных странах с редким населением. Для понимания этих процессов огромное значение имеют работы Н. И. Вавилова, доказавшего, что рецессивные мутации постепенно оттесняются на окраины видовых и расовых ареалов. Еще в 1927 г. Н. И. Вавилов писал академику В. М. Вернадскому из Северной Африки: «Понял правильности в географическом распределении форм в пределах видов: убывание доминантов к периферии от центров. Это объясняет многое, даже для человека».

Генетико-автоматическими процессами легче всего объяснить возникновение одонтологических, серологических, дерматоглифических и других нейтральных различий между западной и восточной половинами человечества. Та популяция, которая первоначально оторвалась от древнейшего западного очага расообразования и двинулась на восток, была крайне немногочисленной, состоявшей, вероятно, из нескольких десятков или максимум сотен человек. В этой популяции случайно оказалась сравнительно высокой концентрация некоторых генов. Позднее, в условиях длительной изоляции малых деменов отличия восточных групп людей от западных должны были вследствие дрейфа генов значительно усилиться. Важно подчеркнуть, что генетико-автоматические процессы должны были с наибольшей силой сказаться на распределении призна-

ков, зависящих от одной или немногих пар аллелей. Именно к таким признакам относятся, как мы знаем, группы крови, ареальные особенности зубной системы, некоторые кожные узоры, цветовая слепота. Другие классические расовые признаки волосяного покрова, пигментации; длины и пропорций тела, головы и лица, большей частью полигенные, т. е. определяемые многими парами генов, были подвержены влиянию дрейфа в гораздо меньшей степени.

Мы не знаем точно, по каким путям шло расселение первобытных людей с запада на восток. Археологические материалы позволяют предполагать, что из западной Евразии в восточную вели две широкие дороги: одна через Среднюю Азию на территорию современной Монголии, Северного Китая и Советского Дальнего Востока, а другая — через Иран и Северную Индию в Индокитай и дальше на острова Индонезии, которые на протяжении почти всего палеолита были соединены с континентом мостами суши. Во всяком случае в конце древнекаменного века как в западных, так и в восточных популяциях первобытного человечества началась дальнейшая расовая дифференциация, проходившая, как мы уже знаем, под влиянием естественного отбора мутантов, наиболее приспособленных к той или иной природной среде. В Африке, к югу от Сахары, дифференцировались темнокожие негроидные расы, а на востоке Азии, южнее Гималаев и гор Центрального Китая, складывались также интенсивно пигментированные австралоидные расы, заселившие еще в период позднего палеолита Австралию, а затем распространившиеся по островам Тихого океана вплоть до Курил и Гаваев, острова Пасхи, Новой Зеландии и Тасмании. Таким образом, западные (негроидные) и восточные (австралоидные) экваториальные расы сформировались, вероятно, независимо друг от друга на разных территориях, но в весьма сходных естествогеографических условиях.

К периодам позднего палеолита и мезолита относится также постепенное продвижение наших предков на север, тесно связанное с окончанием ледникового периода и улучшением климата. На западе в это время люди заселили всю Европу, на востоке освоили Сибирь и через перешеек, существовавший тогда на месте Берингова пролива, проникли, как уже говорилось, в Америку, заселение которой от Аляски и Гренландии до Огненной земли растянулось на несколько тысячелетий и происходило,

по всей вероятности, несколькими волнами. Наличие у некоторых групп индейцев, а также эскимосов австралоидных особенностей (далеко не всегда адаптивных) позволило А. А. Зубову высказать интересную мысль о том, что первые насельники Америки принадлежали к древним тихоокеанским популяциям, генетически переходным между австралоидами и монголоидами. Продвигавшиеся на север популяции западной половины человечества стали предками европеоидов, а аналогичные группы восточной половины — предками монголоидов. У тех и других в условиях прохладного климата с коротким летом и длинной зимой развились некоторые сходные адаптивные особенности — узкий нос, тонкие губы, тенденция к депигментации кожи и в меньшей степени глаз и волос. Таким образом, имел место известный параллелизм в формировании расовых признаков европеоидов и монголоидов, в особенности их северных групп, которые следовало бы назвать бореальными (греч. «борей» — северный ветер). Между зоной распространения экваториальных и бореальных рас образовался широкий пояс разнообразных переходных типов, которые на западе связывали негроидов через меланохроев с ксантохроями, а на востоке — австралоидов через тихоокеанских монголоидов с монголоидами континентальными.

Все только что перечисленные факторы расообразования — отбор полезных мутантов, дрейф генов в небольших изолированных популяциях и миграции (переселения) — продолжали играть существенную роль в процессах расогенеза на протяжении всей дальнейшей истории человечества, хотя характер их действия все больше и больше зависел от социально-экономического и культурного развития разных народов. Новейшие исследования зарубежных и советских ученых (Ф. Фогель, А. А. Воронов и др.) показали, что многие ареальные признаки, считавшиеся раньше совершенно нейтральными, например некоторые группы крови, оказались в известной мере адаптивными. Так, высокая концентрация гена *B* (20—30%) в странах Центральной, Восточной и Южной Азии, где наиболее распространена оспа (в частности, в Китае и Индии), объясняется, по крайней мере частично, тем, что в крови людей III (*B*) и I (*O*) групп присутствуют антитела, которые оказывают неблагоприятное действие на вирус оспы, в силу чего люди эти реже заболевают оспой и легче ее переносят. Возможно, что те же группы крови (особенно *O*) обладают частичным естественным

иммунитетом и против чумы, которая также еще недавно была широко распространена во многих азиатских странах. Есть данные о связи групп крови и с другими болезнями: так, например, оказалось, что частота заболеваемости раком желудка у людей группы *A* примерно в 1,25 раза выше, чем у людей группы *O*. Язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, напротив, встречается чаще у людей группы *O*.

Нет сомнения, что генетико-автоматические процессы, стимулируемые изоляцией, также играли значительную роль не только в разделении древнейших людей на восточную и западную половины, но и в выработке своеобразных расовых особенностей таких групп, как тасманийцы (по общему физическому облику близкие к австралийцам, но отличающиеся от них более курчавыми волосами), огнеземельцы и патагонцы Южной Америки, бушмены, готтентоты, а отчасти и пигмеи Африки, тибетцы высокогорных плато Центральной Азии, айны, полинезийцы различных островов Океании, алеуты и эскимосы Полярной Америки и Северо-Восточной Азии. Генетический дрейф, вызвавший повышенную концентрацию рецессивных мутаций депигментации кожи, волос и радужины глаз, на окраине ойкумены наряду с отрицательным отбором играл значительную роль в формировании различных расовых типов светлых европеоидов (блондинов) Северной Европы. Аналогичные процессы концентрации рецессивных генов светлой окраски наблюдаются в некоторых изолированных популяциях, живущих в таких естественногеографических условиях, которые исключают влияние естественного отбора на депигментацию. Так, например, на основании личных наблюдений во время экспедиции 1924 г. в Афганистан Н. И. Вавилов отметил довольно высокий процент людей с серыми и голубыми глазами среди нуристанцев (кафиров) — небольшого ираноязычного народа, живущего в труднодоступном горном районе на высоте 3—4 тыс. метров над уровнем моря. Особенно большой была роль дрейфа генов и вызванных им направленных изменений концентрации различных признаков с простой генетической структурой. Так, например, генный дрейф вызвал, вероятно, резкое падение частоты группы *B* у народов северо-востока Сибири и почти полное ее исчезновение у индейцев Америки. Интересно, что в этих популяциях снизилась также концентрация гена *A* и резко повысилась гена *O*. В популяциях, заселивших Австралию, напротив, генетико-

автоматические процессы привели к увеличению частоты гена *A* за счет других генов системы *ABO*.

Как естественный отбор в истории рас постепенно терял свое значение, так и роль изоляции в этом процессе непрерывно падала; да и сама изоляция людских популяций никогда не была полной, всегда сочеталась с той или иной степенью метисации с соседними группами населения. В силу этого процесс расообразования не доходил до конца, и человеческие расы в отличие от разновидностей растений и животных не превращались в отдельные виды. Переходные формы, у растений и животных постепенно исчезающие, у людей продолжали существовать на протяжении всей их истории. В зонах соприкосновения ареалов формирования рас сохранялись древние промежуточные формы, к которым относятся, например, упомянутые восточноафриканская (эфиопская) и южноазиатская группы. Первая из них, известная по данным палеоантропологии еще со времени позднего палеолита, и в наши дни широко распространена среди народов Эфиопии, Сомали, Кении, Уганды, Танзании и других стран Восточной Африки. Географически, морфологически и генетически группа эта связывает негроидов с южными европеоидами. Подобно этому южноазиатская группа, с конца каменного века расселявшаяся с территории Южного Китая и Северного Индокитая к югу и востоку, вплоть до Индонезии и Филиппин, является связующим звеном между австралоидами и тихоокеанскими монголоидами. По мнению многих антропологов, к древним переходным формам должна быть отнесена и южноиндийская (дравидская) группа, морфологически очень сходная с эфиопской и подобно ей связывающая южных европеоидов с экваториальными расами (в данном случае с австралоидами). Особенности, переходные между австралоидами и монголоидами, присущи также курильской (айнской) и полинезийской группам.

Наряду с сохранением древних промежуточных форм на всем протяжении истории человечества складывались в результате метисации новые переходные группы расовых типов, которые сплошь и рядом отличались не меньшим морфологическим своеобразием и также имели свои географические ареалы формирования и распространения. Излагая классификацию рас, предложенную Г. Ф. Дебецем, мы приводили много примеров таких контактных групп смешанного происхождения. Часто трудно решить, является ли какая-либо конкретная популяция, промежу-

точная между большими расами, продуктом их смешения, или же она представляет собой древнюю недифференцированную форму, сочетающую признаки разных рас. Так, например, многие советские антропологи, включая Г. Ф. Дебеца и авторов этой книги, считают, что южно-сибирская и уральская группы сложились в процессе смешения различных европеоидных и монголоидных популяций, заселявших в разные периоды истории (от неолита до средних веков) Среднюю Азию, Южную и Западную Сибирь, Приуралье и север Восточной Европы. Другие ученые, например В. В. Бунак и В. П. Якимов, предполагают, что характерные черты этих групп (особенно уральской) возникли самостоятельно в глубокой древности, независимо от смешения европеоидов и монголоидов, в районах, расположенных между основными ареалами образования этих больших рас.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И РАСЫ

Весь конкретный материал ясно показывает, что как отдельные ареальные морфологические и физиологические признаки, так и их исторически сложившиеся сочетания — расы — не остаются постоянными, но непрерывно изменяются под воздействием различных и очень сложных факторов: отбора наиболее благоприятных мутантов, изоляции и связанных с ней генетико-автоматических процессов, миграций, которые неизбежно приводят к межрасовой метисации.

Характерный для человека динамизм рас зависит от того, что конкретная история расового состава всех популяций определяется в конечном счете общественными явлениями — хозяйственно-культурной деятельностью и образом жизни народов в различной естественногеографической среде, их передвижениями и контактами. Для понимания этой зависимости расогенеза от общественного развития большое значение имеет анализ направленных изменений расовых признаков во времени.

Одним из таких эпохальных изменений был процесс грацилизации (лат. *gracilis* — тонкий, нежный), в результате которого происходило уменьшение общей массивности скелета, наклона лба, выраженности надбровья, продольного диаметра черепа, ширины и отчасти высоты лица, степени выступания носа и т. п. Исследования Г. Ф. Дебеца показали, что во многих районах совре-

менной территории СССР грацилизация началась еще в неолите в связи с постепенным переходом людей сначала на юге, а затем и на севере от охоты, собирательства и рыболовства к земледелию. Этот переход обусловил глубокое изменение всего хозяйственного и бытового уклада наших предков, сделал более устойчивым и обеспеченным их существование, увеличил среднюю продолжительность жизни*, привел к резкому повышению доли растительных продуктов в питании, что в свою очередь оказало большое влияние на обмен веществ всего организма, в частности на деятельность желез внутренней секреции. Такая социально обусловленная биологическая перестройка вызвала значительные изменения в темпах роста и сроках полового созревания, результатом чего были морфологические сдвиги, нашедшие свое выражение в грацилизации.

Однако процесс грацилизации имел место не у всех народов, даже давно перешедших к земледелию; так, например, исследования советского антрополога М. Г. Абдушелишвили показали, что у многих народов Кавказа на протяжении всей их истории происходило скорее не уменьшение, а увеличение ширины лица, надбровные дуги стали несколько больше, угол профиля лба уменьшился, по мнению этого автора, эпохальная трансформация на разных территориях, в разных расовых типах и в разные периоды имела различные темпы и направления изменчивости. Это доказывает изменчивость рас.

Массивные расовые типы с наклонным лбом и сильно развитым костным рельефом черепа с глубокой древности сохранились также на севере Европы (особенно в Скандинавии), в Передней Азии, на Новой Гвинее и других островах Меланезии, в некоторых районах Северной и Южной Америки. Грацилизация, естественно, почти не имела места у тех народов, которые до последнего времени сохранили архаические присваивающие формы хозяйства и жили в тяжелых условиях, как, например, австралийцы, огнеземельцы и эскимосы. Интересно также, что у скотоводов-кочевников Северной Африки, Передней и Центральной Азии грацилизация была очень слабой, что по крайней мере частично связано с неболь-

* У людей древнего каменного века из-за огромной детской смертности средняя продолжительность жизни была около 20 лет. С переходом к земледелию в неолите она возросла до 25—30 лет и затем почти не изменялась до конца средних веков.

шой долей растительной пищи в их рационе. В свете новейших данных становится понятным, почему древние популяции людей современного вида во всех частях света были более массивными и длинноголовыми по сравнению с популяциями более позднего времени. Палеоантропологические материалы также подтверждают, что предки всех рас имели массивный костяк, наклонный лоб, развитое надбровье, большой продольный диаметр головы и другие признаки, которые в настоящее время сохранились преимущественно у народов с присваивающим хозяйством, издавна живущих на окраинах ойкумены (в особенности у австралийцев). Иными словами, не только экваториальные, но также европеоидные и монголоидные расы имели своих «австралоидных» позднепалеолитических предков, костные остатки которых обнаружены во многих местах Африки, Европы, Азии, Австралии и даже Америки.

Значительно позднее грацилизации начался процесс брахицефализации (повышения головного указателя), связанный как с укорочением, так и с расширением черепа. Хотя отдельные короткоголовые расовые типы возникли еще в мезолите и неолите, но наиболее быстрое возрастание головного указателя имело место в конце средневековья (XIV—XVII вв.). Процесс этот можно проследить во многих странах Европы (Франция, Германия, Швейцария, Австрия, Чехия, Венгрия, Польша и др.), на территории европейской части СССР (в частности, у русских, украинцев и белорусов), в Южной Сибири, на Японских островах. Так, например, головной указатель восточнославянского населения современной Московской области в XII—XIV вв. н. э. составлял в среднем 75—77, в то время как в наши дни он достигает 81—83.

Как и грацилизация, брахицефализация происходила далеко не повсеместно и не во все эпохи; почти не повысился с конца средних веков головной указатель на Британских островах, в Скандинавии, в Восточной Прибалтике (особенно в Латвии) и в некоторых других странах. В Швейцарии брахицефализация прекратилась два-три века тому назад и сменилась долихоцефализацией, т. е. понижением головного указателя вследствие удлинения и сужения черепа. Причины эпохальных изменений пропорций головы не вполне ясны. В. В. Бунак связывает эти процессы с изменениями темпов роста, которые, как и грацилизация, могут быть обусловлены

усложнением социальной жизни. Возможно также, что повышение головного указателя, особенно интенсивное в смешанных популяциях, зависит от доминирования в ряду полимерных аллелей, контролирующих форму головы, генов, которые определяют рост черепа в ширину, над генами, стимулирующими его рост в длину. Не случайно, например, в Индонезии и на Филиппинах головной указатель населения береговых районов, этнически и расово очень смешанного, как правило, выше, чем у более изолированных народов, живущих внутри больших островов или на мелких островах.

К процессам эпохальных изменений расовых признаков относятся и вековые колебания общей длины тела. В быту распространено представление о том, что наши предки были очень высокорослы. Действительно, среди позднепалеолитических людей было немало групп, средний рост которых превышал 170 см (у взрослых мужчин). Большой длиной тела (нередко около 180 см) обладало, например, большинство популяций Европы этого периода. Г. Ф. Дебец, определяя рост и вес по величине длинных костей, нашел, что население Алтая, жившее 4—4,5 тыс. лет тому назад, при росте 175 см весило в среднем 83 кг. Вместе с тем среди людей каменного, бронзового и железного веков было немало низкорослых групп со средней длиной тела менее 165 см (на юге Европы, в Средиземноморье, в Юго-Восточной Азии и в некоторых других странах). Средневековое население Европы было на несколько сантиметров ниже современного. Когда молодые люди наших дней в разных странах стали примерять старинные рыцарские доспехи, выяснилось, что они для современных юношей малы и тесны.

За последние сто лет средний рост многих народов (особенно в экономически развитых странах Европы и Америки, а также в Японии) постепенно, хотя и в разной степени, увеличивается в связи с повышением материального и культурного уровня жизни и крупными успехами медицины. По мнению некоторых ученых, в увеличении роста известную роль может играть также смешение между популяциями различного генетического состава, так как в ряду полимерных генов, определяющих длину тела, аллели высокорослости доминируют. В Скандинавии, например, с середины прошлого века длина тела возросла почти на 10 см (с 164—165 до 173—174).

В нашей стране с 70—80-х годов XIX в. до 1927 г. рост мужского населения увеличился примерно на 1 см. В послевоенные годы в СССР темпы увеличения длины тела значительно ускорились. Особенно сильное увеличение длины тела, наблюдаемое в последние десятилетия почти во всем мире, связано с акселерацией (лат. *acceleratio* — ускорять) — общим ускорением развития всего организма, которое обусловлено бурными преобразованиями социально-культурной среды в наш век научно-технического прогресса и убыстрения темпов жизни, что в свою очередь оказывает существенное влияние на ритмы биологических процессов, на весь ход «биологических часов» нашего организма. Грудные дети раньше удваивают свой вес, на год раньше молочные зубы сменяются постоянными, половое созревание девочек наступает на два года раньше, чем в прошлом веке. За последние 100—120 лет подростки 14—16 лет стали на 15—16 см выше. Акселерация сочетается в наши дни с продолжающимся повышением общей продолжительности человеческой жизни, которая с конца средних веков возросла с 25—30 лет до 70—75 лет.

Таким образом, все изменения расовых признаков во времени определяются в конечном счете социально-экономическим развитием человечества, его темпами и конкретными особенностями у разных народов. О быстром снижении роли естественного отбора мы уже говорили; надо только иметь в виду, что это не означает полного его уничтожения: вспомним о связи географического распределения генов серологической системы ABO с очагами оспы, чумы и других болезней. Несомненна также общественная обусловленность у человека явлений изоляции. У растений и животных они всегда определяются естественногеографическими факторами. У людей, как мы видели, также во многих случаях, особенно в прошлом, имела место географическая изоляция, игравшая значительную роль в процессах расообразования. Но наряду с ней в человеческом обществе с древнейших времен существовала и продолжает, к сожалению, во многих странах существовать изоляция социальная и культурно-бытовая: племенная, этноязыковая, сословно-классовая, религиозная и др. Изоляция эта, часто закрепляемая обычным правом, различными юридическими нормами, расистской и националистической пропагандой и другими искусственными барьерами, консервирует, а иногда и усиливает ис-

торически сложившиеся расовые различия между разными этническими и социальными группами населения.

Классическим примером подобных расовых различий является история антропологического состава разных каст Индии. Касты эти начали складываться еще в I тыс. до н. э., после того как большая часть Северной и Центральной Индии была завоевана индоарийскими народами, которые антропологически принадлежали к южным темным европеоидам. Коренное дравидское и мундаское население, относившееся в массе к экваториальным расам или к переходной южноиндийской группе, в районах, покоренных арийцами, вошло большей частью в состав «низких», экономически эксплуатируемых и юридически бесправных каст, в то время как социальная верхушка завоевателей составила ядро «высоких» каст, занявших в хозяйственной и общественно-политической жизни страны господствующее положение.

Таким образом, между кастовым и расовым делением многих народов Индии сложилось определенное соответствие: доля европеоидных компонентов в антропологической структуре высоких каст оказалась выше по сравнению с кастами низкими; доля австралоидных компонентов обнаруживала, естественно, обратные межгрупповые вариации. Соответствие это, однако, никогда не было полным, так как между различными этническими и кастовыми группами населения Индии все же постоянно имели место законные и незаконные брачные связи; кроме того, социальная верхушка неарийских народов частично также вошла в состав высоких каст, а сами завоеватели — арийцы не оставались социально однородными: среди них также выделялись высокие и низкие касты. Все же освященная индуской религией кастовая эндогамия на протяжении многих столетий закрепляла описанные расовые различия.

Во время работы в Индии в 1964 и 1966 гг. Н. Н. Чебоксаров мог сам наблюдать их как среди индоарийских народов — бенгальцев и различных этнических групп, говорящих на языке хинди, так и среди дравидов — тамиллов, каннара и др.

В новой Индии всякая кастовая дискриминация объявлена противозаконной, кастовые различия начинают, хотя и очень медленно, сглаживаться, однако браки между людьми разных каст и в наши дни остаются очень редкими. Прогрессивным силам молодой Индийской Рес-

публики предстоит большая работа на благородном пути борьбы с кастовой обособленностью.

Индия не является единственной страной мира, в которой расовые различия закреплялись, а отчасти и усиливались социальной изоляцией. Сходные процессы имели место и во многих других странах. Так, например, на юго-западе Китая в провинциях Сычуань и Юньнань у тибето-бирманского народа «и» социальная верхушка рабовладельцев-крепостников, называвших себя «черными и», принадлежала к своеобразному восточогималайскому расовому типу с американоидными чертами, в то время как эксплуатируемые бесправные «белые и» — крепостные и рабы — в массе относились к переходной южноазиатской группе. Различия эти, в настоящее время постепенно исчезающие, сложились исторически, так как большинство «белых и» являлись потомками военнопленных из числа китайцев, мяо и других народов Южного Китая.

В наши дни социально-этническая изоляция, консервирующая расовые различия, искусственно поддерживается только в некоторых странах, где у власти стоят реакционные политические группировки, зараженные человеконенавистническими, расистскими и националистическими доктринами. К таким странам относятся прежде всего США, а также Южно-Африканская Республика, где существуют законы и активно осуществляются запретительные и репрессивные меры, препятствующие всякому общению и тем более смешению между белыми, с одной стороны, черными и цветными — с другой. Политика сегрегации, проводимая в этих государствах, сопровождается кровавыми инцидентами, убийствами, жестокими преследованиями противников расизма. Лучшим доказательством фактической необоснованности политики сегрегации и апартеида являются экономические и культурные успехи СССР, Республики Кубы и других стран, в которых существует полная свобода общения людей всех рас.

Социально-экономическая обусловленность миграций и вызванной ими межрасовой метисации очевидна. За последние 400—500 лет процессы эти настолько усилились, что почти повсеместно привели к стиранию границ между расовыми ареалами, к их разрыву, а нередко и к полному исчезновению. Вряд ли возможно в наши дни провести точное разграничение между ареалами больших

рас в Северной и Восточной Африке, в Южной Азии или в Америке. В нашей стране интенсивное смешение между разными европеоидными и монголоидными расами, начавшееся еще в глубокой древности, с победой социализма и ликвидацией юридического и фактического национального и расового неравенства стало особенно интенсивным. Вся практика строительства социализма и коммунизма в СССР и других странах социалистического лагеря неопровержимо доказывает полную фактическую необоснованность ложной концепции о существовании «высших» и «низших» рас и о расовой обусловленности исторического процесса. Против расизма свидетельствуют также экономические и культурные успехи развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, достигнутые за очень короткий срок (главным образом после второй мировой войны). Несостоятельными оказались и все попытки обосновать расизм данными антропологии. Как мы видели, морфологические и физиологические различия между расами являются второстепенными и не могут оказывать влияния на умственное развитие любых человеческих коллективов; не обнаружено, в частности, никаких существенных расовых различий в строении мозга. Понимание расы как группы родственных популяций, которые характеризуются исторически сложившимся сочетанием признаков, генетически большей частью независимых, ясно указывает на отсутствие непосредственно обусловленной связи между физическими и психическими особенностями нормальных людей, а тем более целых народов.

Созванное ЮНЕСКО в августе 1964 г. в Москве совещание экспертов-специалистов единогласно приняло «Предложения по биологическим аспектам расовой проблемы», направленные против всех видов расизма. В совещании участвовали крупнейшие антропологи разных стран: СССР, США, Англии, Франции, ФРГ, Канады, Бельгии, Норвегии, Польши, Чехословакии, Японии, Индии, Нигерии, Сенегала, Мексики и Бразилии. «Никакая национальная, религиозная, географическая, языковая или культурная группа не образует группы *ipso facto* (сама по себе), — читаем в «Предложениях». — Понятие расы относится лишь к биологическим свойствам... Представляется, что народы Земли обладают ныне равными биологическими возможностями для достижения любого уровня цивилизации и что различия

между достижениями разных народов должны объясняться целиком историей их культуры... В отношении наследственных возможностей общего умственного развития и способностей к культурным достижениям, так же как и в отношении физических признаков, нельзя оправдать концепцию «высших» и «низших» рас».

В сентябре 1967 г. в Париже состоялось совещание экспертов ЮНЕСКО, принявшее «Декларацию о расе и расовых предрассудках», в которой подчеркивается, что «все современные люди относятся к одному виду и происходят от одного корня», что «современная биологическая наука не позволяет относить различия в культурных достижениях народов за счет различий в их наследственных свойствах», что «расизм грубо фальсифицирует данные биологии человека... препятствует развитию тех, кто от него страдает, развращает тех, кто его исповедует, разделяет нации между собой, усиливает международную напряженность и угрожает миру во всем мире». «Основные средства борьбы с расизмом, — читаем мы в «Декларации», — заключаются в изменении общественных условий, порождающих предрассудки; в противодействии поступкам лиц, убеждения которых заражены предрассудками, в борьбе с самыми ложными убеждениями».

К сожалению, человеконенавистнические, антинаучные, расистские домыслы, бывшие в свое время официальной идеологией гитлеровцев и других фашистов, взяты в наши дни на вооружение расистами США, ЮАР, неонацистами ФРГ, воинствующими сионистами Израиля и другими реакционными политиками, которые стремятся оправдать агрессию и подготовку новых войн, разжечь недоверие и рознь между народами, отвлечь трудящихся от классовой и национально-освободительной борьбы.

По решению XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в память жертв расстрела в 1960 г. в Шарпевиле и других городах ЮАР мирной демонстрации африканцев ежегодно 21 марта проводится Международный день борьбы за ликвидацию расовой дискриминации. В декабре 1965 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Конвенция объявляет преступлением «всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации».

В настоящее время борьба с расизмом входит неотъемлемой частью в характерную для наших дней острую политическую и идеологическую борьбу между миром капитализма и миром социализма, между эксплуататорскими классами и трудящимися, между империалистами и народами Азии, Африки и Латинской Америки, недавно завоевавшими самостоятельность или еще ведущими борьбу за освобождение. В последние годы расизм взят на вооружение наиболее реакционными идеологами империализма. Так, например, в статье «Расколота Америка», помещенной в 1969 г. в журнале «Ньюс Уик», издаваемом в Нью-Йорке, можно прочесть, что в США стали «открыто говорить о генетических различиях между расами, что было интеллектуальной модой на рубеже XIX и XX веков». В журнале приведены слова одного из профессоров Массачусетского технологического института: «Приходится считаться с тем, что негры, возможно, по рождению занимают подчиненное положение по отношению к белым и не способны конкурировать с ними».

Подобные рассуждения, давно уже опровергнутые наукой и всей практикой современной жизни, широко используются для «обоснования» и оправдания расовой дискриминации, апартеида и геноцида (геноцид — греч. *genos* — род; лат. *caedere* — убивать) — уничтожение целых групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Ярким примером человеконенавистнической «практики» расизма в наши дни могут служить преследования в США прогрессивных негритянских деятелей — убийство Мартина Лютера Кинга, травля и арест коммунистки Анджелы Дэвис, одной из талантливых представительниц американской научной интеллигенции. В позорном календаре преступлений расистского режима ЮАР особое место занимает 16 июня 1976 г., когда в Соуэто полицейские и солдаты расстреляли мирную демонстрацию африканцев, требующих элементарных гражданских прав. Правительство ЮАР на такие требования африканцев ответило расстрелом; в итоге — 600 человек убито и тысячи получили ранения.

Расизм многолик и проявления его различны, но у расизма общее — идеологическая подкладка: деление идей на господ и тех, кто якобы относится к существам низшего порядка — эта фашистская концепция неравенства рас.

Настоящим проявлением геноцида во Вьетнаме было массовое отравление земли химическими ядами, убивающими все живое и вызывающими у людей вредные мутации, которые ведут к рождению неполноценных детей. Советские люди вместе с прогрессивной мировой общественностью требуют положить конец расовой дискриминации во всех ее проявлениях. 25—31 октября 1973 г. в Москве состоялся Всемирный конгресс миролюбивых сил, который уделил большое внимание борьбе с расизмом. Конгресс констатировал, что расизм представляет собой серьезную угрозу международному миру и сотрудничеству не только в Южной Африке, но и во многих других районах мира и поддержал решения ООН о проведении в 1973—1983 гг. десятилетия борьбы с расизмом и расовой дискриминацией.

В Женеве с 3 по 13 августа 1983 г. проходила II Всемирная конференция по борьбе против расизма и расовой дискриминации.

В работе этой конференции приняли участие делегации около 130 стран, в том числе СССР, а также делегации многих международных организаций и национально-освободительных движений.

С 1973 г. ООН было осуществлено много акций по борьбе против расизма и расовой дискриминации, направленных на полное и окончательное искоренение дискриминации людей по признаку расы и этнического происхождения.

Борьба против расизма неотделима от борьбы за мир и разоружение. Международное сообщество не может мириться с тем, что властями ЮАР осуществляется система апартеида — отвратительная форма расизма. Участники конференции назвали расизмом политику Израиля против арабских народов и потребовали, чтобы решения ООН были претворены в жизнь, так как они направлены на скорейшее искоренение расизма, расовой дискриминации и колониализма во всех его формах.

Глубокую озабоченность участников конференции вызвал рост расистских настроений и проявлений дискриминации в ряде стран Западной Европы и США, где заметно активизировался ку-клукс-клан — поборник «чистой белой расы», который преследует не только людей с темной кожей, но и борется с прогрессивными людьми Америки. Рейгановская администрация поддерживает ку-клукс-клан, а значит поощряет расизм. Поэтому не

удивительно, что делегации США на II Всемирной конференции по борьбе против расизма и расовой дискриминации не было.

Женевский форум провел четкий водораздел между теми, кто стоит за интересы народа, подобно Советскому Союзу и другим социалистическим странам, борющимся против колониализма и расизма, и теми странами, которые хотят сохранить очаги колониализма.

На конференции была принята Декларация, в которой отмечается, что проявление расизма и расовой дискриминации является нарушением основных прав человека, оскорбляет человеческое достоинство и представляет собой серьезный источник обострения международной напряженности. Теория расового превосходства выступает препятствием на пути международного сотрудничества и ставит под угрозу мир и безопасность. Ликвидация расизма и расовой дискриминации — актуальная задача современности.

В Декларации была осуждена ЮАР, где политика апартеида направлена на обеспечение и увековечение эксплуатации черного большинства. Страны, которые поддерживают ЮАР, в первую очередь США, являются сообщниками в этом преступлении, а помощь ЮАР в экономической, военной, ядерной и других областях подрывает борьбу против апартеида.

В Декларации отмечено, что участники конференции высоко ценят самоотверженную борьбу народов ЮАР и Намибии за достижение национальной независимости и создание демократического общества. Декларация осуждает акты агрессии ЮАР с использованием наемников против «прифронтовых» государств и других независимых африканских стран.

Участники конференции с глубокой тревогой обратили внимание на политику расовой дискриминации в отношении палестинцев и других жителей оккупированных Израилем арабских территорий. Декларация решительно требует прекратить использование всех форм расовой дискриминации.

Конференция приняла развернутую и конкретную программу действий по искоренению расизма и расовой дискриминации.

Делегации Великобритании, Франции, ФРГ, Канады и других стран заняли на конференции обструкционистскую позицию, пытаясь, с одной стороны, обелить и вы-

городить власти ЮАР и Израиля, а с другой — самим уйти от ответственности за причастность к существованию апартеида; эти страны отказались одобрить Декларацию. 1984 год — первый год объявленного ООН второго десятилетия по борьбе против расизма и расовой дискриминации. Существует Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, к которой уже присоединилось 121 государство. При активном участии социалистических стран разработаны и вступили в силу Конвенция о пресечении преступления апартеида и другие соглашения. Борьба против расизма остается одной из главных задач. Расизму не должно быть места на земле.

КУЛЬТУРЫ

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА

Известно, какую большую роль играет культура в историческом развитии каждого народа и в формировании его этнического самосознания. Именно культурная специфика вместе с языком, который ее выражает, должна рассматриваться в качестве главного критерия при разграничении этнических общностей. В этой главе мы должны остановиться на самом понятии культуры, на ее месте в хозяйственной, общественной, политической и идеологической жизни человеческого общества на всем протяжении его существования от глубочайшей древности до наших дней. Слово «культура» (лат. *cultura*) означает «возделывание, обрабатывание». Действительно, в самом широком смысле под культурой понимают все, что создано людьми в процессе физического и умственного труда для удовлетворения их разнообразных материальных и духовных потребностей. Таким образом, культура может быть противопоставлена «натуре» (*natura*), т. е. природе, которая существует в мире независимо от человека. Все, что нас окружает, вся внешняя среда, в которой мы живем, делится на естественную (природную); возникшую задолго до появления людей на земле, и искусственную (культурную), которая образовалась только вместе с ними в результате их целенаправленной деятельности.

Существуют три основные части культуры: первая из них находится в общественном сознании людей, вторая — проявляется в их поведении и действиях и третья — в материальных результатах их деятельности.

Культура имеет такую же древность, как и само человечество. Бескультурных народов не только нет в настоящее время, но и никогда не было в прошлом. Широко распространенное в зарубежной буржуазной этнографии деление всех народов на «природные» (нем. *Naturvölker*) и «культурные» (нем. *Kulturvölker*), носящее по существу расистский характер, лишено каких-либо фактических оснований. Нельзя признать удачным и выражение «малокультурные народы», так как даже социально-экономически наиболее отсталые этносы — тас-

манийцы, австралийцы, огнеземельцы, бушмены и другие — создали очень сложную и своеобразную культуру, хорошо приспособленную к природным условиям их жизни и направлению хозяйства. Можно говорить только об уровне и особенностях культуры конкретных этносов, которые всегда определяются степенью и характером развития производительных сил и производственных отношений в той или иной естественногеографической среде.

В культуре каждого народа переплетаются явления, свойственные только ему одному или даже отдельным социальным и этнографическим группам, входящим в его состав, с особенностями, распространенными у многих этносов или свойственными всему человечеству в данную историческую эпоху. Так, например, бумеранг в развитом виде должен считаться специфическим для австралийцев; копьеметалка, кроме них, была известна многим народам Меланезии, эскимосам, некоторым группам индейцев Южной Америки, а в период позднего палеолита древним обитателям Европы; наконец, деревянные копы и метательные дротики были распространены в различных формах у всех народов земного шара до знакомства их с обработкой металлов.

Этнографы обычно делят культуру на материальную и духовную. Первая включает вещи, материально существующие в пространстве на протяжении известного отрезка времени. К ним относятся орудия труда, приборы для добывания огня, оружие, средства передвижения и приспособления для переноски тяжестей, жилище и другие постройки, пища и напитки, посуда, утварь и мебель, одежда, обувь, головные уборы и украшения. В ту же категорию могут быть включены культурные растения и домашние животные, а также раскраска тела, нанесение рубцов, татуировка, прически, все виды косметики и парфюмерии. Духовная культура представляет собой информацию, которая существует в коллективной живой памяти любой человеческой популяции, передается от поколения к поколению путем рассказа или показа и проявляется в определенных формах поведения. К духовной культуре относятся все запечатленные в клетках мозга трудовые навыки, положительные знания, нравы и обычаи, связанные с хозяйственной, общественной и семейной жизнью, правовые нормы, различные виды искусства и народного творчества, религиозные верования и культы.

Разграничение материальной и духовной культуры условно, так как многие виды последней фиксируются на

материальных предметах: картинах, скульптурах, письменных документах и т. п., которые используются время от времени для воспроизведения в коллективном сознании группы людей той или иной информации. Особенно большой становится роль вещественно зафиксированной духовной культуры с развитием письменности. Ярким свидетельством этого служит расцвет у современных народов науки и литературы. Тесные связи между материальной и духовной культурой проявляются также в области музыкального творчества (музыкальные инструменты, нотные записи и др.).

В работах некоторых этнографов (особенно зарубежных) можно встретить термин «элементы культуры», под которыми понимают культурные явления, носящие общечеловеческий характер и хотя бы в зачаточной форме свойственные всем современным и древним народам. Большинство перечисленных выше видов материальной и духовной культуры относится к таким элементам. Археологические и этнографические материалы неопровержимо доказывают, что люди современного вида с начала их формирования в древнем каменном веке всегда применяли в процессе коллективного труда изготовленные ими орудия, умели добывать и сохранять огонь, использовали его для приготовления пищи (сначала путем поджаривания, позднее — варки), сооружали какие-то, хотя бы самые примитивные, жилища, носили одежду (в жарком поясе крайне скудную), украшали свое тело и разные предметы повседневного обихода, следовали в общественной и семейной жизни определенным нормам поведения, имели зачатки проверенных практикой положительных знаний (в частности, медицинских), складывали и передавали от поколения к поколению песни, сказки, предания, легенды, мифы и другие виды устного поэтического творчества, создавали и развивали простейшие игры, танцы и другие элементарные зрелища.

От общекультурного достояния человечества на всех этапах его исторического пути следует отличать такие явления, которые, хотя и имеют в настоящее время широкое распространение у самых различных народов, но все же не могут быть признаны общечеловеческими, так как они возникли на определенной ступени исторического развития и не свойственны, следовательно, всем группам вида *Homo sapiens* с начального периода его существования на земле. Невозможно даже перечислить все культурные нововведения, возникшие в разные эпохи у

разных народов. Отметим только самые важные из этих нововведений, например умение добывать и обрабатывать различные металлы (особенно железо), культивирование растений, одомашнивание животных, переход от ручного к плужному земледелию, появление колеса и колесных повозок, изобретение и внедрение в практику всевозможных механических приспособлений и машин, возникновение письменности и развитие на ее основе народного образования, науки, литературы и искусства.

В настоящее время подавляющее большинство ученых в Советском Союзе и в других странах считают религию исторической категорией. Зачатки религии могли появиться на стадии палеоантропов—неандертальцев в эпоху мустье, когда у человека повысилась способность к абстрагированию. Абстракция же таит в себе угрозу отрыва от реальности, перехода к иррациональному отражению реально существующей действительности, возникновения веры в сверхъестественное, т. е. религии. Религия на протяжении многих тысячелетий была в различных формах свойственна всем народам мира. В противовес религии на определенной стадии исторического развития возникает атеизм, т. е. система взглядов, отрицающая наличие богов, существование каких-либо сверхъестественных существ, сил и явлений. Элементы атеизма появились в раннеклассовом обществе. Возникновение атеизма было связано с накоплением положительных знаний, развитием науки. С развитием капитализма борьба с религией приобрела особенно широкий размах. Высшей и принципиально новой формой атеизма явился марксистский атеизм, основы которого разработаны К. Марксом и Ф. Энгельсом и развиты позднее В. И. Лениным.

С культурой каждого человеческого этноса неразрывно связан и его быт. Под бытом, по нашему мнению, следует понимать специфические формы поведения людей в их повседневной жизни, т. е. в постоянно стабильно возникающих в течение дня, года, жизни ситуациях, а также взаимоотношения, складывающиеся при этом между людьми, способы использования ими предметов, служащих для удовлетворения их материальных и духовных потребностей. Таким образом, можно говорить о производственном, общественном, семейном или домашнем быте. В жизни каждого конкретного человеческого коллектива (даже кратковременного) всегда имеется бытовая сторона. Свой особый быт складывается на фабриках, в различных учреждениях и учебных заведениях,

в общежитиях, квартирах и отдельных домах, даже в военных или туристских лагерях, в поездах, трамваях, на кораблях, самолетах и т. п. Изучается быт участников космических полетов. В быту, как и в культуре, ярко проявляется этническая специфика, которая зависит как от общего уровня социально-экономического развития народа и его отдельных социальных и территориальных групп, так и от характера окружающей естественно-географической среды. В культуре, непосредственно связанной с бытом, наиболее ярко отражаются характерные свойства этноса, но при этом имеется в виду не вся бытовая культура, а лишь ее устойчивые повторяющиеся компоненты, т. е. традиционная часть, которую целесообразно именовать традиционно-бытовой культурой.

В нашей небольшой книге нет возможности подробно остановиться на культурно-бытовых особенностях отдельных народов или даже более крупных этнолингвистических общностей. Не можем мы также излагать историю всех элементов материальной и духовной культуры. Однако эти элементы у конкретных народов настоящего и прошлого всегда бывают тесно связаны как между собой, так и с социально-экономическим базисом, который определяет в конечном счете культуру и быт каждой человеческой группы. Таким образом, можно говорить о целых культурных комплексах, локализованных в пространстве и непрерывно развивающихся во времени вместе с создавшими их этносами. Географические границы распространения этих комплексов складываются и изменяются исторически; в каждую эпоху они могут полностью или частично совпадать или же совсем не совпадать с ареалами расселения этнических общностей разных порядков. Этнографы выделяют культурные комплексы путем картографирования особенностей материальной и духовной культуры, которые они изучают, непосредственно наблюдая образ жизни современных народов или исследуя письменные источники. При стационарных и экспедиционных этнографических работах широко применяются всевозможные методы фиксации материала: беседы с пожилыми людьми, сказителями, народными умельцами и другими хранителями традиционной культуры, составление подробных описаний, заполнение кратких анкет, зарисовки, съемка планов и разрезов построек, выкроек костюмов, фотографирование, киносъемка, магнитофонная запись фольклорных произведений (включая музыкальные) и т. д.

Археологи же подобным образом изучают древние памятники и выделяют по формам орудий труда, глиняной посуды (керамики), остатков жилищ и других построек, сохранившихся в земле фрагментов одежды, обуви, головных уборов и особенно украшений, определенные культуры каменного, бронзового и железного веков, а также и более поздних исторических периодов.

Проблема соотношения таких археологических культур с этническими, языковыми и расовыми группами человечества представляет собой одну из самых трудных и вместе с тем увлекательных проблем современной исторической науки. Над решением этой проблемы этнографы работают совместно с историками, изучающими письменные памятники, археологами, лингвистами, антропологами, географами и учеными многих других специальностей.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ

Вопрос о причинах сходства и различия в культуре разных народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития, всегда составлял одну из центральных тем этнографической науки. Давно уже обращали на себя внимание исследователей такие факты, как значительное сходство в культуре многих народов, говорящих на различных языках, и, напротив, большое культурное разнообразие среди народов, говорящих на родственных языках. Далеко не всегда это сходство или различие может быть объяснено уровнем социально-экономического развития. Именно в процессе изучения поставленного вопроса советские этнографы сформулировали понятие о «хозяйственно-культурных типах» и об «историко-этнографических» («историко-культурных») областях. Под хозяйственно-культурными типами понимают определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественного географических условиях. На карте географическое размещение хозяйственно-культурных типов дано на конец XV в., так как в более поздние периоды истории в связи с европейской колонизацией и развитием капитализма первоначальные границы распространения этих типов коренным образом изменились,

а во многих случаях и совершенно стерлись. Типы эти всегда связаны со способом производства каждого конкретного общества, так как именно он определяет в конечном счете характер взаимодействия людей с окружающей природой в разные исторические эпохи. При наличии аналогичной историко-географической обстановки одни и те же хозяйственно-культурные типы могут возникать самостоятельно у народов, живущих далеко друг от друга и не взаимодействующих непосредственно между собой. Различия между хозяйственно-культурными типами касаются в первую очередь основных занятий большинства населения — промыслов, сельского хозяйства, ремесел, а также орудий труда, пищи, жилища, средств передвижения, утвари, одежды и других элементов материальной культуры. Социальный строй различных народов связан с характерными для них хозяйственно-культурными типами, поскольку они всегда отражают уровень развития производительных сил общества. В области духовной культуры различия между хозяйственно-культурными типами проявляются главным образом в тех обычаях и обрядах, особенностях изобразительного искусства, верований, культов и фольклора, которые наиболее ярко отражают формы труда и быта при тех или иных ландшафтно-климатических условиях.

Выделение хозяйственно-культурных типов играет определенную роль при историко-этнографическом изучении народов различных ступеней социально-экономического развития, так как сами типы, являясь историческими категориями, не могут не претерпевать с течением времени существенных изменений. Они могут быть настолько глубокими, что на месте одного хозяйственно-культурного типа зачастую возникает и развивается у тех же самых народов и в той же естественнoгеографической среде совершенно другой тип. Одни хозяйственно-культурные типы восходят к эпохе становления самого человека и человеческого общества, другие же являются наследием гораздо более позднего времени — периодов разложения первобытнообщинного строя и раннеклассового общества. При капитализме хозяйственно-культурные типы предыдущих эпох постепенно разрушаются, видоизменяются и входят (преимущественно в сфере сельского хозяйства) в состав новых зональных экономических и культурно-бытовых комплексов. Во многих развитых капиталистических странах (например, в Японии, Италии, Швейцарии) хозяйственно-культурные типы

сельского населения до сих пор накладывают отпечаток на образ жизни большинства народа. На принципиально новой социально-экономической базе они продолжают существовать в деревне и в эпоху социализма. Некоторые из них, как увидим ниже, имеют все перспективы прогрессивного развития и в будущем.

Все хозяйственно-культурные типы, сложившиеся до эпохи капитализма, могут быть разделены на три основные группы, которые отличаются друг от друга все более и более высокой производительностью труда, а вместе с тем и нарастающей величиной прибавочного продукта. К первой группе относятся типы с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства, ко второй — мотыжного (ручного) земледелия и животноводства, к третьей — плужного (пахенного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных при сельскохозяйственных работах. У современных народов, находящихся на различных уровнях социально-экономического развития, можно встретить хозяйственно-культурные типы всех трех групп. Надо, однако, иметь в виду, что эти типы в одних случаях продолжают играть ведущую или по крайней мере заметную роль в экономике и быту, в других же случаях сохраняются только в виде пережитков.

Для типов первой группы характерно то, что единственным источником существования людей являются дикорастущие растения и дикие животные (включая водных), т. е. готовые «дары природы», которые надо, конечно, добыть и соответствующим образом обработать для употребления в пищу, но не надо искусственно выращивать или выкармливать. Учитывая эти обстоятельства, охоту, собирательство и рыболовство называют иногда «присваивающими» видами хозяйств, что, однако, не вполне точно, так как трудовая деятельность людей отнюдь не ограничивается здесь простым «присвоением», но включает ряд моментов, иногда очень сложных, связанных как с организацией соответствующих видов хозяйства, так и с переработкой продукции, требующей разнообразных технических навыков.

Большое место в экономике уже на этой ступени занимает производство простейших средств производства, в первую очередь орудий охоты, собирательства и рыбной ловли. Несомненно, что возможность развития производительных сил в типах первой группы ограничена, производительность труда низка, а следовательно, и прибавоч-

ный продукт почти полностью отсутствует. Нет еще экономической основы для сколько-нибудь значительного имущественного неравенства и тем более для образования классов. Прибавочный продукт начинает появляться только в некоторых группах оседлых рыболовов и морских зверобоев. Вместе с этим создаются экономические предпосылки для известной социальной дифференциации, в частности для возникновения домашнего рабства. Все эти явления имеют, однако, зачаточный характер. На базе охоты, собирательства и рыболовства никогда не возникало ни одно развитое классовое общество. Пока эти отрасли хозяйства были единственными и ведущими, человечество не могло выйти из рамок первобытнообщинного строя.

Хозяйственно-культурные типы второй группы — мотыжно-земледельческие и животноводческие — представляют собой, несомненно, значительный шаг вперед по сравнению с типами первой группы. Основным источником существования здесь являются выращиваемые культурные растения и домашние животные.

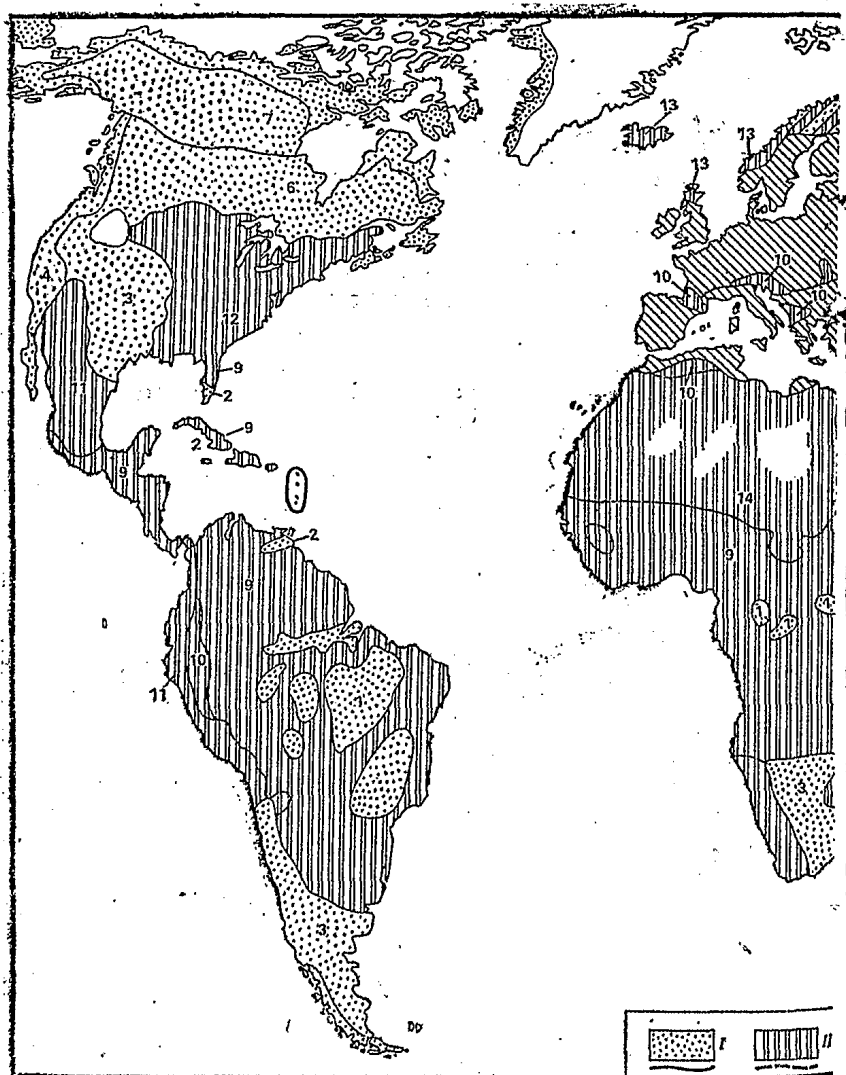
Огромное значение для формирования типов второй группы имело отмеченное еще Ф. Энгельсом первое великое разделение труда между земледельцами и скотоводами. Экономика более устойчива, чем у охотников и собирателей, производительность труда выше. Прибавочный продукт становится регулярным и обеспечивает возможность некоторого накопления. Земледельцы запасают продукты питания: у животноводов такими «запасами» служит живой скот, постоянно находящийся на подножном корму. Имущественное неравенство может быть значительным, формы эксплуатации — разнообразными. На базе развитого мотыжного земледелия и животноводства вполне возможно возникновение раннеклассовых отношений, в частности рабовладельческих и феодальных. Ремесло у народов этой группы уже может отделиться от сельского хозяйства и достигнуть довольно высокого уровня развития.

К третьей группе хозяйственно-культурных типов относятся типы плужных (пашенных) земледельцев. Самая характерная черта их — использование при сельскохозяйственных работах тягловой силы домашних животных. Пашенное земледелие является своего рода синтезом ручного земледелия и животноводства, возникает всюду как соединение первой отрасли хозяйства со второй. Без рабочего скота широкое применение плуга невозможно (слу-

чай пахоты на людях сравнительно редки и основным способом обработки земли вряд ли когда-либо были). Производительность труда при переходе к плужному земледелию сильно возрастает; растут и возможности накопления, а вместе с тем и эксплуатации. Ремесло, как правило, отделяется от сельского хозяйства; постепенно развивается также сначала мануфактурная, а затем и фабрично-заводская промышленность. Главной экономической базой подавляющего большинства классовых обществ Азии, Африки и Европы вплоть до эпохи капитализма было именно плужное земледелие.

Несмотря на разнообразие хозяйственно-культурных типов второй и третьей групп, обусловленное их широчайшим географическим распространением и длительным существованием, всем им свойственны и некоторые общие черты. Главная из них заключается в том, что экономической базой всех типов обеих групп является производительное сельское хозяйство, основанное на выращивании культурных растений или на разведении домашних животных, или на том и другом занятии одновременно. Большинство населения у народов рассматриваемых групп занято в сельском хозяйстве; все остальные занятия — различные промыслы, отрасли домашнего производства, ремесла, промышленность и торговля — остаются подсобными. Такое соотношение сохраняется на протяжении всего докапиталистического периода; только с развитием капитализма в некоторых наиболее индустриальных странах большинство населения втягивается в промышленность, и хозяйственно-культурные типы с земледельческо-животноводческой базой начинают постепенно терять свое ведущее экономическое значение. Процесс этот идет, однако, очень неравномерно; во многих странах, в том числе и экономически передовых, основные массы трудящихся остаются занятыми в сельском хозяйстве и при капитализме. Подобное положение может сохраняться длительное время и в период перехода к социализму.

В пределах каждой из трех основных намеченных выше групп у самых различных народов может быть выделено несколько конкретных хозяйственно-культурных типов, развившихся в определенных ландшафтно-климатических зонах. Это, так сказать, «горизонтальная» классификация рассматриваемых типов, дополняющая «вертикальную» классификацию. Так, в главных климатических поясах земного шара — теплом (тропическом и субтропическом), умеренном и холодном — отчетливо различаются

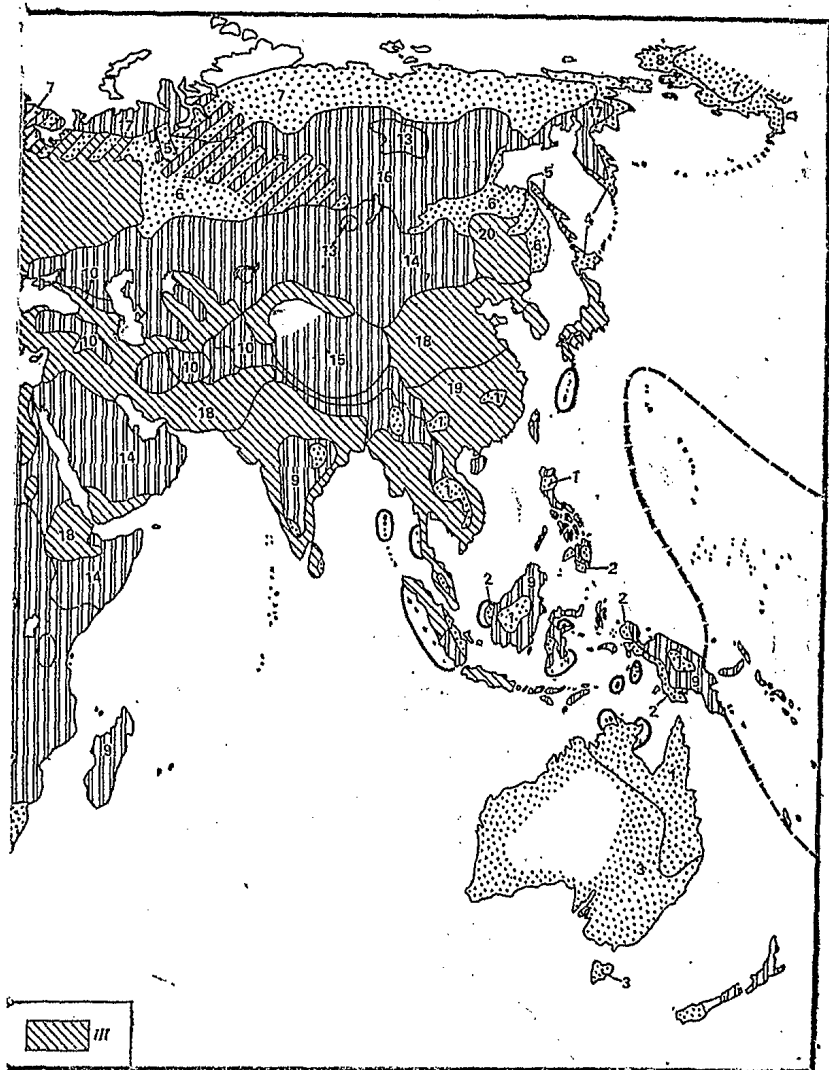

Хозяйственно-культурные типы в XV в.

I — Первая группа (охотники, собиратели и рыболовы):
 1 — собиратели и охотники лесов жаркого пояса; 2 — береговые собиратели и рыболовы жаркого пояса; 3 — охотники и собиратели степей и полупустынь; 4 — собиратели и рыболовы умеренно теплого пояса; 5 — рыболовы бассейнов больших рек и морских берегов умеренного

пояса; 6 — охотники и рыболовы таежной полосы; 7 — охотники лесотундры и тундры; 8 — арктические охотники на морского зверя.

II — Вторая группа:
 9 — ручные (мотыжные) земледельцы жаркого пояса; 10 — ручные земледельцы и скотоводы горной зоны; 11 — мотыжные земледельцы степей и сухих предгорий;

12 — ручные земледельцы лесной зоны умеренного пояса; 13 — пастушеские скотоводы и земледельцы умеренного и холодного пояса; 14 — скотоводы-кочевники степей и полупустынь; 15 — высокогорные скотоводы-кочевники; 16 — таежные охотники-оленоводы; 17 — олениводы тундры

III — Третья группа (пашенные земледельцы): 18 — пашенные земледельцы засушливой зоны; 19 — пашенные земледельцы влажных тропиков и субтропиков; 20 — пашенные земледельцы лесостепей и лесов умеренного пояса
Карта составлена А. А. Фадеевым и Я. В. Чесновым при участии авторов

типы, сложившиеся в избыточно увлажненных и засушливых областях. Так как первые обычно богаты древесной растительностью, а вторые, напротив, бедны, то для влажных районов характерны большей частью «лесные типы», а для сухих — «степные» (иногда даже «полупустынные» или «пустынные»). Можно говорить, конечно, и о промежуточных «лесостепных» типах, а также о типах, связанных со своеобразными локальными ландшафтами — «высокогорными», «береговыми», «оазисными» и т. п. Необходимо, однако, всегда помнить, что зависимость хозяйственно-культурных типов от ландшафтно-климатических условий не является определяющей и непосредственной, но всегда бывает «опосредствована» способом производства каждого народа, уровнем его социально-экономического развития.

ОХОТНИКИ, СОБИРАТЕЛИ И РЫБОЛОВЫ

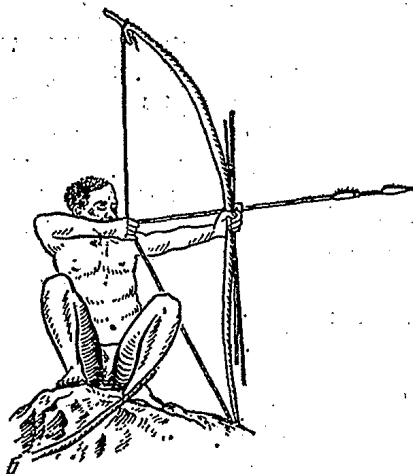
Хозяйственно-культурные типы первой группы (охотничьи, собирательские и рыболовецкие) начали складываться еще в периоды позднего палеолита и мезолита, когда люди современного вида постепенно осваивали новые, до того времени не заселенные пространства суши в различных климатических поясах Евразии, Африки, Америки и Австралии.

Одним из древнейших среди ныне сохранившихся типов этой группы является тип собирателей и охотников лесов жаркого пояса. Его представителями можно было недавно считать в Южной и Юго-Восточной Азии веддов Шри Ланки, ченчу, мудугаров, бирхоров и некоторые другие мунда- и дравидоязычные мелкие этнические группы Индии, мрабри (юмбри) Таиланда, семангов и отчасти сеноев Малакки, кубу Суматры, пуананов Калимантана, тоала Сулавеси, аэта Филиппинских островов. В Африке к тому же типу относились до последнего времени так называемые пигмеи бассейна Конго, в Южной Америке — сирионо, бороро, гуаяки и другие племена тропической и отчасти субтропической зоны, незнакомые с земледелием. Для всех этих групп охотников и собирателей, постоянно меняющих в поисках пищи места своего обитания, характерны примитивные формы построек в виде ветровых заслонов, жилищ на деревьях или временных хижин из ветвей, коры и листьев, а также почти полное отсутствие одежды. Основным орудием охоты у большинства перечисленных племен служили простой лук и стрелы (часто

отравленные), местами, на Юго-Востоке Азии и в Южной Америке, духовое ружье (сумпитан или сарбакав). Из домашних животных была известна только собака. При сборе съедобных клубней, корней, семян и т. п. женщины употребляли обычно палку-копалку.

Можно предполагать, что тип лесных собирателей и охотников жаркого пояса был распространен в прошлом значительно шире: к нему, вероятно, принадлежало все древнейшее население влажных тропиков и субтропиков. Возникновение и распространение мотыжного земледелия привело к постепенному сокращению ареала рассматриваемого типа. Процесс этот, начавшийся в период неолита, прослеживается до настоящего времени: семанги, сенои, аэта и многие другие охотничье-собираТЕЛЬские группы Юго-Восточной Азии переходят к мотыжному земледелию буквально на наших глазах. У многих народов, давно уже ведущих земледельческое хозяйство, и в наши дни сохраняются пережиточно отдельные хозяйственные навыки и культурные особенности типа охотников и собирателей жаркого пояса. Это относится, например, к ряду народов Индокитая и Южного Китая (седанг, банар, ли, кава и др.), а также почти ко всем мотыжно-земледельческим народам Южной Индии, тропической Африки и Южной Америки.

Своеобразный хозяйственно-культурный тип до недавнего времени был характерен для обитателей Андаманских островов, по общему социально-экономическому и культурному уровню близких к перечисленным народам, но занимавшихся главным образом приморским собирательством и рыболовством (в частности, при помощи стрел и лука оригинальной s-образной формы). Близкие аналогии этому типу береговых собирателей и рыболовов жаркого пояса прослеживаются по этнографическим данным у маукен, или селунов («морских кочевников»), архипелага Мергуи, оранг-лаут Индонезии и Филиппин, отчасти у рюкюсцев на юге Японии. Археологические материалы дают возможность установить, что в прошлом, начиная по крайней мере с периода мезолита, этот тип был широко распространен среди населения берегов морей, озер и крупных рек на юго-востоке и юге Азии, на островах Карибского моря и в некоторых районах Тихоокеанского побережья Перу и Эквадора. Более или менее устойчивая оседлость, характерная для многих групп прибрежных собирателей и рыболовов, создавала, вероятно, благоприятные условия для сравнительно раннего перехода их к мотыжному земледелию.

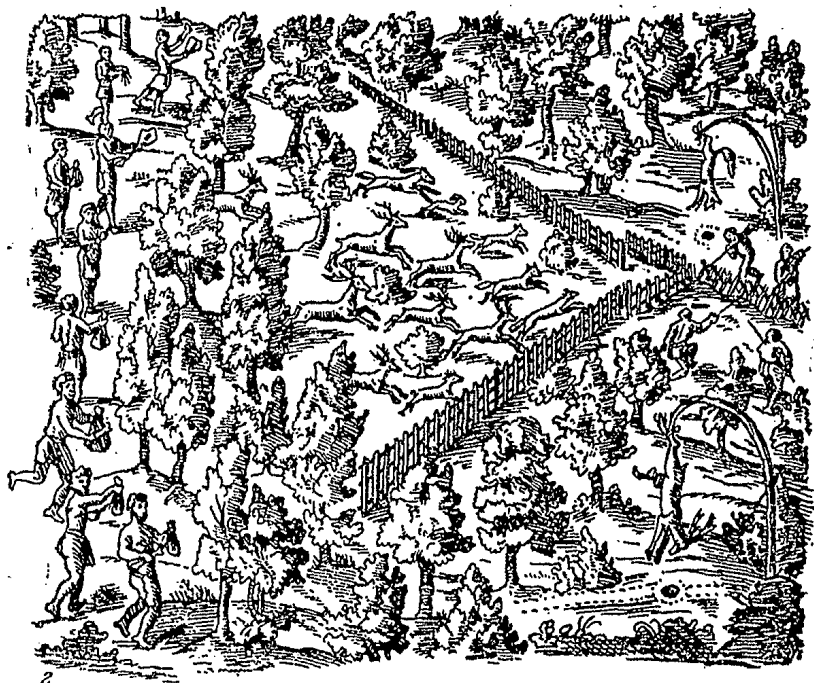
Охотники, собиратели, рыболовы:

а — австралийка с палкой-копалкой за сбором корней; б — андаманец, стреляющий из лука; в — семанг, стреляющий из духового ружья; г — загонная охота прокезов на оленей (с гравюры XVII в.)

По степени развития производительных сил с типами охотников, собирателей и рыболовов жаркого и влажного пояса сходен другой хозяйственно-культурный тип первой группы, распространенный как к югу, так и к северу от вышеописанных, — тип охотников и собирателей степей и полупустынь. По этнографическим данным он выступает наиболее ясно у австралийцев, а также у бушменов Южной Африки и ботокудов Бразильского плоскогорья

в Южной Америке. Данные археологии позволяют предполагать, что в далеком прошлом — в периоды позднего палеолита и мезолита — он был распространен в сте-

ниях и полупустынях всех частей земного шара. Можно думать, например, что он был характерен для древнейшего населения Центральной, Средней и Передней Азии, а также Северной Африки и Южной Европы, где племена охотников и собирателей несомненно предшествовали скотоводам и земледельцам. Различные группы степных охотников кочевали также в травянистой пампе Патагонии (племена охотников на гуанако) и в прериях Северной Америки (некоторые племена алгонкинов, атапасков и сиу-дакота, промышлявшие охотой на бизонов).

Несмотря на значительные культурные различия между перечисленными народами, всем им были свойственны и общие черты: большая подвижность, применение разных приемов коллективной загонной охоты, широкое использование метательного оружия (пращей у древних племен Средиземноморья, дротиков и бумерангов у австралийцев, отравленных стрел у бушменов, лассо и бола у патагонцев), сооружение легких временных жилищ с остовом из гибких ветвей, ношение плащеобразной

одежды, а иногда и обуви из шкур животных. После того как европейцы в XVI в. завезли в Америку лошадей, индейцы прерий и патагонцы быстро стали прекрасными наездниками и из пеших охотников превратились в конных.

В качестве особой хозяйственно-культурной группы жителей травянистых степей и парковых лесов выделяют иногда еще индейцев внутренней Калифорнии и некоторых других районов Северной Америки, в хозяйстве которых играло большую роль собирание различных съедобных клубней, корней, плодов и семян (в частности, водяного риса).

К охотникам и собирателям степей и полупустынь во многом близки горные собиратели, охотники и рыболовы возвышенных районов Южной и Юго-Восточной Азии, отличающихся, естественно, более суровым климатом по сравнению с соседними равнинными районами, лежащими на тех же широтах. Примерами этого своеобразного хозяйственно-культурного подтипа в недалеком прошлом были ну и отчасти дулун Юго-Западного Китая. В отличие от собирателей тропических и субтропических лесов для этих народов была характерна большая роль охоты и особенно рыболовства в горных реках и в связи с этим большая степень оседлости, находившая свое выражение в регулярных сезонных передвижениях с возвращением на места постоянного зимнего жительства. У дулун, например, существовали даже два места поселений — приречные и горные, соответствующие двум основным хозяйственным сезонам: рыболовному (зимнему) и охотничье-собирательскому (летнему). Хижины строились из бамбука или из бревен хвойных деревьев, часто на свайных платформах; известна была срубная техника. В питании заметное место принадлежало рыбе и мясу. Состав одежды был более разнообразен, чем у собирателей тропических и субтропических лесов: в холодное время использовали накидки из шкур и меха животных. Очень вероятно, что рассматриваемый подтип в прошлом преобладал у предков многих (если не всех) тибетских народов, а также у цзинпо (качинов), народов группы «и», мяо и яо, переселившихся, вероятно, в места их современного расселения из более северных районов. Многие черты этого подтипа и в настоящее время наблюдаются у различных народов Гималайской горной области в пределах Китая, Индии и Непала. Аналогии горным охотникам, собирателям и рыболовам Юго-Восточной Азии мож-

но найти — большей частью в виде пережитков — в других высокогорных зонах ойкумены (Средняя и Передняя Азия, Кавказ, Карпаты, Альпы и Пиренеи, Андское нагорье и др.).

К хозяйственно-культурным типам первой группы должен быть отнесен также тип береговых собирателей и рыболовов умеренно теплого пояса, аналогичный описанному выше типу тропиков и субтропиков, но отличающийся от последнего специфическими особенностями, развившимися в условиях более прохладного климата. Тип этот был очень характерен для многих мезолитических и неолитических племен приморских районов зоны средних широт как Северного, так и Южного полушарий. В Европе к нему относилось, вероятно, население, оставившее раковинные кучи «культуры Мугем» в Португалии, кьеккенмеддинги (буквально «кухонные остатки») в Дании и на севере Германии, может быть, также памятники культур Кунда в Эстонии и Суомусъярви в южной Финляндии. На востоке Азии близкий тип господствовал среди неолитических племен береговых районов Восточного Китая, Советского Приморья и особенно Японских островов, где он сохранился в виде пережитков до настоящего времени у айнов и частично у японцев. Развитие данного типа в Японии тесно связано со своеобразными физико-географическими условиями этой страны, в особенности с крайней изрезанностью ее береговой линии, обилем озер и рек с неисчерпаемыми водными ресурсами — рыбой, съедобными моллюсками, ракообразными, иглокожими, водорослями и т. п.

Главным занятием айнов до заимствования земледелия у японцев было рыболовство, преимущественно речное. Рыбу ловили сетями, а также острогами оригинального устройства, имеющими поворотные крючки для захвата рыбы. Лов осуществлялся и с берегов и с лодок, которые в старину представляли собой простые долбленные однодеревки. Айнские женщины собирали также съедобных моллюсков и ракообразных. Известную хозяйственную роль играла охота. Интересно, что айны — единственный народ, который так далеко на севере пользовался луком с отравленными стрелами, что было характерно для южных стран. Применялись, кроме того, различные ловушки с настороженным луком. Жилищами служили главным образом каркасные деревянные дома с камышовыми обшивкой и кровлей. Отдельно устраивались свайные амбары для хранения пищевых запасов. В большом ходу была

резная деревянная и плетеная утварь — корыта, плошки и т. п. В пищевом рационе видное место занимали рыбные кушанья — супы, студни, паштеты и др. Летней одеждой служили набедренные повязки у мужчин и распашные халаты, украшенные орнаментальной каймой, у обоих полов. Ткань для этого костюма изготовлялась на станке индонезийского типа из различных материалов.

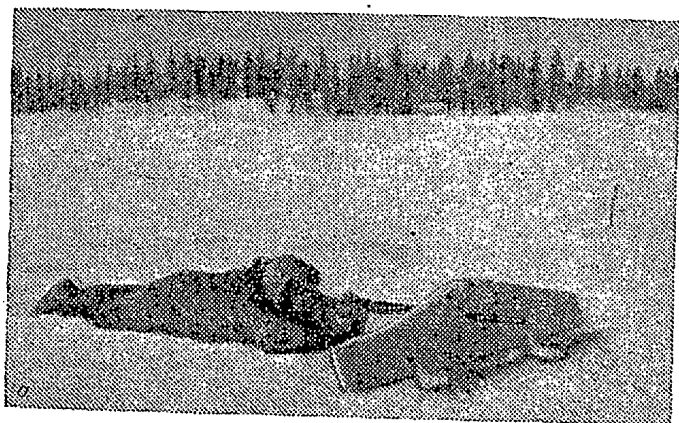
Конечно, айны не единственный народ, у которого до наших дней сохранились характерные черты типа береговых собирателей и рыболовов умеренно теплого пояса. Определенные аналогии этому типу можно проследить в самых различных странах. В Южной Америке, например, приморское собирательство и рыболовство играли основную роль в хозяйственной жизни огнеземельцев, которые широко использовали для питания моллюсков, находимых женщинами на прибрежных отмелях. Огнеземельцы собирали также съедобные грибы, охотились на птицу и различных морских животных, особенно на тюленей. Орудия приготавливались из кости, кремня и раковин. При промысле морского зверя использовался костяной гарпун с длинным ремнем. В большом ходу были лодки, сшитые из кусков коры. Жилищем многих племен огнеземельцев служил конусообразный шалаш с жердяным остовом, покрытым шкурами тюленей или гуанако. Единственной одеждой были накинутые на плечи шкуры животных. В прошлом племена, по хозяйственно-культурному облику сходные с огнеземельцами, были гораздо шире распространены в Южной Америке; свидетельствами их бывшего пребывания здесь являются раковинные кучи береговых районов Чили и южной Аргентины, чрезвычайно сходные с аналогичными памятниками Европы и Восточной Азии. Значительные хозяйственно-культурные аналогии с огнеземельцами прослеживаются по этнографическим данным у некоторых племен литторальных районов Калифорнии и у прибрежных маори Южного острова Новой Зеландии.

Тип приморских собирателей и рыболовов умеренно-теплого пояса связан в Северном полушарии рядом географических и этнографических переходов с типом рыболовов бассейнов больших рек и морских берегов более холодных районов той же климатической зоны. В Сибири тип этот возник еще в конце неолитического периода и с течением времени стал преобладающим у многих народов берегов Оби и Амура. Основной пищей здесь в течение круглого года и теперь еще служит рыба, которая

со времени рыболовного сезона заготавливается впрок главным образом в вяленом виде (юкола): Для рассматриваемого типа характерен также оседлый образ жизни, наличие постоянного жилища, часто глубокой и обширной землянки с двумя выходами — верхним и боковым. С этим же типом, по-видимому, связано возникновение и развитие упряжного собаководства. В качестве материала для изготовления одежды широко используется рыба кожа, обработка которой достигает высокой степени совершенства.

Наиболее характерными представителями рассматриваемого типа в Северной Азии были некоторые группы хантов и манси на Оби и ее притоках, а также нивхи (гиляки) и соседние с ними тунгусо-маньчжурские народы в низовьях Амура (негидальцы, ульчи, нанайцы). В прошлом тот же тип преобладал у ительменов Камчатки, этнографическое описание которых в середине XVIII в. дал русский ученый и путешественник С. П. Крашенинников. По многим особенностям хозяйства и культуры к сибирским оседлым рыболовам бассейнов больших рек были очень близки некоторые племена индейцев Северной Америки, в особенности жившие на северо-западном (тихоокеанском) побережье тлинкиты, хайда и др. У этих племен на основе развитого рыболовства (главным образом лов различных тихоокеанских лососей) возникли прочная оседлость, постоянные деревянные жилища и многие другие черты рассматриваемого хозяйственно-культурного типа (за исключением, впрочем, упряжного собаководства). Интересно, что среди всех типов первой группы именно у оседлых рыболовов — как в Северной Азии, так и в Америке — создались наиболее благоприятные условия для накопления прибавочного продукта и, следовательно, для имущественного неравенства. И у нивхов, и у тлинкитов существовало, как известно, домашнее рабство.

В таежной полосе Северного полушария отчетливо выделяется еще один древний хозяйственно-культурный тип первой группы, по некоторым особенностям близкий к предыдущему, — тип охотников и рыболовов лесов умеренного пояса. До европейской колонизации народы, принадлежавшие к этому типу, заселяли огромные пространства всей лесной зоны на территории современной Канады и севера Соединенных Штатов Америки между Атлантическим и Тихим океанами; представителями рассматриваемого типа являлись, например, многие алгон-

Охотники, собиратели, рыболовы:

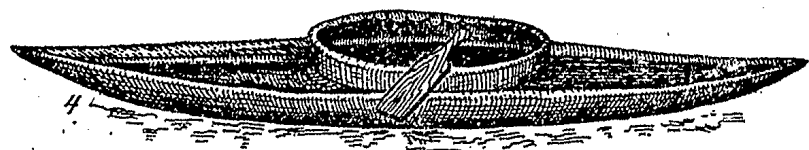
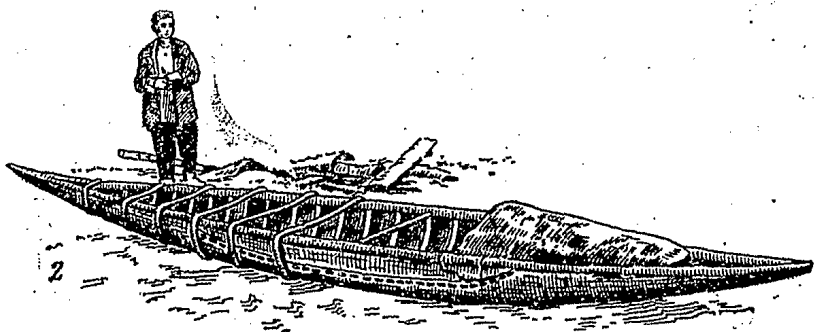
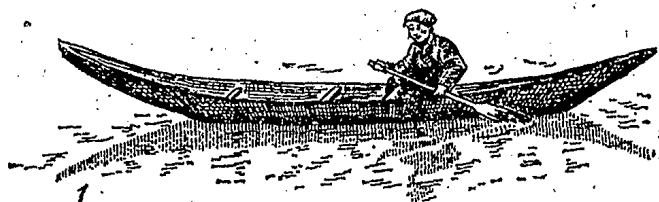
а — охота на дикого северного оленя под прикрытием щита у долган;
 б — ловля рыбы неводом у пивхов; в — охота на морского зверя у чукчей (резьба по кости)

кинские и атапасские племена. В прошлом тот же тип был широко распространен в Сибири между Тихим океаном и Уралом, а также на севере Восточной Европы, где к нему относились вероятные предки финно-угорских народов — охотничье-рыболовческие племена III—II тыс. до н. э., оставившие памятники различных неолитических культур ямочно-гребенчатой керамики. Почти до наших дней характерные особенности типа таежных охотников и рыболовов сохранились у юкагиров, занимавших раньше обширные пространства Восточной, а может быть, и Западной Сибири, отчасти также у удэгейцев и орочей Приморья и отдельных групп кетов, манси и хантов, не имевших оленей.

В целом рассматриваемый тип характеризуется отсутствием выраженной специализации в хозяйстве. Охота на лесных животных совмещается с рыболовством, роль которого в некоторых случаях бывает очень велика; большое значение имеет подледный лов рыбы в зимнее время. Жилищем лесных охотников и рыболовов зимой служат землянки и полуземлянки, а летом — легкие шалаши, большей частью типа конического чума, одинаково характерного как для населения Сибири (а в прошлом и севера Восточной Европы), так и для индейцев лесной полосы Северной Америки. В качестве сухопутного транспортного средства наряду со ступательными лыжами, по форме напоминающими теннисную ракетку, широко используется охотничья ручная нарта; для передвижения по воде служат лодки-берестянки и однодеревки. Широко употребляется распахная легкая одежда из шкур животных, очень удобная при частых и быстрых передвижениях в тайге.

Севернее, в суровых климатических условиях субарктики в прошлом был широко распространен еще один хозяйственно-культурный тип — охотники лесотундры и тундры. Наиболее ярко его особенности выражены в тундровой зоне Северной Америки у материковых эскимосов, главное занятие которых — охота на диких северных оленей (карибу) и мускусных быков. В Евразии, где народы тундровой полосы заняты оленеводством, рассматриваемый тип сохранялся до недавнего времени (XVIII—XIX вв.) главным образом пережиточно у некоторых групп юкагиров, долган, нганасанов и саамов (лопарей).

Основными объектами охоты наряду с дикими северными оленями, и в настоящие дни еще живущими кое-где в тундре Восточной Сибири, были песцы, мелкие мы-

Типы лодок охотников

1 — однодеревка; 2 — лодка-берестянка; 3 — индейская пирога; 4 — эскимосский каяк

шевидные грызуны, в особенности лемминги, а также различные птицы. На дикого северного оленя до прощикновения огнестрельного оружия охотились с луком и стрелами при помощи оленя-«маньщика» или из-за специального заслона. Хорошо известны были и различные способы

загонной охоты. Для ловли более мелких животных и птиц применялись разнообразные силки, петли и капканы. На птиц эскимосы охотились с дротиками с двумя и тремя зубцами. Дротики бросали при помощи метательной дощечки; сбивали птиц и посредством бола, который представлял собой несколько просверленных костяных шариков, связанных сухожильной нитью.

Материальная культура тундровых охотников была близка к культуре охотников тайги (ручная нарта, ступательные лыжи, конические шалаши, крытые обычно шкурами животных, и др.). Только легкая распахная одежда, характерная для охотников тайги, заменялась более теплой глухой меховой одеждой и обувью.

В процессе продвижения на север береговых рыболовов и таяжных охотников в специфических условиях арктических приморских районов, богатых морским зверем, выработался своеобразный тип арктических охотников, представленный в Сибири главным образом береговыми чукчами и коряками, а в Северной Америке — эскимосами, расселенными в Арктике от Аляски на западе до Гренландии на востоке. Обилие основных объектов охоты — моржей, тюленей, китов и других морских животных — обеспечивало для этих народов длительное пребывание на одном месте, оседлый образ жизни. В связи с этим сложился и характерный тип жилища — землянка или снежный дом «иглу» у эскимосов.

Отсутствие дерева в безлесных пространствах Арктики привело к возникновению своеобразного способа отопления и освещения при помощи каменной жировой лампы. Вместо дерева и бересты основным материалом служила кожа морского зверя, идущая на изготовление лодок (каяк, байдара), домашней утвари и т. д. Возможность прокормить мясом и рыбой значительное количество собак позволило развить упряжное собаководство как основной вид сухопутного транспорта. Для арктических охотников характерна также глухая (не распахная, надеваемая через голову) тяжелая одежда, хорошо сохраняющая тепло, но несколько стесняющая свободу движений. Археологические, топонимические и историко-фольклорные материалы позволяют предполагать, что рассматриваемый тип в прошлом, начиная с периода неолита, а может быть, и мезолита, был распространен также у берегов Ледовитого океана в Западной Сибири и Восточной Европе вплоть до Белого моря и Скандинавии на западе. Племена арктических морских зверобоев при-

нимали, вероятно, участие в этнической истории не только эскимосов, алеутов, коряков и чукчей, но и таких народов, как пенцы и лопари (саамы).

РУЧНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Из хозяйственно-культурных типов второй группы для влажных тропиков и отчасти субтропиков характерен тип мотыжных (ручных) земледельцев жаркого пояса, развившийся здесь еще в конце мезолита или начале неолита на основе различных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ и особенно рыболовческих групп. В настоящее время к этому типу относятся некоторые небольшие народы Индии, Индокитая, Южного Китая, Индонезии и Филиппин, незнакомые с пашенным земледелием, а также папуасы, меланезийцы, многочисленные племена тропической Африки, бассейнов Амазонки и Ориноко в Америке. Уровень социально-экономического развития перечисленных народов различен, но основные особенности рассматриваемого типа у них проявляются вполне ясно. К этим особенностям принадлежат мотыжное (ручное) земледелие с культивированием главным образом клубнеплодов и корнеплодов (ямс, таро, батат, картофель, маниок* и др.), местами богарного (суходольного) риса, а также банана, сахарного тростника, различных видов пальм — кокосовой, саговой и т. п., употребление в качестве основного орудия обработки почвы «сажального кола»; очень большая, иногда преобладающая роль женского труда в сельском хозяйстве; наличие из домашних животных собаки и у некоторых групп Азии и Африки — свиньи и домашней птицы; сравнительно прочная оседлость, каркасно-столбовые постоянные жилища (часто на сваях), преимущественно прямоугольного, реже круглого плана; поясная одежда из растительных волокон; наличие гончарства без гончарного круга; изготовление материи из луба**;

широкое использование бамбука в качестве строительного материала и при изготовлении различных хозяйственных и бытовых предметов, высоко развитое искусство плетения; преобладание растительной пищи над животной, рыбных блюд над мясными (что указывает, между прочим, на первоначальное возникно-

* Три последние культуры имеют американское происхождение.

** В Полинезии эта материя носит название «тапа».

вание земледелия преимущественно у собирательно-рыболовческих, а не у охотничьих племен).

Распространенный в докапиталистическую эпоху на огромной территории хозяйственно-культурный тип мотыжных земледельцев жаркого пояса распадается, естественно, на ряд локальных вариантов. Так, в Индонезии и Индокитае можно выделить по крайней мере две основные группы ручных земледельцев. Первая из них характеризуется преобладанием подсечно-огневого земледелия, при котором главными орудиями труда являются ножи и топоры-тесла, употребляемые как для расчистки лесного участка, так и для рыхления почвы. Группа эта в свою очередь включает две подгруппы: в одной из них главными сельскохозяйственными культурами являются различные клубне- и корнеплоды (папуасы и отчасти меланезийцы Западного Ириана), в другой — суходольный рис (многие народы внутренних районов Молукков, Сулавеси, Калимантана, Суматры, а также Вьетнама, Лаоса, Таиланда и Бирмы). Вторая группа ручных земледельцев Юго-Восточной Азии обрабатывает свои поля постоянно (подсеки нет). Основным орудием здесь часто является мотыга, главной культурой — суходольный рис. В Индонезии к этой группе принадлежат многие народы на востоке страны (острова Нуса Тенггара, или Малые Зондские, Молукки, отчасти Сулавеси). В Индонезии и на Филиппинах встречаются также народы, которые не знают или почти не знают пахотных орудий, но уже знакомы с первичными формами ирригации. Например, некоторые группы батаков на Суматре, тенггеры и бадуи на Яве заливают свои поля дождевой водой. Есть, наконец, на юго-востоке Азии земледельческие народы, которые не применяют плуга, но для рыхления почвы прогоняют по влажному полю буйволов. Так поступают, в частности, даяки-мурут на Калимантане (Борнео), и ли на острове Хайнань. Близкие аналогии почти всем описанным подтипам мотыжных земледельцев жаркого пояса можно найти и далеко за пределами Юго-Восточной Азии — в Индии, тропической Африке, Южной и Средней Америке.

Большим своеобразием отличаются также этнографические черты микронезийцев и полинезийцев — обитателей множества преимущественно мелких островов Тихого океана, выработавших в процессе их освоения ряд специфических хозяйственных и культурных особенностей. Основным источником существования этих народов яв-

Ручные земледельцы:

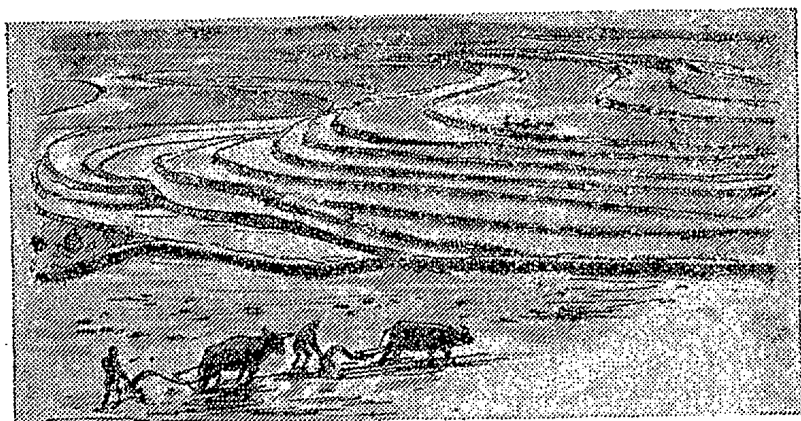
а — вскапывание земли кольями. Новая Гвинея; *б* — африканские женщины за обработкой поля

ляется, несомненно, ручное земледелие собственно мотыжного типа с постоянными полями и употреблением мотыги со шлифованным камешным наконечником в качестве основного орудия труда. Наиболее распространенные сельскохозяйственные культуры — таро, кокосовая пальма, хлебное дерево. Микронезийцам Марьянских

островов был известен, однако, и суходольный рис. Очень характерны для микронезийцев и полинезийцев также особенности, как развитие мореходства и связанные с ним типы судов (лодки с противовесом, или аутригером, двойные лодки и др.), разнообразные навыки в использовании скудных природных ресурсов тихоокеанских островов — дерева, пальмовых вайев (листьев), растительных волокон, раковин и т. п. Некоторые советские этнографы (например, С. А. Токарев) выделяют полинезийцев и микронезийцев в особый хозяйственно-культурный подтип или даже тип — островной, или океанийский.

Своеобразный «предгорный» вариант типа мотыжных земледельцев жаркого пояса намечается у некоторых народов Юго-Восточной, Восточной и Южной Азии, живущих в возвышенных субтропических районах и только недавно (в XIX—XX вв.) начавших применять пахотные орудия (боптоки, пгорроты, пфугао и другие «горные» народы Филиппин, многие мон-кхмерские, индонезийские, тибето-бирманские и тайские племена плоскогорий Индокитая и северо-восточной Индии, кава, цзинпо, отчасти также мяо и ло, ли и гаошань на юге Китая). Основными сельскохозяйственными культурами являются у этих народов таро, а также рис — большей частью заливной (на террасах), но нередко и суходольный. Заметную роль играют, однако, и другие культуры, преимущественно северного происхождения (кукуруза, сорго, просо и т. п.).

От описанного «предгорного» варианта можно наметить ряд постепенных переходов к особому хозяйственно-культурному типу ручных земледельцев горной зоны, характерному для многих народов группы «п» (лоло), а также — в специфическом варианте — для части тибетцев (преимущественно в бассейне верхней Брахмапутры — Цангпо) и близких к ним этнических общностей. Для этого типа, сложившегося уже в условиях умеренного и даже прохладного климата, характерны холодостойчивые сельскохозяйственные культуры — овес, ячмень, отчасти пшеница, гречиха, конопля, сурепка. Рис известен повсеместно, но занимает второстепенное место. С применением плуга и ирригации высокогорные земледельцы познакомились сравнительно недавно, вероятно, под влиянием равнинных народов Индии и Китая; в основном земледельце и в наши дни остается богарным (суходольным), а у некоторых народов также мотыжным.

Террасы рисовых полей у ифугао (Филиппины)

Животноводство, носящее пастушеский характер, обычно играет значительную роль; в составе стада много овец и коз, которые пасутся круглый год на горных лугах. На юге Тибета встречаются и яки. Для вьючного транспорта широко используются ослы и лошади, помеси между ними, быки и яки, иногда овцы. В домашнем производстве видное место занимают различные виды обработки камня, дерева, кож, шерсти и меха.

Жилище разнообразно: наряду с глинобитными саманными и сырцово-кирпичными постройками встречаются срубные, каменные и комбинированные дома. Срубная техника в старину преобладала у народов, живущих в зоне высокогорных хвойных лесов (например, у насипу, некоторых групп «и», южных тибетцев). Интересно двухэтажные срубно-столбовые амбары, в нижнем ярусе которых иногда содержится скот. У «и» Даляньшаня и Сяоляншаня на юго-западе Китая, а также у оседлых тибетцев, где хвойного леса мало или совсем нет, встречаются двухэтажные каменные дома-крепости со смотровыми башнями. Очаги, как правило, помещаются внутри жилищ. В питании большое место занимают всевозможные лепешки (овсяные, гречневые, кукурузные и др., заменяемые в Тибете ячменной цзамбой); мясо, особенно в Тибете, едят чаще, чем земледельцы тропиков и субтропиков. Тибетцы употребляют молочные продукты, в частности выдержанное топленое коровье масло. В большом ходу кирпичный черный чай. В костюме видное место занимают меховые, войлочные и шерстяные накидки,

а также меховые безрукавки. У тибетцев распространены суконные халаты и шубы. Среди разнообразных головных уборов выделяются вязаные шерстяные колпаки и меховые шапки всевозможных фасонов. Обувь применяется гораздо чаще, чем в жарком поясе. В Тибете босиком ходят редко, зато кожаная обувь разных типов (частично сыромятная) вполне обычна.

За пределами Восточной и Центральной Азии хозяйственно-культурный тип горных ручных земледельцев и пастушеских скотоводов изучен еще очень мало, так как он почти повсеместно перекрыт типами, связанными с применением пахотных орудий и тягловой силы домашних животных. Несомненно, однако, что до распространения пашенного земледелия различные варианты рассматриваемого типа были очень характерны для народов многих высокогорных районов ойкумены: для Западных Гималаев, Гиндукуша, Памира, Кавказа, Карпат, Альп, Пиренеев, Андийского нагорья Южной Америки. В последнем районе, например, в качестве вьючного животного была известна лама, способ использования которой во многом аналогичен использованию яков в Центральной Азии. Двухэтажные каменные или комбинированные дома-крепости тибетцев очень сходны с такими же постройками памирских таджиков, буришей, кафиров и кашмирцев, горных групп грузин — сванов и хевсуров, различных народов Дагестана, черноморцев в Динарских Альпах, романшей и ладинцев Тироля и Швейцарии, наконец, басков. Много аналогий между различными народами этого типа наблюдается и в области костюма. Сюда относятся, например, кавказские бурки, шерстяные накидки и плащи-пончо кечуа и аймара Южной Америки, а также различные головные уборы, в частности фетровые шляпы тибетцев, карпатских украинцев (гуцулов) и тирольтцев, в особенности береты басков, развившиеся, вероятно, из шерстяных колпаков и получившие в наши дни широкое распространение по всему миру.

К зоне преобладания типов мотыжных земледельцев жаркого пояса и высокогорных районов в Северном, а частично и в Южном полушарии с неолитического периода прилежала столь же обширная область распространения другого хозяйственно-культурного типа — мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий. Новейшие археологические материалы, относящиеся к земледельческим племенам Восточного Средиземноморья конца мезолита или начала неолита (VIII—VII тыс. до н. э.), по-

зволюют предполагать, что тип этот является древнейшим из всех типов второй группы. К нему, несомненно, относились многие неолитические группы населения Азии и Европы, оставившие памятники таких культур, как Яншао и Луншань на севере Китая, Анау в Средней Азии, Триполье и близкие к нему культуры с крашеной керамикой на юго-востоке Европы. В Америке к тому же типу могут быть отнесены племена индейцев пуэбло, а также многие народы области древних высоких культур Центральной и Южной Америки.

Для всех этих групп характерны следующие особенности: развитое мотыжное земледелие с преобладающей ролью зерновых, в первую очередь пшеницы и проса (в Америке — кукурузы), а также различных бахчевых, в особенности тыквы; наличие крупного и мелкого рогатого скота (в Южной Америке местами ламы и альпака); оседлый образ жизни; плоскодонная керамика, часто с богатой полихромной росписью, изготовлявшаяся первоначально без гончарного круга; прямоугольное жилище с земляным полом и стенами из глины, самана, сырцового кирпича или плетня, обмазанного глиной; развитое ткачество и изготовление шитой одежды преимущественно из хлопчатобумажных тканей; преобладание растительной пищи, в частности различного рода лепешек и густых каш типа мамалыги. В наиболее засушливых местах распространения рассматриваемого типа, вероятно, уже в период неолита и бронзового века (IV—II тыс. до н. э.) возникло искусственное орошение. Если в Америке тип мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий сохранился до начала европейской колонизации, то в Евразии на его основе уже с III—II тыс. до н. э. стали развиваться различные виды пашенного земледелия. Несомненно также, что на базе рассматриваемого типа сложились древнейшие классовые общества Двуречья, Египта, Передней и Средней Азии, северо-западной Индии и Китая. В Центральной и Южной Америке, где пахотные орудия до появления европейцев известны не были, на мотыжно-земледельческой экономической базе самостоятельно развились раннеклассовые государства майя, науа, ацтеков, чибча-мунсков и других народов.

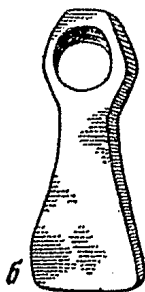
Еще одним хозяйственно-культурным типом второй группы следует считать ручных земледельцев лесной зоны умеренного пояса. В лесных областях Европы тип этот был широко распространен с периода позднего нео-

дита вплоть до проникновения сюда с юга плужного земледелия уже на заре классового общества. В Северной Америке у прокезских, атапасских, алгонкинских и других племен, расселенных на территории современных США и Канады, ручное земледелие оставалось основным видом сельского хозяйства вплоть до периода европейской колонизации. Основу рассматриваемого типа составляло подсечно-огневое земледелие. Главными сельскохозяйственными культурами в Евразии были первоначально ячмень, овес и рожь, из технических — лен и конопля, а также различные овощи, в особенности репа и брюква. В Америке аналогичную роль играли кукуруза (маис), картофель и хлопок. Заметное, но все же подсобное значение у евразийских лесных земледельцев имело животноводство (преимущественно крупный рогатый скот и свиньи). Существенное место в хозяйстве долго сохраняли рыболовство и охота. Известно также было бортничество. Характерные черты культуры и быта этого типа следующие: оседлый образ жизни, деревянное (каркасно-столбовое или срубное) жилище, обычно с высокой крышей, открытым очагом, камном или духовой печью, иногда полуземляночное; развитое гончарство, различные виды обработки дерева, ткачество; одежда (у европейских и азиатских народов) преимущественно из льняных или пеньковых, отчасти шерстяных тканей (туникообразные рубахи, неспитые или спитые юбки, мужские штаны с узким шагом и др.); обувь первоначально деревянная типа постолов или плетеная из лыка (лапти), реже кожаная. В пище растительные блюда, похлебки, каши, позднее кислый хлеб сочетаются с рыбными и в меньшей степени с мясными и молочными; из напитков наиболее характерны мед и ячменное пиво.

В лесной зоне Европы, некоторых областей Азии (Южная Сибирь, Приамурье, Приморье и Маньчжурия, север Кореи) рассматриваемый тип пришел на смену более древнему хозяйственно-культурному типу охотников и рыболовов лесной полосы. Смена типов была, несомненно, связана с распространением земледелия из более южных районов, а частично, вероятно, и с внедрением в среду охотников и рыболовов степных и лесостепных земледельческих, а в Европе и Азии также земледельческо-пастушеских племен. По археологическим данным, процесс этот очень ясно прослеживается на территории европейской части СССР, где во II тыс. до н. э. посетители культур боевых топоров — прибалтийской, фатьяновской

И

Ручные земледельцы:

- а — сбор початков кукурузы у ирокезов;
- б — железная мотыга русских крестьян VIII—X вв.;
- в — легендарный первый земледелец Китая Шэньгун

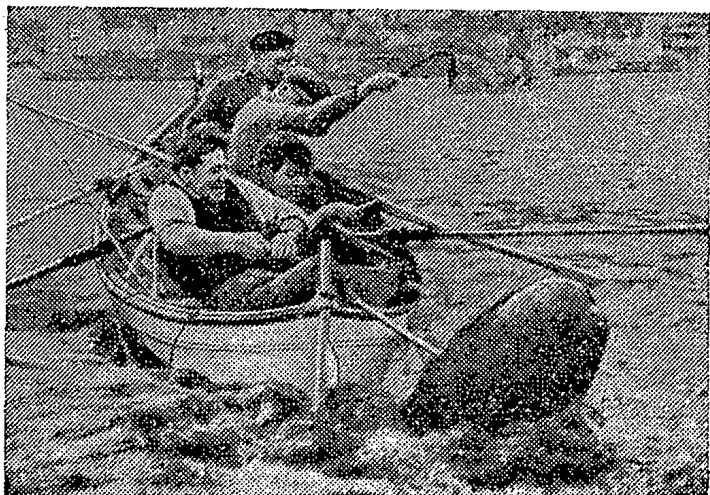

и др., — говорившие, вероятно, на индоевропейских языках, дворясь на север, интенсивно смешивались с жившими там ранее охотниками и рыболовами (предками современных финно-угорских народов). Понятно поэтому, что мотыжные земледельцы лесной зоны унаследовали от своих предшественников многие хозяйственные и культурные черты: всевозможные орудия охоты и рыболовства (например, капканы, силки, верши, различные сети), типы лодок-берестянок и одноподеревков, лыжи и др. Позднее, в железном веке — в I тыс. до н. э. и в первых веках новой эры, среди лесных земледельцев

распространились пахотные орудия и начался переход к хозяйственно-культурным типам третьей группы. Однако многие характерные особенности предшествующего типа продолжали сохраняться и даже развиваться, дожив до настоящего времени. И в наши дни эти особенности в самых разных сферах хозяйства, культуры и быта легко наблюдать у большинства европейских народов — славянских, балтийских, германских, романских и кельтских.

1 СКОТОВОДЫ

Животноводческие типы второй группы начали формироваться в Евразии и Африке несомненно позднее земледельческих, скорее всего в III—II тыс. до н. э., когда возникло первое великое разделение труда между земледельческими, оседлыми и скотоводческими, преимущественно кочевыми племенами. Окончательному размежеванию этих двух групп предшествовал длительный период постепенного роста роли животноводства в комплексном хозяйстве населения степей и полупустынь, которое генетически было связано с древними племенами охотников и собирателей этой зоны. По-видимому, в рассматриваемое время сложился хозяйственно-культурный тип пастушеских скотоводов и земледельцев, в экономике которых разведение домашних животных сочеталось с мотыжным земледелием. Племена этого типа вели еще оседлый или полuosедлый образ жизни, при котором скот большую часть года содержался на подножном корму под наблюдением особых пастухов. Пастбища располагались иногда вблизи постоянных поселений, иногда же довольно далеко от них; в последнем случае туда выезжала на летний период значительная часть населения. Древние культуры «степной бронзы» (III—II тыс. до н. э.), широко распространенные в Евразии на огромных пространствах между Дунаем на западе и Амуром на востоке, были созданы, вероятно, именно пастушеско-земледельческими племенами, принадлежавшими к рассматриваемому типу. К нему же относились, в частности, предки индоевропейских народов Северного Причерноморья и Средней Европы, оставившие многочисленные археологические памятники с боевыми топорами и шнуровой керамикой. Упомянутое выше проникновение на север «фатьяновцев» и близких к ним племен Прибалтики было одним из конкретных эпизодов расселения индоевропейцев.

Промысел гринды (мелкого кита) у фарерцев

В более поздние периоды многие черты рассматриваемого типа сохранялись у различных индоевропейских народов, например у индоарийцев в период их расселения в Северной Индии или у германцев эпохи Цезаря и Тацита. В настоящее время подобные же черты в различных сферах культуры и быта наблюдаются, большей частью пережиточно, у некоторых народов, хозяйство которых и теперь носит комплексный скотоводческо-земледельческий характер (венгры, некоторые группы скотоводов Югославии, Болгарии и Румынии, отчасти также литовцы, южные башкиры, народы Северного Кавказа и др.).

В Северной Европе и в наши дни встречаются отдельные народы, для которых характерна большая экономическая роль пастушеского скотоводства. Так, например, у северных норвежцев и шотландцев скотоводство этого типа с преобладанием в стаде овец сочетается не столько с земледелием, сколько с рыболовством и морским зверобойным промыслом. На Фарерских островах и в Исландии, где земледелие почти невозможно, овцеводство выступает на первый план наряду с рыбной ловлей и охотой на морских животных. В Восточной Сибири животноводство (крупный рогатый скот, лошади, отчасти северные олени) сочетается у якутов с сухопутной охотой и речной рыбной ловлей.

В процессе дальнейшего развития и специализации пастушеско-земледельческих групп сложился хозяйствен-

по-культурный тип скотоводов-кочевников степей и полупустынь. Областью его формирования были открытые ландшафты засушливой зоны, где отсутствовали возможности развития искусственного орошения, но зато имелись обильные пастбища. Именно в этих местах все большее и большее экономическое значение приобретало скотоводство, хозяйство становилось высокоспециализированным, складывался кочевой образ жизни, паложивший глубокий отпечаток на все культурно-бытовые особенности народов, принадлежавших к рассматриваемому типу. Из домашних животных основную хозяйственную роль играли лошади, крупный и мелкий рогатый скот, в особенности овцы, наиболее приспособленные к тебепевкам*, а в некоторых областях, имевших характер полупустынь и пустынь, также верблюды. Основу питания составляла мясная и молочная пища, в связи с чем вырабатывались различные способы приготовления молочных продуктов: сыра и кислого молока, а также напитков типа кумыса, араки (молочной водки) и т. п. Главным видом жилища скотоводов-кочевников были различные переносные шатры, покрытые полотнищами из шерсти (ткаными или валяными), или реже кожей. Утварь, в частности посуда, также была преимущественно кожаной. Гончарство, как правило, отсутствовало. Одежда была шерстяной, кожаной, меховой. Очень характерны мужские и женские штаны с широким шагом, удобные при верховой езде, распашные куртки и халаты; кожаными, валяными, реже меховыми были также головные уборы и обувь.

Из древних народов характерными представителями рассматриваемого типа были в Европе скифы-кочевники и сарматы, а в Азии близкие к ним этнически саки и массагеты. К тому же типу относились многочисленные тюркоязычные и монголоязычные народы древности и средневековья, начиная с «хунну» китайских источников, достигших в IV в. н. э. Европы под именем гуннов. Из современных народов кочевниками-скотоводами были в недалеком прошлом монголы, киргизы, казахи, каракалпаки, часть туркмен, а также различные тюркские, иранские и арабские племена Передней Азии и Северной Африки. Многие особенности того же хозяйственно-куль-

* Тебепевка — зимнее пастбище, где скот находится на подпожном корму.

турного типа были еще недавно свойственны некоторым народам Восточной и Южной Африки, например зулусам, бечуанам, готтентотам, горным дамара и др.

Можно говорить о существовании нескольких локальных вариантов типа кочевников-скотоводов степей и полупустынь — центральноазиатском, среднеазиатском, переднеазиатском, аравийско-африканском, южноафриканском и т. д. Для центрально- и среднеазиатских кочевников, например, характерно преобладание в поголовье домашних животных — лошадей и овец, а также распространение войлочных юрт в качестве основных жилищ. В Передней Азии, Аравии и Северной Африке большую роль в хозяйстве играют верблюды и козы, жилищами же служат преимущественно шатры и палатки. На юге Африки лошадей и верблюдов нет, стада состоят почти исключительно из крупного рогатого скота; жилищами служат круглые легкие хижины с жердяным остовом, располагаемые на стойбищах по кругу с загоном для скота в центре (так называемый «крааль»).

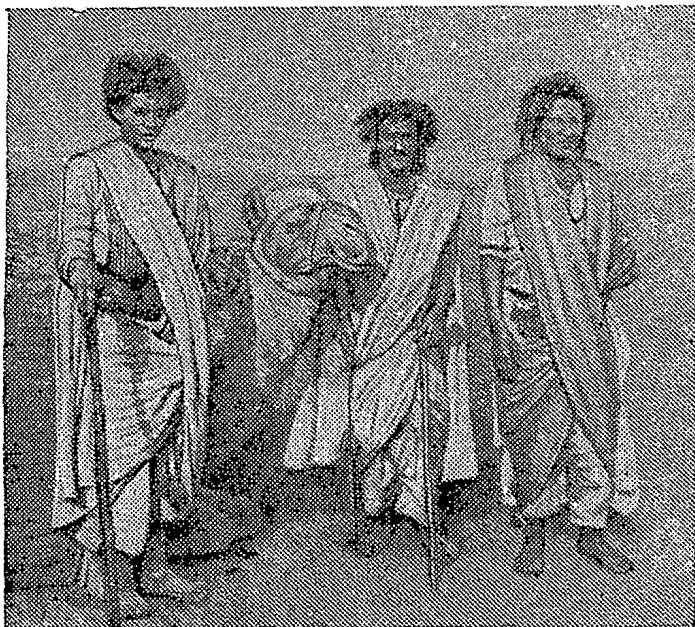
На высокогорном плато северного и западного Тибета сложился еще один своеобразный хозяйственно-культурный тип второй группы — тип высокогорных скотоводов-кочевников. Экономической основой этого типа является животноводство на полупустынных и холодных горных плато; перекочевки совершаются обычно на небольшие расстояния. У многих групп имеются даже небольшие постоянные поселки, в которых часть населения занимается земледелием. Кочевой образ жизни сочетается у этих групп с оседлым. Разводят преимущественно яков, покрытых густой и длинной шерстью и хорошо приспособленных к суровому тибетскому климату. Шерсть яков используется для изготовления кошм, войлоков и шерстяных тканей, кожа идет на выделку обуви и других бытовых вещей, мясо и молоко употребляются в пищу. Навоз яков используется как топливо. Применяются яки и для транспорта (главным образом, вьючного); трудные горные тропы они преодолевают прекрасно. Кроме яков, в состав стада высокогорных скотоводов входят овцы, козы, крупный рогатый скот и лошади; издавна известны цзо, или сарлыки — помеси между яками и коровами, дающие хорошее молоко и отличающиеся более покладистым нравом по сравнению с чистопородными яками. Очень характерно для рассматриваемого хозяйственно-культурного типа развитие всех отраслей домашнего производства и ремесла, связанных с переработкой жи-

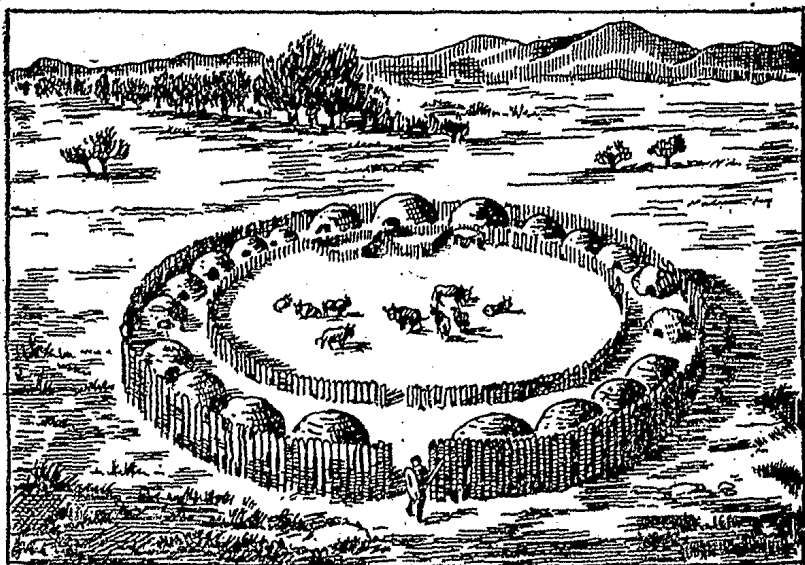
Тибетцы с яком

вотного сырья (кожевенное и шерстобитное дело, прядение и тканье шерсти).

Основное жилище высокогорных скотоводов — переносный прямоугольный шатер на жердяном каркасе, покрытый шкурами животных, кошмами и полотнищами шерстяной (чаще всего черной) ткани. В последнее время в качестве материала употребляется также брезент (особенно летом). Очаг помещается внутри жилища; он служит одновременно для приготовления пищи и отопления. Утварь и посуда большей частью кожаные, деревянные или чугунные; керамики почти нет. В питании существенная роль принадлежит вареному мясу, салу, топленому выдержанному маслу, кислому молоку. Хорошо известна, конечно, и цзамба, обычно получаемая от земледельческих соседей. Наиболее распространенные способы приготовления мясных кушаний — варка в подвесном или укрепленном на треноге чугунном котле и

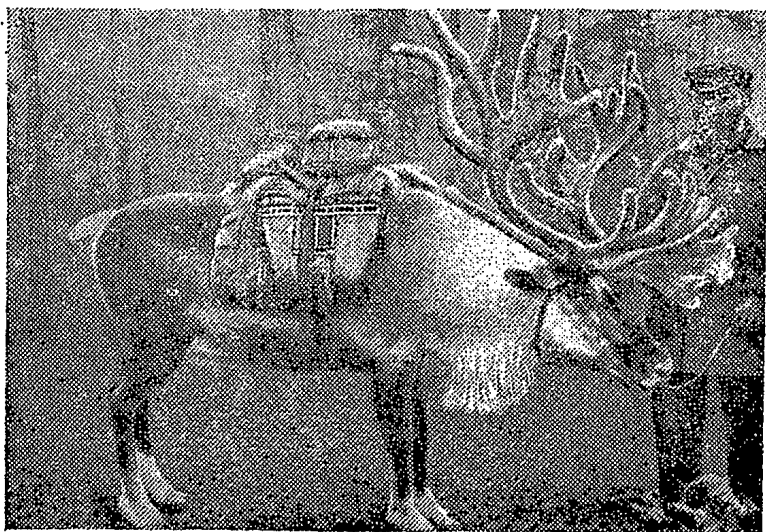
Кочевники бишарины с верблюдом. Северо-восточный Судан

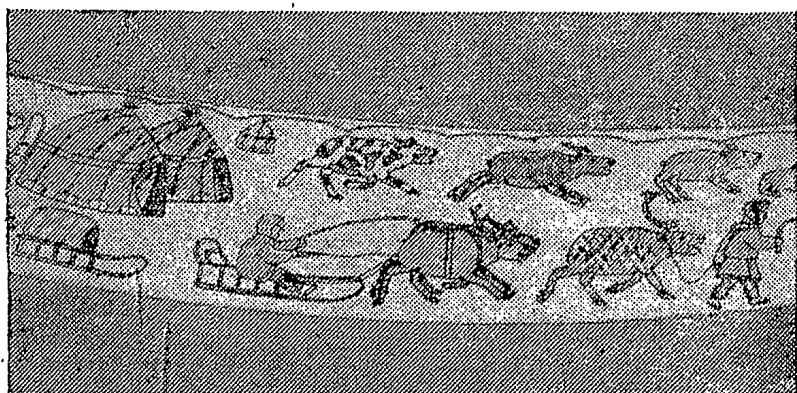
Край з зулусов Южной Африки

поджаривание на вертеле над открытым очагом. Главные элементы костюма — суфонные халаты и штаны, меховые шубы, кожаные сапоги, меховые шапки разной формы. Халат или шубу обычно носят на левом плече (при открытом правом); в жаркое время эта одежда может быть целиком спущена до пояса и завязана вокруг талии. Этот обычай связан с резкими суточными колебаниями температуры. Наиболее характерными представителями типа высокогорных скотоводов являются кочевые и полукочевые группы тибетцев самых суровых по своим климатическим условиям центральных и северо-западных районов Тибета. Тибетцы, живущие в более мягких условиях в округе Чамдо, северо-западной Юньнань, Сычуани и Цинхэ, по общему этнографическому облику являются как бы переходными от этого типа к соседним — высокогорно-земледельческому на юге и западе и животноводческо-степному на севере. Переходные черты к земледельческим народам юго-западного Китая выступают, например, у сифань — тибетской этнографической группы на севере Юньнань. Хозяйственно-культурные связи с кочевниками степного типа (главным образом монголами) наиболее отчетливо прослеживаются у тибетцев Цинхэ. За пределами высокогорных плато Центральной Азии рассматриваемый хозяйственно-культурный тип не прослеживается, поскольку нигде на земном шаре нет столь возвышенных районов, населенных скотоводами.

Распространение оленеводства, возникшего у народов Северной Азии под влиянием коневодства, привело к развитию на основе древнего типа таежных охотников нового хозяйственно-культурного типа второй группы — таежных охотников-оленоводов. В условиях тайги оленеводство получило преимущественно транспортное значение. Появление этого нового вида транспорта сделало таежного охотника еще более подвижным, позволило ему значительно расширить район кочевания. Основные особенности материнской культуры с распространением оленеводства остались в значительной степени прежними: тот же чум, лодка-берестянка, распахной тип одежды и т. д. Оленеводство в этом хозяйственно-культурном типе выючно-верховое, что связано, с одной стороны, с малой пригодностью нартовой езды в сибирской тайге, с другой же стороны — с небольшими размерами оленьего стада. Самыми характерными представителями этого типа являются эвенки, расселившиеся на огромном пространстве от Енисея до Охотского побережья. Сюда же

Вьючный олень эвенков

Тундровое оленеводство у чукчей (резьба по кости)

относятся эвены (ламуты) и некоторые другие группы таежной полосы Сибири.

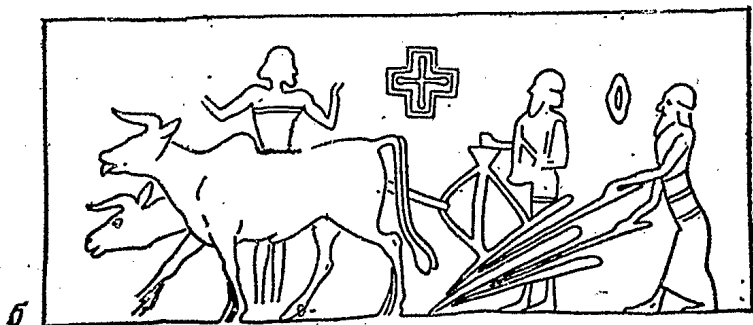
Наконец, в полосе тундры выработался в еще более позднее время хозяйственно-культурный тип оленеводов тундры. Богатые пастбищами пространства тундры создали возможность значительно увеличить численность оленьих стад. Здесь олень является не только и даже не столько 'транспортным' животным, сколько основным

источником существования: мясо его — главная пища, шкура служит и для изготовления одежды, и для покрытия жилища, и для разных домашних поделок. Транспортное оленеводство — нартово-упряжное. Одежда — глухого покроя; при езде на оленней нарте в открытой тундре она необходима; при верховой езде на олене в тайге, напротив, неудобна. Рассматриваемый хозяйственно-культурный тип имеет две географические области распространения: на крайнем северо-востоке Сибири у чукчей и коряков и на северо-западе — у ненцев и соседних с ними народов. Два последних хозяйственно-культурных типа в Америке не получили распространения, так как северный олень не был там одомашнен.

ПАШЕННЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Проблема формирования хозяйственно-культурных типов третьей группы тесно связана с вопросом происхождения пашенного земледелия вообще. Если мотыжное (ручное) земледелие у народов различных частей света возникло, по всем данным, самостоятельно в отдельных центрах Евразии, Африки и Америки, то вопрос о месте и времени древнейшего применения пахотных орудий не может считаться окончательно разрешенным. В Америке до начала европейской колонизации в XVI в. пашенное земледелие полностью отсутствовало. То же можно сказать об Австралии и Океании, почти всей Африке к югу от Сахары, большей части Сибири и многих горных и лесных районах Южной и Юго-Восточной Азии. Очевидно, таким образом, что область распространения хозяйственно-культурных типов третьей группы еще сравнительно недавно (в докапиталистическую эпоху) была гораздо уже области преобладания типов двух первых групп.

Если заглянуть в глубь времен и обратиться к археологическим данным периода бронзового и начала железного веков (конец III — начало I тыс. до н. э.), то легко будет заметить, что тогда пахота с применением тягловой силы домашних животных была известна на еще более ограниченной территории, главным образом в пределах засушливого субтропического и отчасти умеренного пояса. Поэтому можно сделать вывод о том, что из всех хозяйственно-культурных типов третьей группы древнейшим является тип пашенных земледельцев засушливой

Пашенные земледельцы:

а — пахота в Древнем Египте; б — пахотное орудие с саялкой (Двуречье)

зоны. Именно в пределах этой зоны, первоначально в долинах Тигра и Евфрата, а также Нила, а позднее в долинах Инда и Ганга, Амударьи и Сырдарьи, Янцзы и Хуанхэ на основе развитого мотыжного земледелия с применением искусственного орошения и разведения различных пород домашних животных, в первую очередь крупного рогатого скота, возникли древнейшие очаги земледельческого хозяйства с использованием тягловой силы этих животных, т. е. древнейшие очаги пашенного земледелия.

До сих пор в этнографической науке идет спор о том, распространились ли пахотные орудия первоначально из одного очага или же они были изобретены самостоятельно разными народами. Поскольку археологические, иконографические (живописно-изобразительные), а отчасти и письменные источники говорят о том, что тягловую силу домашних животных при пахоте стали применять раньше всего (конец IV — начало III тыс. до н. э.) в Двуречье и в долине Нила, наиболее вероятно, что рас-

пространение пашенного земледелия происходило в пределах засушливой зоны в направлении с запада на восток через Переднюю и Среднюю Азию вплоть до Северной Индии и еще дальше до Северного Китая. Во всяком случае в бассейне Хуанхэ достоверные сведения о применении плуга относятся только к I тыс. до н. э.

Введение в практику сельскохозяйственных работ пахотных орудий в сильнейшей степени способствовало быстрому развитию производительных сил общества, впервые в истории человечества создавало условия для постоянного накопления прибавочного продукта и неуклонного роста населения. Вполне понятно поэтому, что возникновение пашенного земледелия и особенно его широкое распространение по поверхности земли в общем и целом совпадают с другими крупнейшими событиями в истории человечества — началом металлургии бронзы, а затем и железа, отделением ремесла от земледелия, дифференциацией сельского и городского населения, развитием раннеклассового общества и т. д. Позднее пашенное земледелие распространилось из указанных очагов на обширные пространства Южной, Восточной, Центральной, Средней и Передней Азии, Европы и Северной Африки, где в различных естественногеографических условиях выработались разные хозяйственно-культурные типы третьей группы, к которым на протяжении всей древней, средней и новой истории докапиталистического периода включительно относилось подавляющее большинство населения всего земного шара.

Древнейшим из этих типов, как уже указывалось, является, несомненно, тип пашенных земледельцев засушливой зоны. Для этого типа характерно унаследованное еще от мотыжных земледельцев той же климатической зоны преобладание в составе сельскохозяйственных культур засухоустойчивых злаков — пшеницы, проса, сорго, чумизы и др. Наряду со злаками издавна были известны различные бобовые, бахчевые (тыквы, позднее дыни, арбузы), а также виноград и плодовые деревья. Высокой степени развития достигло искусственное орошение, наиболее совершенной формой которого является арычная система. У земледельцев этой зоны появились, вероятно, все основные орудия труда, связанные с сельским хозяйством. Сюда относятся прежде всего пахотные орудия типа однозубого рала, а позднее — тяжелого плуга с подошвой и отвалом, всевозможные виды борон, жатвенных ножей и серпов. Молотьба в этой зоне производится боль-

шей частью путем простого прогона животных по рассыпанным колосьям или при помощи молотильных досок и катков. К числу важных изобретений земледельцев засушливого пояса должны быть отнесены, вероятно, также духовая печь и умение выпекать кислый хлеб. Животноводство играет подсобную, но значительную роль. В стаде преобладает крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи. В качестве тягловой силы используются главным образом быки, обычно холощенные (волы), в меньшей степени коровы и ослы. Транспортным средством служат большей частью двуколки — арбы с большими колесами.

Жилище пашенных земледельцев засушливой зоны в основном представляет собой развитие жилища их мотыжных предшественников. Преобладают глинобитные, саманные, сырцово-кирпичные, реже каменные, прямоугольные дома с земляным полом, плоской или плоскодвускатной крышей. В более позднее время почти повсеместно сырцовый кирпич заменялся обожженным. Из хозяйственных построек характерны плетеные зернохранилища, часто имеющие круглую форму и помещаемые на сваях для защиты от грызунов и других вредителей. Преобладающая пища растительная: хлеб, лепешки, каши, мучные похлебки и др., в меньшей мере молочная, мясная или рыбная. В большом ходу всевозможные острые приправы. Из напитков пашенные земледельцы засушливой зоны повсеместно (кроме Восточной Азии) употребляют кислое молоко, а во многих странах (особенно на Кавказе и в Средиземноморье) также виноградное вино. Высокого развития достигло ткачество разных видов, в том числе узорное. Одежда главным образом хлопчатобумажная, нередко также шерстяная, по покрою очень разнообразная, но с первоначальным преобладанием нешитых полотнищ, носимых в качестве набедренных повязок, плечевых накидок, туник или обертываемых вокруг всего тела на манер индийских сари. Головные уборы, как и обувь, еще недавно были распространены сравнительно мало. Можно все же отметить широкополые соломенные шляпы и плетеные сандалии.

До самого последнего времени хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев засушливого пояса был преобладающим у народов почти всего Средиземноморья (включая Южную Европу и Северную Африку), Передней и Средней Азии, Северной Индии, Северного Китая и Кореи. Здесь сложилось несколько вариантов рассматриваемого типа, в том числе долинно-речной с высоко-

развитой ирригационной системой и преобладанием полеводства (бассейны крупных рек: Нила, Тигра и Евфрата, Амударьи, Инда, Ганга, Хуанхэ и др.), предгорный и приморско-береговой с сильно развитыми виноградарством и садоводством, часто на террасах, орошаемых текущей с гор водой (Средиземноморье), оазисный с характерной культурой финиковой пальмы (пустыни и полупустыни Северной Африки и Аравии). В эпоху европейской колонизации и распространения пашенного земледелия на юге Сибири, в Америке и отчасти в Австралии и Океании многие хозяйственные и культурные особенности рассматриваемого типа стали обычными как у аборигенного, так и у пришлого населения этих частей ойкумены. В настоящее время, например, хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев засушливого пояса очень характерен для Южной Африки или для Мексики и других стран Центральной Америки.

К народам южных субтропиков и настоящих тропиков пахотные орудия проникли с севера сравнительно поздно. До начала европейской колонизации в XVI в. ареал распространения этих орудий в пределах указанной климатической зоны ограничивался экономически наиболее развитыми и густонаселенными, преимущественно долинными областями Южной и Юго-Восточной Азии (Центральный и Южный Индостан, Шри Ланка, Индокитай, юг Китая и Японии, Западная Индонезия, приморские районы Филиппин), некоторыми районами Судана и Эфиопии.

Понятно поэтому, что развившийся здесь хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев влажных тропиков и субтропиков унаследовал многие характерные черты предшествовавшего ему типа ручных земледельцев тех же стран. Однако в связи с переходом к пашенной обработке земли у народов Южной и Юго-Восточной Азии сложились и некоторые новые хозяйственные и культурные особенности: интенсивное заливное рисоводство, искусственное орошение в условиях избытка воды (главным образом, для ее рационального распределения), использование буйволов в качестве основной тягловой силы *. Основным сельскохозяйственным орудием пашенных земледельцев влажных тропиков и субтропиков стал легкий бесполозный плуг (точнее рало) с толстым и уз-

* Как рис, так и домашний буйвол имеют, по-видимому, местное южноазиатское происхождение.

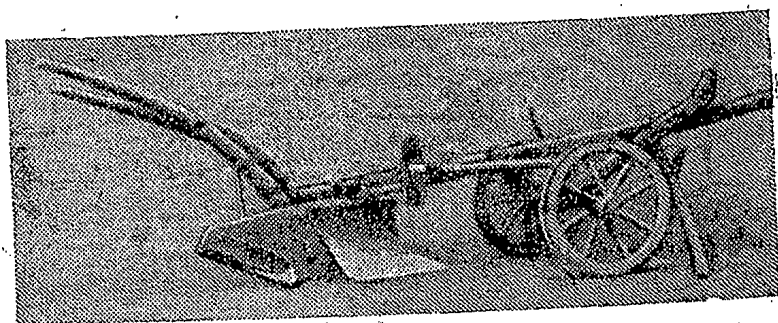
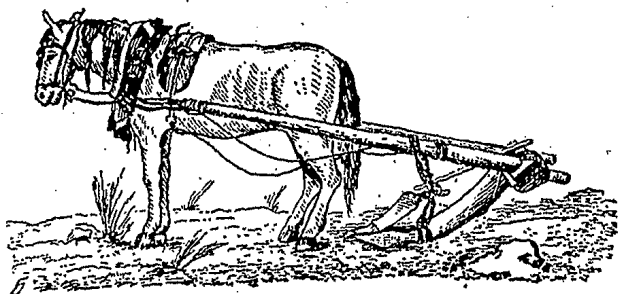
ким односторонним лемехом в виде острого клина. Наряду с рисом широкое распространение получили культуры различных тепло- и влаголюбивых овощей и фруктов (в частности, бананов и цитрусовых), а также чай, который впервые стал выращиваться, вероятно, именно на юго-востоке Азии.

Сравнительно позднее и во многих районах слабое внедрение пахотных орудий компенсируется на юго-востоке Азии (Южный Китай, Япония, в меньшей степени Индокитай и Индонезия) широким применением удобрений (в частности, человеческих фекалий), высоким уровнем развития ирригации и созданием так называемой грядковой системы земледелия, при которой сельскохозяйственные культуры — главным образом разные овощи, бобовые и клубнеплоды — выращиваются на узких, возвышенных полосах земли, тщательно разрыхляемой и унавоживаемой. Между такими грядками устраиваются дренажные канавки. С проникновением пахотных орудий из Индии и Китая в XVIII—XIX вв. к народам высокогорных районов — тибетцам, «и», ну, дулун и др. — у них сложился своеобразный хозяйственно-культурный подтип высокогорных пашенных земледельцев, для которого характерно сочетание признаков, свойственных мотыжным земледельцам этой зоны, с особенностями, заимствованными от долинных народов Южной и Восточной Азии, давно знакомых с использованием домашних животных на сельскохозяйственных работах. Здесь преобладают тяжелые плуги с полозами, отвалами и широкими лопатообразными лемехами. В качестве тягловой силы используются главным образом быки и коровы; буйволов мало, а местами и совсем нет. Основные сельскохозяйственные культуры, а также характерные черты домашнего производства, жилища, пищи, утвари, одежды и т. д. с распространением пашенного земледелия остались у перечисленных высокогорных народов почти неизменными.

Остановимся еще на одном хозяйственно-культурном типе третьей группы — типе пашенных земледельцев лесостепей и лесов умеренного пояса. Тип этот развился в Европе и, возможно, самостоятельно в Южной Сибири и на Дальнем Востоке на базе ручного земледелия той же климатической зоны с проникновением сюда с юга и запада пахотных орудий, которое началось, вероятно, еще во II—I тыс. до н. э. и продолжалось в первых веках II тыс. н. э. В лесную и лесостепную зоны Северной Америки тип этот принесли с собой европей-

ские переселенцы XVI—XVIII вв. Пути распространения пашенного земледелия из его древнейших очагов в Восточном Средиземноморье на север и восток еще недостаточно изучены. В Европу пути эти шли, вероятно, через Кавказ и Северное Причерноморье, Малую Азию, Балканы и бассейн Дуная, Апеннинский и Пиренейский полуострова, вплоть до берегов Балтийского и Северного морей. Изображения пахотных орудий, датируемые II тыс. до н. э., обнаружены среди наскальных рисунков Швеции. Новейшие данные археологов позволяют предполагать, что примерно в то же время с пахотными орудиями были знакомы племена стран Западной Европы, Южной и Восточной Прибалтики. Среди скифов Северного Причерноморья (VII—II вв. до н. э.) были группы, которые Геродот называл «пахарями». Через Среднюю и Центральную Азию пашенное земледелие могло уже в глубокой древности распространиться в Южной Сибири, в бассейне Амура и на территории современного Советского Приморья. Китайские источники прямо говорят, что племена суньань, мохэ, угэ, плоу и др., жившие в Приамурье во II—I тыс. до н. э., «пахали землю двумя скотинами». Эти данные письменных памятников подтверждаются и новейшими материалами советских археологов.

Пахотные орудия лесостепных и лесных земледельцев умеренного пояса очень разнообразны. Древнейшими из этих орудий были различные формы однозубого рала, которое по существу не пахало, а только бороздило землю. В лесных районах Северо-Восточной Европы у славянских и балтийских народов с первых веков нашей эры широко распространилась двузубая соха с простейшими приспособлениями для отвала вспаханной земли в виде одной или двух наклонных планок (полиц). Различные виды сох, удобной для пахоты на каменистых и тощих подзолистых почвах, от славян и балтийцев были заимствованы финскими и отчасти тюркскими народами Восточной Европы, а позднее, в XVII—XIX вв., вместе с русскими распространялись по всей Сибири — от Урала до Тихого океана. На Амуре первые русские землепроходцы Василий Поярков, Ерофей Хабаров и другие встретили в конце XVII в. «пахотных людей» — дауров и дючеров, потомков уже знакомых нам древних земледельцев Дальнего Востока. В более южных и западных областях Евразии на смену ралу пришли различные виды плугов с почти горизонтальной подошвой и отвалом. Применение плуга позволило подрезать и переворачивать пласты поч-

Пашенные земледельцы:

а — пахота на рисовом поле в Китае; б — русская двузубая соха;
 в — тяжелый колесный плуг

вы, что было особенно важно на жирных черноземных землях. По мнению многих лингвистов, само название «плуг» на славянских языках происходит от глагола «плыть» *. Другое древнее наименование пахотных орудий — рало или орало — родственно аналогичным терминам многих индоевропейских языков (лат. *aratrum*, франц. *araire*, польск. *radio* и др.). С распространением железа лемехи всех пахотных орудий стали изготавливаться из этого металла, но их остовы еще долго продолжали оставаться деревянными. В качестве тягловой силы лесостепные и лесные земледельцы в разные эпохи использовали различных домашних животных, главным образом волов и лошадей.

Большинство характерных признаков материальной культуры лесостепных и лесных пашенных земледельцев умеренного пояса представляет собой дальнейшее развитие особенностей, сложившихся у ручных земледельцев той же зоны. Высокого развития достигли здесь все отрасли домашнего производства и ремесла, связанные с обработкой дерева, а также деревянное народное зодчество, памятники которого местами (например, на Русском Севере или в Закарпатье) сохранились до наших дней. Характерны для рассматриваемого хозяйственно-культурного типа также разнообразные лесные промыслы (смолокурение, углежжение и т. п.), бортничество, а позднее и пчеловодство, плетение из бересты и лыка, рогожное дело, льняное и пеньковое прядение и ткачество (часто узорное), разнообразные комплексы мужского и женского костюма, имеющие определенную этнографическую локализацию (например, сарафан и кокошник у северных русских, понева и кичка у южных русских, плахта и намитка у украинцев). Параллельно с техникой пашенного земледелия с юга на север шло распространение многих сельскохозяйственных культур (в первую очередь пшеницы); металлургии, колесных повозок, духовой печи и других нововведений, почти неизвестных ручным земледельцам лесной полосы. До механизации сельского хозяйства в конце XIX — начале XX в. большинство сельского населения умеренного пояса Европы и стран Азии и Северной Америки, колонизованных европейцами, принадлежало к хозяйственно-культурному типу лесостепных и лесных пашенных земледельцев.

* Возможно, что от славян это слово попало к древним германцам (нем. *pflug*, англ. *plough*).

Наряду с хозяйственно-культурными типами советские этнографы выделяют историко-этнографические или историко-культурные области — части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности. Наиболее ясно особенности эти выступают обычно в материальной культуре — жилище, средствах передвижения, пище и утвари, одежде, обуви, головных уборах, украшениях и т. п., — но охватывают также некоторые явления из области духовной культуры, в той или иной степени связанные с хозяйством и бытом (многие обычаи, обряды, верования, устное поэтическое народное творчество и др.).

Историко-этнографические области, как и хозяйственно-культурные типы, являются историческими категориями. Древнейшие из них сложились еще в процессе первоначального расселения человечества по Земле в конце палеолита, в мезолите и неолите. В дальнейшем постепенно изменялись как характерные особенности отдельных историко-этнографических областей, так и их границы. Одни области при этом совершенно распадались, другие, напротив, возникали вновь. Данный процесс продолжался на протяжении многих тысячелетий при господстве различных социально-экономических формаций — от первобытнообщинной до капиталистической и социалистической. В каждый конкретный исторический отрезок времени, с глубокой древности вплоть до наших дней, историко-этнографические области различных частей земного шара всегда представляли определенные исторические реальности.

В отличие от хозяйственно-культурных типов историко-этнографические области всегда включают народы, расселенные на смежных территориях и реально связанные между собой, хотя и различающиеся часто по уровню и направлению социально-экономического развития, по языку и расовой принадлежности. Следует различать историко-этнографические области разных порядков — наиболее крупные «провинции», которые охватывают целые части света или большие группы соседствующих стран, и меньшие области, в свою очередь дробящиеся на подобласти и местные историко-культурные районы.

Одной из крупнейших историко-этнографических «про-

винций» является Западная Европа, в пределах которой могут быть выделены такие историко-этнографические области, как Центральноевропейская (в нее входят ГДР и ФРГ), Южноевропейская (Средиземноморская), Западноевропейская (Атлантическая), Североευропейская.

В пределах нашей страны отчетливо намечаются четыре основные историко-этнографические провинции первого порядка: европейская часть СССР, Кавказ (с подразделением на Северный Кавказ и Закавказье). Средняя Азия и Казахстан, Сибирь (с возможным выделением отдельной крупной области Советского Дальнего Востока). В зарубежной Азии самостоятельными историко-этнографическими провинциями можно считать Переднюю (Юго-Западную) Азию, включающую Турцию, Израиль, все арабские страны Восточного Средиземноморья и Аравии, Иран и Афганистан; Центральную Азию (Монголия, Синьцзян и Тибет); Южную Азию (Индия, Пакистан, Шри Ланка); Юго-Восточную Азию с подразделением на материковую (индокитайскую) и островную (индонезийско-филиппинскую) части; наконец, Восточную Азию (большая часть Китая, Корея и Япония). В Африке страны Магриба (Египет, Ливия, Тунис, Алжир и Марокко), расположенные к северу от Сахары, составляют одну историко-этнографическую провинцию; все остальные страны могут рассматриваться в качестве другой провинции, включающей такие области, как Восточная, Центральная, Западная и Южная Африка, а также остров Мадагаскар, этническая история которого, как мы знаем, связана с Индонезией. В Америке выделяются североамериканская, среднеамериканская и южноамериканская провинции; две последние часто объединяются под названием Латинской Америки*. Историко-этнографической провинцией первого порядка является Австралия и Океания (с дальнейшим подразделением на собственно австралийскую, тасманийскую, меланезийскую, микронезийскую и полинезийскую области).

Работа по выделению историко-этнографических областей в масштабе всего мира еще не закончена. Наибольшие успехи достигнуты в историко-этнографическом районировании нашей страны. В Сибири, например, выделены такие характерные области, как ямало-таймырская, западносибирская, алтае-сайнская, восточносибир-

* В нее входят все страны к югу от США, где в настоящее время преобладают романские языки, развившиеся на базе латинского (испанский, португальский и французский).

ская, камчатско-чукотская и амуро-сахалинская. Опишем более подробно первую и последнюю из этих областей.

Ямало-таймырская область включает почти всех ненцев от низовьев Енисея на востоке до Канинско-Тиманской тундры на западе, нганасанов и северные группы хантов и манси, заимствовавшие оленеводство у ненцев. Все эти народы относятся к тундровым оленеводам. С этим типом хозяйства связаны такие особенности, как оленная нарта, переносный чум, крытый шкурами, глухая меховая одежда и т. п. Сходство проявляется, однако, и во многих культурно-бытовых деталях, которые свидетельствуют о существовании длительных и тесных связей между этническими общностями разного происхождения. Так, например, повсеместно в пределах ямало-таймырской области распространено упряжное оленеводство особого типа, для которого характерны массивные нарты с наклонно расположенными копыльями, веерная оленная упряжка, управление оленями при помощи вожжи, проходящей слева, наличие пастушеской собаки и др. Много специфических деталей у всех народов этой области прослеживается также в конструкции чума, в особенностях покроя и орнаментации одежды.

В амуро-сахалинскую историко-этнографическую область входят такие народы Приамурья и Сахалина, как говорящие на тунгусо-маньчжурских языках нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, ороки, негидальцы, а также резко отличающиеся от всех них по языку нивхи (гиляки). Несмотря на языковое разнообразие и существенные различия в хозяйстве и быте, у всех этих народов обнаруживается значительное сходство очень многих элементов материальной и духовной культуры: упряжное собаководство с особым типом нарты и упряжкой цугом попеременно (змейкой), своеобразные типы сетевых снастей для рыбной ловли, зимнее жилище в виде землянок, свайные хозяйственные, а иногда и жилые постройки, выделка рыбьей кожи для изготовления разных предметов домашнего обихода и одежды, часто украшенной цветной аппликацией, сложный спирально-меандрический орнамент, культ медведя с выращиванием пойманного медвежонка в клетке и последующим его ритуальным поеданием. Сходство это настолько велико, а территориальная смена одних культурных особенностей другими происходит у перечисленных народов настолько постепенно (если не считать удэгейцев, резко обособленных от соседних групп), что, отвлекаясь от языка, было бы очень трудно

провести границу между отдельными народами. На примере амуро-сахалинской области можно проследить, как в результате постепенного проникновения тунгусо-маньчжурских племен в аборигенную палеоазиатскую этническую среду складывалась культурная общность при сохранении коренных языковых различий.

В качестве примера хорошо исследованной историко-этнографической области европейской части СССР можно привести Восточную Прибалтику. Здесь с глубокой древности, по крайней мере со II тыс. до н. э., расселялись и взаимодействовали различные по происхождению и языку этнические общности: летто-литовская (включая пруссов), говорившая на балтийских языках, и эстонско-ливская, говорившая на прибалтофинских языках. Принеся в Прибалтику различные хозяйственно-культурные типы (тип лесных охотников и рыболовов — у предков прибалтийских финнов, тип пастушеских скотоводов и земледельцев у предков летто-литовцев) и обладая различными культурно-бытовыми особенностями, народы эти в ходе длительного исторического взаимодействия выработали много общего и в хозяйстве, и в культуре. Существенную роль в этом процессе сыграли тесные связи всех народов Прибалтики с их соседями — славянами, главным образом восточными (русские и белорусы), а частично и западными (поляки); в этом же направлении действовали и влияния, шедшие с запада (из Скандинавии и Германии), которые коснулись, хотя и в разной мере, всех народов этой области. Несмотря на резкие различия в языке между литовцами и латышами, с одной стороны, эстонцами и ливами — с другой, всем им свойственны многие общие хозяйственно-культурные черты, как например, широкое распространение в прошлом двухлемешной сохи в качестве основного пахотного орудия, жатвенной изогнутой полукосы, молотьба при помощи палкообразного била или цепа, значительная экономическая роль животноводства, в частности коневодства и свиноводства, повсеместное бытование срубного жилища с духовой печью или камином, наличие хлебосушилки с печью (рига), туникообразная рубашка с наплечными нашивками, плечевые несшитые накидки из шерстяных или льняных тканей, кругловыпуклые женские застёжки — украшения (по-латышски сакты) и многое другое.

В послевоенные годы советские этнографы (включая авторов настоящей книги) вместе с учеными других стран собрали среди народов Центральной и Юго-Восточной

Азии новые материалы, которые позволили значительно углубить наши представления об этнографическом районировании этой части ойкумены. Как мы уже знаем, здесь выделяются три крупные историко-этнографические провинции: 1) Центральноазиатская, 2) Восточноазиатская и 3) Юго-восточноазиатская.

Первая из них была зоной развития на базе степной охоты и собирательства различных животноводческих хозяйственно-культурных типов (кочевники степей и полупустынь, высокогорные скотоводы), которые существовали и взаимодействовали с земледельческими группами того же ландшафтно-климатического пояса. Антропологически население этой провинции входит в состав континентальных монголоидов; только на юге (в Тибете) имеет место переход к монголоидам тихоокеанским. Этническая история Центральной Азии характеризуется взаимодействием народов алтайской языковой семьи — тюрков, монголов и отчасти тунгусо-маньчжуров — с народами китайско-тибетской семьи — собственно тибетцами и близкими к ним племенами, а позднее с китайцами. На западных рубежах провинций большую этногенетическую роль играли также индоевропейские, главным образом иранские народы. В пределах провинции могут быть выделены несколько историко-этнографических областей (монгольская, синьцзянская, тибетская).

В восточноазиатской провинции с глубокой древности (по крайней мере, с мезолита и неолита) развивались хозяйственно-культурные типы двух климатических зон: субтропической, влажной (к югу от Циньлина и на островах) и умеренной, засушливой. Типы первой группы здесь почти исчезли, сохраняясь дольше всего на Тайване, Рюкю и на севере Японии. Типы второй группы — мотыжные земледельцы субтропических влажных лесов и засушливых степей — достигли наивысшего развития в южной половине провинции, где оставались преобладающими среди различных тибето-бирманских, тайских, мон-кхмерских и индонезийских народов вплоть до XVII—XIX вв. Типы третьей группы распространялись с севера на юг вместе с расселением китайцев, начиная с I тыс. до н. э. Приемы пашенного земледелия пришли на север этой провинции, в бассейн Хуанхэ, по-видимому, с запада, из Средней и Передней Азии. Этногенетически Восточная Азия — зона формирования тихоокеанских монголоидов и народов китайско-тибетской языковой семьи, а также корейцев и японцев, которые, постепенно

продвигаясь с севера на юг и отчасти с запада на восток, взаимодействовали с древними экваториальными расами, широко распространенными среди мон-кхмеров, индонезийцев, айнов, отчасти также среди предков вьетнамцев и тайских народов, обитавших в пределах восточноазиатской провинции до расселения здесь китайцев и японцев. Восточная Азия включает четыре ясно выраженные историко-этнографические области: северокитайскую, южнокитайскую, корейскую и японскую. Южнокитайская область до IV—V вв. н. э. входила в состав Юго-Восточной провинции и только в процессе заселения ее китайцами и их взаимодействия с аборигенными народами «перешла» к Восточной Азии.

Для Юго-Восточной Азии характерно развитие и взаимодействие различных хозяйственно-культурных типов, сложившихся во влажных тропиках и субтропиках: лесных собирателей и охотников со своеобразным горным вариантом, береговых собирателей «даров моря» и рыболовов, мотыжных земледельцев жаркого пояса, наконец, пашенных земледельцев той же климатической зоны. Все перечисленные типы, кроме последнего, возникли в пределах Юго-Восточной Азии; пашенное же земледелие проникло сюда сравнительно поздно (с первых веков новой эры), скорее всего двумя путями (из Индии и из Китая) и распространилось далеко не повсеместно. Этническая история этой провинции характеризуется взаимодействием древнего аборигенного населения, принадлежавшего к экваториальным расам и говорившего, вероятно, на языках папуасского и австралийского типов, с более поздними переселенцами, которые входили в контактную южноазиатскую расовую группу, а лингвистически относились к индонезийцам и мон-кхмерам, позднее также к вьетнамцам, таи, тибето-бирманцам и мяо-яо. Переселение это, начавшееся в середине II тыс. до н. э. из южных приморских районов соседней восточноазиатской провинции (юг Китая), продолжается до настоящего времени. В пределах Юго-Восточной Азии отчетливо выделяются материковая и островная части с подразделением первой на западноиндокитайскую (Бирма, Таиланд) и восточноиндокитайскую (Лаос, Кампучия, Вьетнам), а второй — на западноиндонезийскую (Суматра, Ява, Мадуро, Балл, Калимантан и соседние мелкие острова), восточноиндонезийскую (все остальные острова Малайского архипелага) и филиппинскую области.

Для конца XIX — начала XX в. Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров выделили 16 крупных провинций, или историко-этнографических регионов: 1 — Восточноевропейский; 2 — Кавказский; 3 — Среднеазиатско-Казахстанский; 4 — Сибирский; 5 — Западноевропейский; 6 — Аравийско-Североафриканский; 7 — Африканский Тропический; 8 — Переднеазиатский; 9 — Южноазиатский; 10 — Центральноазиатский; 11 — Восточноазиатский; 12 — Юго-Восточноазиатский; 13 — Североамериканский; 14 — Латиноамериканский; 15 — Австралийский; 16 — Океанский.

СОВПАДАЮТ ЛИ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ С ЭТНИЧЕСКИМИ И РАСОВЫМИ?

Очень интересен вопрос о соотношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей между собой, а также с этническими, языковыми и расовыми общностями. Ясно, что один и тот же хозяйственно-культурный тип может быть представлен в различных историко-этнографических областях, часто удаленных друг от друга. Историко-этнографические области могут складываться как на основе одного хозяйственно-культурного типа, так и на основе нескольких таких типов в результате их длительного взаимодействия. Например, тип оседлых рыболовов бассейнов больших рек представлен, с одной стороны, у хантов и манси западносибирской области, с другой — у нивхов удаленной от нее амуро-сахалинской области. Примером историко-этнографической области, сложившейся на базе одного хозяйственно-культурного типа, может служить знакомая нам ямало-таймырская область, для всех пародов которой характерно тундровое оленеводство. Другая из описанных выше историко-этнографических областей — прибалтийская — складывалась, как мы видели, в процессе взаимодействия по крайней мере двух хозяйственно-культурных типов: лесных охотников и рыболовов и распространившихся с юга земледельцев и скотоводов. Позднее в пределах этой области развивались и другие хозяйственно-культурные типы и местные подтипы: пашенное земледелие лесной зоны, продуктивное животноводство беконно-сального направления, промысловое приморское рыболовство и охота на морских животных (главным образом тюленей).

Большой сложностью отличаются отношения хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических

областей с конкретными этническими общностями. Развитие и распространение первых в разных частях земного шара может связываться с народами, говорящими на различных, часто не родственных и даже не соприкасающихся между собой языках. Так, например, оленеводство тундрового типа получило распространение, с одной стороны, среди народов северо-восточной Сибири, говорящих на языках чукотско-коряцкой группы, с другой стороны — среди ненцев и нганасанов северо-западной Сибири, говорящих на близкородственных между собой самодийских языках. Подобно этому один из древнейших хозяйственно-культурных типов всего человечества — тип тропических собирателей и охотников — распространен на юге и юго-востоке Азии, в Океании, Америке и Африке среди разнообразных племен, принадлежащих к совершенно различным языковым семьям. Многие из этих племен в настоящее время забыли родной язык и пользуются языками своих более развитых соседей: ведды Шри Ланки, например, говорят на индоевропейском языке сингалов; сенои и семаңги Малакки — на мон-кхмерских языках.

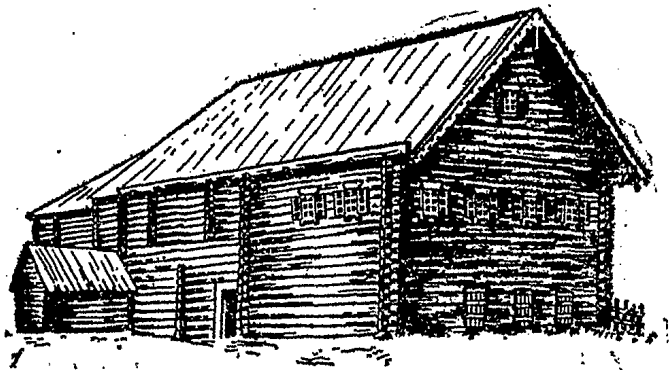
В одну историко-этнографическую область могут входить народы, говорящие на разных языках, хотя в этом случае между ними неизбежно языковое взаимодействие. Так, в пределах амуро-сахалинской области отчетливо выделяются две языковые группы: нивхская (гиляцкая) и тунгусо-маньчжурская, в которую входят негидальцы, нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы и ороки. Однако, по мнению многих этнографов и лингвистов, языки приморских тунгусо-маньчжурских народов испытали на себе сильное влияние палеоазиатских языков, на которых говорило, по-видимому, древнейшее население Приамурья, Приморья и Сахалина.

Большие хозяйственно-культурные различия часто наблюдаются между отдельными этнографическими группами одного и того же народа. Так, например, башкиры, еще сравнительно недавно (до конца XIX — начала XX в.) распадались на несколько своеобразных местных групп. Юго-восточные башкиры вели кочевой или полукочевой образ жизни, занимались главным образом животноводством, жили в разборных переносных юртах. Северо-западные башкиры давно перешли к оседлости; в их хозяйстве основную роль играло земледелие и отчасти промысловая охота, жилищами служили постоянные срубные постройки, сходные с русскими избами. Не менее резкие этнографические различия наблюдались

между отдельными группами саамов (лопарей), живущими на крайнем севере Европы в пределах Норвегии, Швеции, Финляндии и СССР. Береговые лопари живут большей частью оседло в постоянных поселениях со срубными домами, занимаются главным образом рыболовством. Лопари внутренних районов Лапландии, удаленных от моря, еще недавно вели кочевой образ жизни, занимались оленеводством или охотой на диких северных оленей, обитали в переносных конических жилищах-чумах.

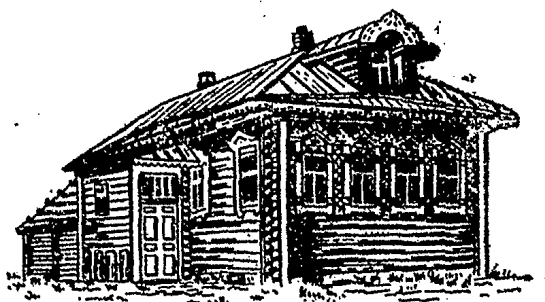
Еще одним примером ясно выраженной хозяйственно-культурной дифференциации отдельных этносов могут служить чукчи и коряки, живущие на крайнем северо-востоке СССР, главным образом в пределах Чукотского и Коряцкого национальных округов. Оба эти народа делились на две группы: оседлую, живущую у берега моря, и оленнюю, занимавшую внутренние тундровые районы этих национальных округов. Основным занятием оседлых чукчей и коряков была охота на крупных морских животных, на моржа и нерпу. Охотились с гарпуном с лодок, каркас которых обтягивался шкурами. Для передвижения на суше держали ездовых собак, которых кормили мясом морских животных и рыбой. Старинным жилищем были обширные и глубокие землянки с двумя входами — верхним, через дымовое отверстие, и нижним — в виде подземного коридора. Оленные чукчи и коряки вели кочевой образ жизни, основным их занятием было оленеводство, с которым был тесно связан весь годовой цикл хозяйственной деятельности. Ездили кочевые чукчи и коряки на нартах, запрягая в них оленей. Традиционным жилищем служила переносная яранга, состоящая из двух частей — цилиндрического остова и конической крыши. Остов сооружался из шестов, покрытием служили оленьи шкуры. Внутри яранги устраивался своеобразный пол — закрытое со всех сторон оленьими шкурами помещение в виде куба. Между оседлыми и кочевыми группами чукчей и коряков был развит патуральный обмен. Береговые жители привозили шкуры и жир морских животных, а взамен получали продукты оленеводства. Обмен этот играл настолько важную роль, что оседлые и кочевые группы обоих народов были неразрывно связаны между собой экономически.

Значительные этнографические различия до конца XIX — начала XX в. существовали также в традиционной культуре двух главных подразделений единого русского народа. Северные великорусы жили в высоких

Клишица русских

— севернорусская изба;
— центрально-русская
изба

2

срубных избах, пол которых был значительно приподнят над землей, под ним находился обширный подпол, а в некоторых районах даже целый нижний этаж, используемый как жилье или кладовая. Скотный двор непосредственно примыкал к избе, нередко находился с ней под одной крышей, так что все жилые и хозяйственные постройки составляли одно здание, иногда называемое в этнографической литературе «дом-двор». Собранный урожай северновеликорусские крестьяне сушили до обмолота в особых постройках (овинах), помещая его на колосники над костром. Мылись, как правило, в банях, которые в старину топились по-черному. Крыши большинства построек были двускатными; кровельным материалом служил преимущественно тес.

Избы южных великорусов тоже были срубными, но строились из более тонких бревен, а иногда обмазывались глиной. Пол в таких избах настлавался прямо на землю или очень немного приподнимался над ней; известны были и утрамбованные глинобитные полы. Помещение для скота и другие хозяйственные постройки ставились от-

Костюмы XIX в.: рязанской крестьянки (слева); сарафан и шугай Севера России (справа)

дельно от жилых, обычно окаймляя открытый двор в виде четырехугольника или буквы П (так называемая покоеобразная застройка). Овины и бани отсутствовали, мылись в русских печах, которые достигали очень больших размеров. Крыши жилых и хозяйственных построек у южных великорусов были большей частью четырехскатными, для покрытия использовалась главным образом солома.

Не меньшие различия между северными и южными великорусами существовали и в традиционном костюме, особенно в женском. В северных русских группах крестьянки поверх нательной рубахи с прямыми вставками на плечах («поликами») носили обычно сарафан, который в разных районах кроился различно, но всегда имел плечевые лямки, так что рубаха в верхней части тела выступала из-под него. Среди разнообразных женских головных уборов наиболее характерны высокие, с твердой

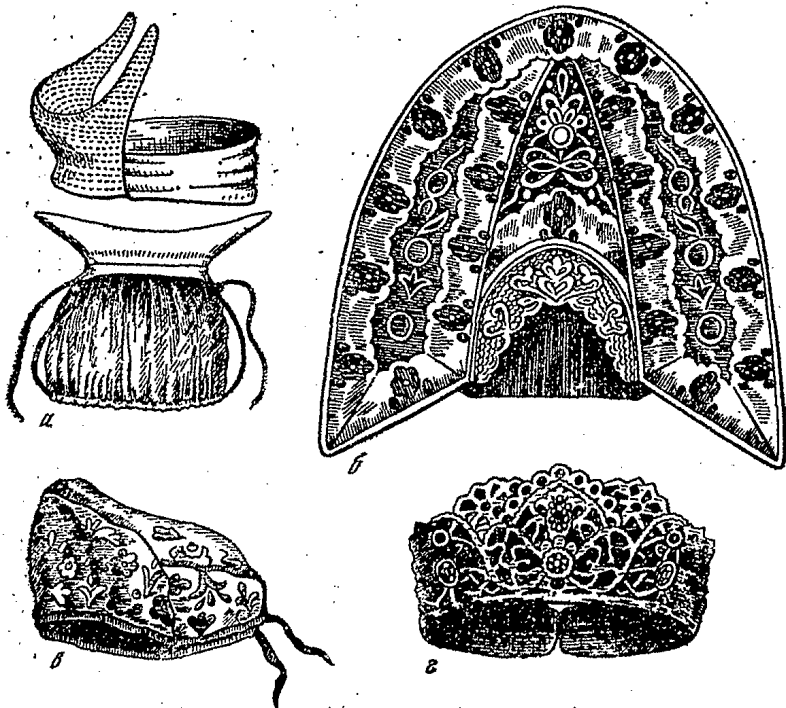

Крестьянские женские костюмы Рязанской губ. XIX в.

основой кокошники и сороки. У южновеликорусских крестьянок рубахи кроились нередко с ромбовидными (косыми) полями. Поверх рубахи надевали особую неспитую, обычно шерстяную поясную поневу, заменявшую юбку. Сарафан в южновеликорусской деревне в старину известен не был. Характерными традиционными головными уборами женщин были двурогие кички и повойники (чепцы).

Существенные различия между обеими основными группами русского народа наблюдались и в области фольклора. Былины, например, прославляющие подвиги древнерусских богатырей, хотя и имеют по своему происхождению и тематике общерусский характер, но сохранились только в некоторых северновеликорусских районах (главным образом в современной Карелии, Архангельской и Мурманской областях). Южные великорусы былины не знали.

Конкретно исторически должны решаться также вопросы о соотношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей с человеческими расами. В различных частях ойкумены один и тот же хо-

Женские головные уборы XIX в.

а — южнорусская рогатая кичка. Рязанская губ.; б — кокошник. Пермская губ.; в — повойник высокий. Петроградская губ.; г — кокошник ажурный

хозяйственно-культурный тип может складываться у популяций, принадлежащих к совершенно различным расам. Самый древнейший тип собирателей и охотников тропических лесов одинаково характерен для негроидных пигмеев Центральной Африки, австралоидных веддов, сеноев и тоала Южной Азии и монголоидных индейцев внутренних областей Южной Америки. Сложившийся на заре классового общества хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников степей и полупустынь встречается как в Центральной Азии у монгольских и тюркских народов, принадлежащих преимущественно к монголоидам, так и среди арабов Передней Азии и Северной Африки, которые в расовом отношении входят в состав южных европеоидов (меланохроев). Историко-этнографические области также могут включать популяции разного расового облика. В этом случае, однако, их вхождение в одну область предполагает длительные исторические связи и, следова-

тельно, возможность постепенного сглаживания расовых различий в результате метисации. В формировании прибалтийской историко-этнографической области, например, принимали участие, с одной стороны, прибалтофинские племена, с другой стороны — собственно балтийские. В состав первых входили как европеоидные, так и монголоидные компоненты, с древнейших времен пропикавшие в Прибалтику с востока (из-за Урала и Западной Сибири); среди вторых в период их распространения в Прибалтике во II тыс. до н. э. преобладали массивные длинноголовые европеоиды, монголоидные же примеси, по-видимому, отсутствовали. Когда финские и балтийские племена столкнулись в Прибалтике, между ними имелись существенные расовые различия — палеоантропологические материалы говорят об этом вполне убедительно. Однако с течением времени различия эти в значительной степени сгладились, поскольку обе группы племен — предки современных литовцев, латышей, эстонцев и ливов — на протяжении многих веков находились между собой в интенсивном хозяйственном и культурном взаимодействии, которое сопровождалось биологическим смешением. Таким образом, нет никаких оснований причинно связывать хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области с какими-либо расами. Если такие связи и возникают, то они всегда имеют конкретно исторический преходящий, хотя нередко и длительный характер и не могут оказывать влияние на социально-экономическое и культурное развитие народов.

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

В доклассовом первобытном обществе у всех людей каждой конкретной племенной общности был более или менее одинаковый образ жизни, которому соответствовала единая материальная и духовная культура. Известные бытовые различия, связанные с разделением труда, существовали внутри этноса только между половыми и возрастными группами: детьми, юношами и девушками, взрослыми мужчинами и женщинами, стариками. Материальная культура первобытных племен зависела как от уровня развития их производительных сил и производственных отношений, так и от окружающей естественно-географической среды. Например, жилище охотников, собирателей и рыболовов в жарком поясе Южной Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании представляло собой большей частью легкие ветровые заслоны, навесы

без стен или примитивные шалаши разных форм из ветвей и листьев. В умеренной климатической зоне у разных народов, принадлежавших к хозяйственно-культурным типам той же первой группы, преобладали уже более основательные круглые или прямоугольные постройки, нередко углубленные в землю, хорошо защищенные от холода и ветра стенами и кровлей. В субарктических и арктических районах такие постройки утеплялись еще более тщательно двойными стенами, тамбурами, земляными насыпями, шкурами и мехами и т. п. У эскимосов были известны настоящие снежные дома (иглу).

Пища первобытных племен почти целиком определялась составом животных, на которых можно было охотиться, и растений, давших съедобные корни, клубни, семена, ягоды, плоды, иногда даже стебли, побеги и листья. Костюм в тропиках и субтропиках был очень скудным, а в более холодных широтах становился все более полным, включая не только одежду, но также обувь и головные уборы. Каждое племя или группа родственных племен принадлежала, как правило, к тому или иному хозяйственно-культурному типу и входила в состав определенной историко-этнографической области.

Духовная культура этих древних племен в большей степени определялась их общественным строем и только в ограниченной мере испытывала влияние природных условий; для нее повсеместно были характерны семейно-брачные нормы, обычаи, нравы и обряды, связанные с экзогамно-родовой организацией. Основной формой племенных религий был тогда тотемизм (тотем на языке индейского племени оджибве из группы алгонкинов означает «его род»), т. е. вера в происхождение родов и фратрий от воображаемых предков (животных, растений, либо каких-то минералов, гор, рек и т. д.). Главным элементом племенных религий были магические верования, под которыми понимаются представления человека о возможности сверхъестественным путем повлиять на других людей и природу. Крупный этнограф и историк религии С. А. Токарев выделяет несколько разновидностей магии: вредоносную, военную, любовную, лечебную, предохранительную, промысловую и метеорологическую. Магические действия весьма разнообразны. Часто магический прием представляет собой некоторое подобие того, чего человек хотел бы добиться. Так люди разбрызгивают воду, считая, что это вызовет дождь (метеорологическая магия), протыкают копьем изображение врага, думая, что

это приведет к победе над ним (военная магия). Магия свойственна всем религиям. Кроме магии, для древних племен характерны фетишизм (почитание неодушевленных предметов) и анимизм — вера в душу и духов. Очень характерны для развитой родовой общины магия и анимизм. Анимистические верования приобретают новый оттенок. Особым почетом и поклонением начинают пользоваться духи предков, которые, согласно бытующим воззрениям, покровительствуют своим живущим потомкам, в случае необходимости защищают их. Анимизм дал начало культу природы. Здесь объектом почитания стали духи различных животных, растений, разных явлений природы, небесных тел: Солнца, Земли, Луны. Из этого культа выросли промысловые культы: охотничьи, земледельческие, скотоводческие. Во многих развитых родовых обществах большое распространение получает шаманизм.

Шаманизм (от эвенского шаман, саман) — особая форма первобытных религиозных верований и культа, типичных для стадии разложения доклассового общества и формирования родовой знати и слоя профессиональных служителей культа шаманов, способных приводить себя публично в состояние религиозного экстаза и тем самым внушать окружающим мистические воззрения. Шаманизм как религия характеризуется широким кругом анимистических верований, веры в злых духов. Шаман бьет в бубен, трясет побрякушками, издаёт бессмысленные выкрики, совершает особые движения. Шаманизм явление не только сибирское — он свойствен всем народам, находящимся в преддверии образования классового общества; он встречается у индейцев Америки, у народов Африки, в некоторых регионах Азии, Океании. У разных народов шаманизм различен; он зависит от уровня имущественного неравенства, социальной дифференциации и формирования классовых отношений, например, такие народы Сибири, как буряты далеко опередили малые народы Севера, таких, как коряки, чукчи и др. Формирование классовых отношений у бурят приобрело определенные очертания уже в XVIII в., а у коряков и в конце XIX в. общественно-экономическое развитие находилось на уровне разложения патриархально-семейной общины.

У бурят и коряков разные уровни развития производительных и общественных отношений соответствовали разным уровням развития религиозных идей, общественной роли шаманов, их функций. Так, у бурят существовали общественные моления, на которые собирались по

несколько тысяч человек; приносили коллективные жертвы при участии шаманов. Шаманы совершали родовые жертвоприношения разным божествам, исполняли обряды при рождении, смерти человека. Бурятские шаманы проходили специальную подготовку; были «белые» и «черные» шаманы, культ шаманов; они были носителями шаманских преданий, легенд, генеологий, призываний, гимнов, заклинаний, шаманы были профессионалы.

У коряков таких общественных молений, как у бурят, не было; их шаманы обслуживали патриархальную общину, иногда группу общин (селение); они главным образом лечили больных, предсказывали будущее и результаты промыслов. В обычных условиях шаманы у коряков наряду со всеми жителями селения (стойбища) занимались рыболовством и другими промыслами. У коряков не было шаманов профессионалов. У чукчей, как и у коряков, шаманизм носил более простые формы.

Разделение родового строя привело к существенной модификации религиозных верований. Так, почитание умерших предков превращается в развитый культ предков-покровителей. В связи с усилением власти вождя племени и укреплением племенной организации возникает и получает широкое распространение культ племенных вождей. Специфичны для этого периода также культы, связанные с существованием тайных союзов. Возникшая в обществе иерархическая система отражается и в религии: почитаемые сверхъестественные существа образуют иерархическую лестницу — выделяются высшие и низшие духи, составляющие политеистический пантеон. Формируется особое сословие жрецов — особых людей, которые заняты обслуживанием культа. Всем известным истории первобытным племенам были знакомы зачатки физических, арифметических, медицинских знаний, проверенные повседневной практикой труда и быта, а также разные виды изобразительного и декоративного искусства. Эстетические представления, поэтическое и музыкальное творчество часто связано с религиозными верованиями и культом.

Таким образом, в эпоху первобытнообщинного строя для каждого этноса был характерен единый комплекс взаимосвязанных явлений материальной и духовной культуры и обусловленных ими норм поведения. Такой комплекс можно назвать «культурным стереотипом» (греч. «стереос» — твердый, «типос» — отпечаток); он отличался определенной локализацией в пространстве и устойчи-

востью во времени, хотя и изменялся постепенно в процессе исторического развития самого этноса. Культурные стереотипы первобытных этносов могли сильно различаться между собой по форме, но были на заре человеческой истории сходными по содержанию.

В классовом обществе культурно-бытовая однородность отдельных этносов постепенно исчезает, и социальная специфика культуры перестает полностью совпадать со спецификой этнической. Вместо одного культурного стереотипа внутри каждого народа складывается несколько таких стереотипов, отражающих культурно-бытовые особенности различных социальных, профессиональных и территориально-экономических групп населения. Процесс этот начался еще внутри докапиталистических формаций. Образ жизни рабовладельцев, свободных общинников и рабов в рабовладельческом обществе, или помещиков-крепостников и крепостных крестьян в феодальном обществе был очень различен. Специфические черты вырабатываются у разных групп городского населения — ремесленников, торговцев, чиновников, домашних слуг, интеллигенции, деклассированной городской бедноты и др. Можно даже утверждать, что городское население в раннеклассовых обществах не входило в состав хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Однако эти типы и области до периода капитализма продолжали полностью сохранять свое значение для сельского населения во всех без исключения странах мира. А ведь со времен зарождения земледелия и животноводства в неолите на протяжении почти десяти тысяч лет, до XIX—XX вв. н. э., подавляющее большинство людей занималось именно этими двумя отраслями сельского хозяйства. Городское и несельскохозяйственное деревенское население в докапиталистическую эпоху у всех народов было очень немногочисленным.

С развитием капиталистического уклада (сначала еще в недрах феодального общества), повышением удельного веса промышленности и торговли в экономике и формированием новых антагонистических классов — буржуазии и пролетариата — постепенно растет численность населения городов, которые начинают играть все большую и большую роль в хозяйственной, общественной и культурной жизни народов. В Европе процесс этот развернулся на севере Италии уже в XIV—XV вв., во Фландрии и Голландии — в XVI—XVII вв., в Англии, ставшей первой подлинно капиталистической страной мира, — главным об-

разом в XVIII в., в других государствах (включая Россию) еще позднее, в XIX—начале XX в.

В эпоху колониальной экспансии европейцев в XVI—XIX столетиях создались условия для развития капитализма и во внеевропейских странах: раньше всего в Северной Америке, позднее — в Латинской Америке, Азии, Австралии, Океании и Африке. Для XIX—XX вв. особенно характерен процесс урбанизации (лат. *urbs* — город), т. е. очень высоких темпов роста городского населения; во многих странах процесс этот сопровождался относительным и абсолютным сокращением сельского населения, которое по мере развития в деревне капитализма и обнищания большей части крестьянства массами переселялось в города и вливалось там в ряды промышленного пролетариата. С 1800 по 1950 г. при общем росте численности населения мира в 2,6 раза городское население возросло почти в 25 раз. Самой урбанизированной страной мира первоначально была Англия, в городах которой к концу прошлого века жило уже свыше 75% ее населения. Однако уже к концу прошлого столетия Англию по темпам урбанизации догоняют Германия и США. В XX в. быстро растут города в некоторых странах Азии и Латинской Америки, особенно в Японии, Китае, Индии, Аргентине, Бразилии.

Развитие коммунального хозяйства (внутригородской механический транспорт, водопровод, канализация, газо- и электрификация, общественное питание и т. д.) способствовало возникновению городов-гигантов с многомиллионным населением, а местами и их срастанию в огромные ареалы сплошной застройки, так называемые агломерации, или конурбации (лат. *con* — с, вместе). В условиях научно-технической революции урбанизированность неуклонно растет. В начале века в городах жило немногим более 10% населения мира, в 1940 г. — 25, в 1950 г. — 28, а в 1978 г. — 39%. В среднем доля городского населения ежегодно увеличивается почти на 2,5%. Предполагается, что к 2000 г. численность городских жителей возрастет более чем в 2 раза. С 1950 по 1978 г. число жителей в городах увеличилось с 691 до 1652 млн. человек, т. е. в 2,4 раза. За это же время сельское население возросло с 1810 до 2608 млн. человек, или всего на 44%, а во многих странах, в том числе и в СССР, даже уменьшилось. В настоящее время в городах живет более трети всего населения мира: в Австралии и Океании — 74%, в Америке — свыше 70, в зарубежной Европе — 65, в за-

рубежной Азии — свыше 27, в Африке — 26 %. Максимальная доля городского населения характерна для Австралии (90 %), ФРГ (82 %), Великобритании (81 %), Израиля (78 %), США (77 %). Согласно прогнозам демографов ООН число городов — «миллионеров» к 1985 г. достигнет 270, а к 2000 г. — 400 и в них к концу столетия будет сосредоточено до 25 % всего населения мира и около половины городских жителей.

Специалисты ООН ожидают к XXI в. резкое разрастание городов-гигантов. Шесть городов могут «перешагнуть» рубеж в 20 млн. человек. Это Мехико, Сан-Паулу, Шанхай и Токио-Йокогама, Нью-Йорк, Пекин.

Быстрый технический прогресс, коренные изменения в социальной структуре населения, обострение классовой борьбы, огромные миграции, урбанизация, взаимодействие и смешение разных народов, особенно сильное в крупных городах, активизация политической жизни — все эти явления, в высшей степени характерные для эпохи капитализма, оказали сильнейшее влияние на развитие материальной и духовной культуры всего человечества. В этом развитии наметились две противоположные и в то же время взаимно переплетающиеся тенденции: с одной стороны, продолжалась культурно-бытовая дифференциация народов с возникновением внутри них новых социальных, профессиональных и территориальных культурных стереотипов; с другой стороны, на основе материальной и духовной культуры экономически наиболее развитых в то время преимущественно европейских народов складывались некоторые общие культурные и бытовые особенности, которые вместе с развитием межконтинентальных связей постепенно распространялись по всему миру.

Именно в период капитализма, главным образом в XIX—XX вв., вырабатывались привычные для нас формы городского строительства, механического, сухопутного, водного, а затем и воздушного транспорта, коммунально-бытового обслуживания и торговой сети, жилищца в многоквартирных домах, домашней обстановки и мебели, посуды и утвари, пищевого режима, кушаний, напитков, мужского, женского и детского костюма, обуви и головных уборов, семейных и общественных норм поведения, морали и этики, народного просвещения всех ступеней, литературы и прессы, изобразительного и декоративного искусства, музыки, танца и театра, позднее радио и телевидения. Процесс этот, часто называемый в зарубежных работах вестернизацией (англ. west — запад), охватил

сначала большинство стран Европы (включая Россию), а также Северной и Латинской Америки, Австралии, Океании и Южной Африки, колонизованных европейцами. По мере развития капитализма вестернизация становилась характерной и для социальной верхушки многих азиатских и африканских стран — сначала Японии, затем Индии, Китая, Индонезии, Индокитая, Ирана, Турции, Египта, Алжира, Мадагаскара и др. Однако во всех этих странах «западные» черты культуры и быта переплетались с местными, этнически специфичными особенностями, которые часто становились своеобразным знаменем или символом национально-освободительной борьбы с империалистами.

Одновременно с противоречивым процессом вестернизации и борьбы за культурную самобытность углубляются культурно-бытовые контрасты между разными социальными группами населения, обусловленные местом в общественном производстве и соответствующей ему идеологией. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре», — писал В. И. Ленин в 1913 г. «Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.». И дальше: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры».

Но как бы ни были велики культурно-бытовые различия между социальными группами внутри одного народа, они никогда не охватывают всего его культурного достояния, особенно достижений в области науки, литературы и искусства. Прогрессивное творчество А. С. Пушкина, И. Е. Репина, Д. И. Менделеева составляет в первую очередь неотъемлемую часть сокровищницы русской культуры и только через эту культуру становится достоянием всего передового человечества. То же можно сказать и о культурном вкладе в мировую цивилизацию любого другого народа. Однако только при переходе к социализму

прогрессивные, демократические элементы культуры получают всестороннее развитие и становятся господствующими, тогда как ее реакционные, буржуазно-помещичьи элементы сходят на нет.

НОВОЕ И СТАРОЕ В КУЛЬТУРЕ

На протяжении всей истории человеческого общества в его культуре происходит непрерывное взаимодействие нового и старого, инновации (лат. *innovatio* — обновление) и традиции (лат. *traditio* — передача). У животных предков человека не было культуры. Ясно поэтому, что само появление древних гоминид с их целенаправленной, коллективной трудовой деятельностью и примитивной, но уже специфически человеческой материальной и духовной культурой было великой инновацией в истории нашей планеты. Инновациями были на заре истории человечества и те элементы культуры, о которых мы говорили в начале настоящей главы. Многие из них возникли у наших отдаленных предков эпохи раннего палеолита еще до завершения процесса антропогенеза и формирования людей современного вида. С тех пор человеческое общество в своем прогрессивном развитии всегда создавало, продолжает создавать в настоящее время и будет создавать в будущем разнообразные инновации для удовлетворения своих растущих материальных и духовных потребностей. В создании культурных инноваций принимали участие в разной мере все народы земного шара.

Однако культурные достижения могли играть положительную роль только в том случае, если они передавались от поколения к поколению и постепенно становились коллективным достоянием все новых и новых популяций. Иными словами, каждая инновация с течением времени превращалась в более или менее устойчивую традицию, а каждая традиция когда-то начинала свое существование как инновация. Это непрерывное взаимодействие обновления и преемственности культуры было характерно для всей истории человечества с периода выделения из животного мира до наших дней и являлось необходимым условием его прогрессивного развития.

Количество инноваций и скорость их внедрения в повседневную жизнь широких народных масс все время возрастали. Однако этот процесс в разные эпохи и у разных народов шел неравномерно; соотношение нового и традиционного в культуре разных конкретных этносов

могло быть очень различным. В доклассовом рабовладельческом и феодальном обществе темпы культурного обновления были относительно медленными, а традиции — в высшей степени устойчивыми. Эпоха капитализма характеризуется быстрым ускорением этих темпов и ломкой многих (хотя далеко не всех) традиций прошлого. В настоящее время на основе невиданной технической революции все сферы материальной и духовной культуры обогащаются огромным числом инноваций. Вместе с тем сохраняются и прогрессивно развиваются лучшие традиции предшествующих эпох и наряду с ними рождаются новые традиции, связанные с социалистической по содержанию, национальной по форме культурой наших дней.

О конкретных культурных нововведениях разных исторических эпох мы уже упоминали в предыдущих разделах настоящей главы, где речь шла об определении самого понятия «культура» и об отдельных хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. В дополнение к сказанному приведем несколько примеров важнейших инноваций преимущественно из сферы материальной культуры и тесно связанной с ней техники.

Археологические материалы, относящиеся к каменному веку, а также этнографические данные по народам, до последнего времени не знакомым с металлом, показывают, что многие изобретения в различных областях техники, хозяйства и материальной культуры были сделаны еще в эпоху первобытнообщинного строя. На заре этого величайшего исторического процесса, выделившего людей из мира животных, стоят такие инновации, как начало трудовой деятельности с помощью искусственно изготовленных орудий и умение пользоваться огнем. Недаром в фольклоре почти всех народов видное место занимает прекрасный миф о культурном герое, научившем людей использованию огня. У древних греков таким героем был титан Прометей.

При переходе от раннего к позднему палеолиту наши предки, принадлежавшие тогда уже к виду *Homo sapiens*, впервые стали применять «отжимную» технику изготовления каменных орудий из тонких сколотых пластин и освоили обработку кости и рога, что привело к гораздо большему, чем раньше, разнообразию хозяйственного инвентаря. К тому же времени относятся значительные усовершенствования в строительстве жилищ, приготовлении пищи и выделке одежды из шкур животных и раститель-

ных волокон. Тогда же, вероятно, зародились различные виды искусства, в первую очередь живописи и скульптуры. Из хозяйственно-культурных достижений периодов мезолита и неолита можно упомянуть изобретение лука и стрел, шлифовки и сверления камня, развитие рыболовства, начало одомашнивания животных и выращивания культурных растений, возникновение земледелия и животноводства, гончарства, прядения и ткачества, варки пищи в глиняной посуде и выпечки хлеба в духовой печи.

К периоду, переходному от доклассового общества к классовому и к эпохе различных раннеклассовых обществ (рабовладельческих и феодальных), относятся изобретения, сыгравшие огромную роль в истории мировой культуры. Важнейшими из них являются кузнечество и металлургия различных металлов и их сплавов (меди, олова, бронзы, железа, стали, чугуна и др.), использование тяловой силы домашних животных для сельскохозяйственных работ и обусловленное этим развитие плужного земледелия, колесо и колесные повозки, галубные суда, обеспечившие возможность дальних морских плаваний, введение в практику строительства обожженного кирпича, выделка глиняной посуды на гончарном круге, порох и огнестрельное оружие, письменность и бумага, позднее (в средние века) книгопечатание, перегонка спирта, производство стекла, фаянса, фарфора и многое другое.

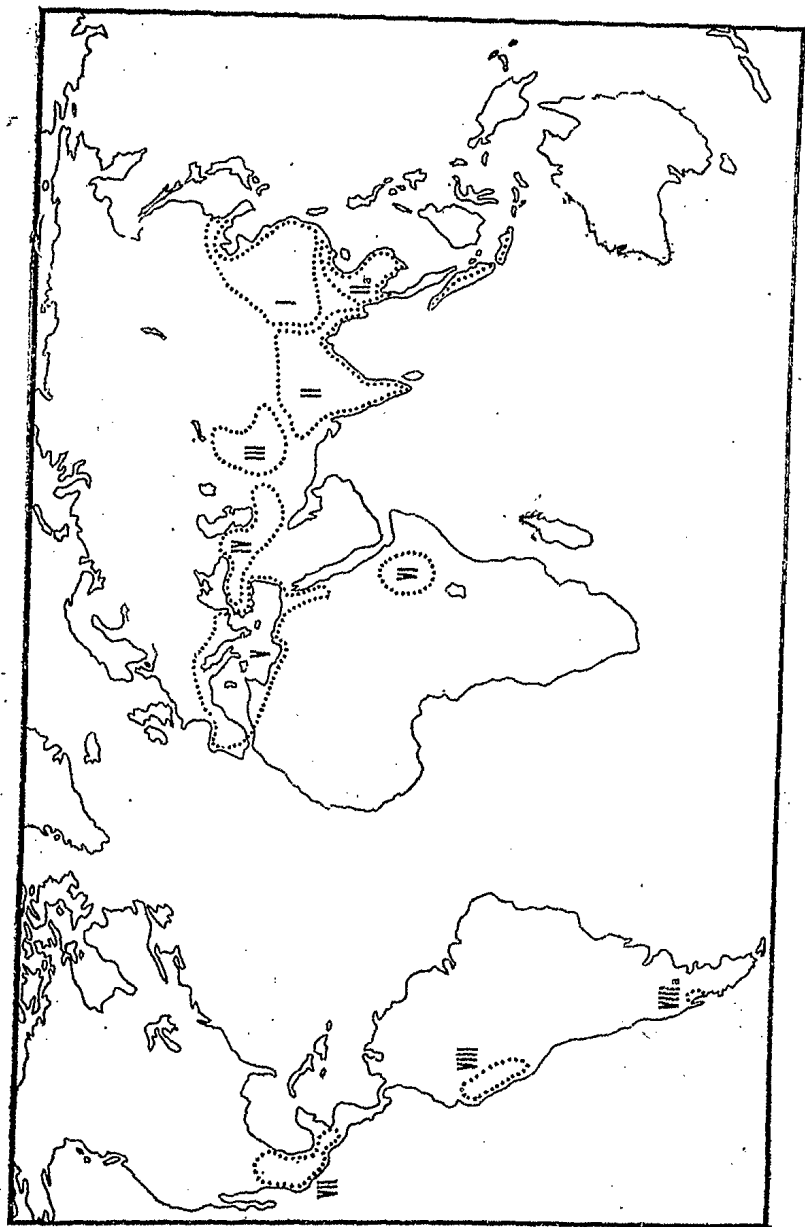
С развитием капитализма, начиная с конца XVIII в. количество технических, хозяйственных и культурных инноваций возрастает настолько быстро, что даже простое их перечисление становится затруднительным. Упомянем только об изобретении паровых, а позднее тепловых двигателей, всевозможных машин для различных отраслей фабрично-заводской промышленности и сельского хозяйства и развитии всех видов механического транспорта (железнодорожного, водного, автомобильного и др.), об индустриальном и жилищном железобетонном строительстве, о широком внедрении в производство и быт газа и особенно электричества, о возникновении радио и кино, о значительных успехах медицины в области асептики, антисептики, анестезии, хирургии, вакцинации и т. п.

Культурные нововведения могут быть разделены на две группы: одни из них возникают на обширных территориях, совершенно независимо или, как иногда говорят, конвергентно (*convergere* — приближаться, сходиться) у разных народов, нередко никогда не соприкасавшихся

между собой; другие зарождаются в одном или нескольких очагах и уже оттуда распространяются в процессе контактов между народами или их миграций. Появление конвергентных инноваций в области материальной и духовной культуры обусловлено единством происхождения всех современных человеческих популяций независимо от их расовой и этнической принадлежности, а также общими закономерностями и специфическими особенностями социально-экономического развития в различных ландшафтно-климатических зонах. Примерами конвергентных инноваций могут служить все элементы культуры от умения изготавливать орудия труда и добывать огонь до танцев и песен, а также такие широко распространенные в различных частях ойкумены уже в эпоху первобытно-общинного строя хозяйственно-культурные достижения, как ручное земледелие и животноводство, долбленые лодки и свайные постройки, гончарство и ткачество.

Культурные инновации второй группы возникали уже при первобытнообщинном строе. В классовом обществе с его разнообразными культурными стереотипами количество таких инноваций быстро увеличивалось; многие из них со времени появления письменности могут быть точно датированы, а нередко и связаны с изобретениями определенных людей. Примерами древнейших хозяйственно-культурных нововведений второй группы могут служить конкретные культурные растения, в первую очередь злаки, центры происхождения которых установлены трудами академика Н. И. Вавилова и других ученых. Так, пшеница, ячмень, овес и рожь по своему происхождению связаны со Средиземноморьем и Юго-Западной Азией, просо — с Восточной Азией, рис — с Индией, кукуруза — с Центральной Америкой. Из клубнеплодов и корнеплодов Америка дала нам картофель, батат и маниоку, а Юго-Восточная Азия — ямс и таро. Чай происходит из Южного Китая, кофе — из Эфиопии, какао — из Южной Америки. Большинство животных, используемых человеком, было одомашнено в Азии, Европе или Африке. Американские индейцы до Колумба из домашних животных знали только собаку, индейку, мускусную утку, а на Андийском нагорье также ламу и альпаку.

Многие важнейшие инновации (как мы видели при описании хозяйственно-культурных типов) связаны, по-видимому, с древними народами Восточного Средиземноморья, в первую очередь с шумерами и египтянами. Именно здесь на юго-западе Азии и северо-востоке Аф-

Центры многообразия культурных растений (по Н. И. Вавилову):

I — китайские; II — индийские, IIa — индо-малайский; III — среднеазиатский; IV — переднеазиатский; V — средиземноморский; VI — абиссинский; VII — южномексиканский и центральномексиканский; VIII — южноамериканский, VIIIa — чилианский

рики люди впервые стали пахать землю с помощью домашних животных, применять искусственное орошение полей, выплавлять и обрабатывать металлы, строить города, ездить в колесных повозках, выделывать посуду на гончарном круге, записывать культурную информацию при помощи условных знаков.

Перечислить центры культурных нововведений более поздних исторических эпох — значило бы дать историю всей мировой культуры. Это не может входить в нашу задачу. Отметим только, что любая инновация, независимо от того, возникла ли она в среде данного народа или заимствована у соседей, внедряется в повседневную жизнь широких слоев населения только в том случае, если для этого сложились соответствующие условия. Так, например, отсталые аборигены Австралии при столкновении с европейцами с большим трудом воспринимали их культуру и были в конце концов почти истреблены, отеснены или изолированы колонизаторами. В это же время (XVIII—XX вв.) гораздо более развитые маори Новой Зеландии оказали тем же колонизаторам упорное сопротивление, отстаивали свою этническую самобытность и, восприняв положительные достижения европейской культуры, стали полноправными членами новозеландского общества.

Внедрение в быт народа какого-либо культурного нововведения, т. е. превращение инновации в традицию, происходит не сразу. Если в этносе хотя бы частично живо поколение, при котором появилась инновация, ее можно считать недавней. Иными словами, бытовые явления, возникшие 70—80 лет назад, можно рассматривать как недавние инновации. Второй этап старения инновации наступает тогда, когда этнос еще хранит воспоминания о рассказах современников ее введения. Такую инновацию можно называть давней или старой, срок ее бытования около 150 лет. Через больший срок конкретные обстоятельства введения инновации (изобретение или заимствование) выветриваются из памяти народа и сама инновация становится традицией. Так, например, картофель стал внедряться в земледелие России только во второй половине XVIII в., его внедрение нередко сопровождалось активными протестами крестьян, так называемыми картофельными бунтами, однако уже в XIX в. картофель превратился в традиционную сельскохозяйственную культуру, в значительной степени вытеснив старые культуры — репу, брюкву и др. Примерно в то же время на юге

нашей страны (как и всей Европы и Азии) победоносное шествие совершила кукуруза. В наши дни жизнь многих народов мира без картофеля и кукурузы трудно себе представить.

КУЛЬТУРНЫЕ «ПЛЮСЫ» И «МИНУСЫ»

С вопросом о соотношении инноваций и традиций в истории культуры тесно связана проблема оценки ее роли в различные периоды развития человеческого общества. В повседневной жизни, а частично и в науке широко распространен взгляд на культуру, как на такое общественное явление, которое во все времена и у всех народов имело только прогрессивное, положительное значение. С этим согласиться никак нельзя. Так как культура — это результат целенаправленной деятельности людей, то роль каждого культурного явления в жизни зависит прежде всего от того, ради удовлетворения какой потребности оно было создано. Вряд ли, например, можно сомневаться в том, что вредоносный жезл, направляемый австралийцем на своего врага, и произносимые при этом магические заклинания относятся к разряду культурных явлений; вместе с тем считать их положительными, очевидно, невозможно. Немыслимо признать также какую-либо положительную роль за всевозможными наркотиками, истоки употребления которых восходят к периоду первобытнообщинного строя (курение табака у американских индейцев, опиума и гашиша у многих народов Южной и Восточной Азии, жевание листьев кустарника кока в южноамериканских Андах или бетеля в Индии, Индокитае и Индонезии, питье опьяняющего напитка из перечного растения кава в Океании и т. п.) *. Ярким примером «отрицательного» использования предметов материальной культуры является встречающееся уже на заре человеческой истории употребление оружия для убийства или ранения себе подобных при внутри- и межплеменных ссорах и столкновениях.

В классовом обществе как материальная, так и духовная культура в самых широких масштабах используется

* Опиум добывается из семян мака, гашиш — из индийской конопли. Из горьких листьев коки в настоящее время извлекают кокаин. Бетель представляет собой смесь орехов арековой пальмы, листьев или плодов особого перечного растения и толченой извести. Кава готовится путем сбраживания измельченных корней другого перечного растения с водой и слюной.

господствующими классами для усиления эксплуатации трудящихся, угнетения и подавления других народов, идейного одурманивания масс и оправдания социального и политического неравенства, захватнических войн, всех видов национализма, расизма и религиозной нетерпимости. Конечно, материальная культура не несет, как правило, никакой специфической «отрицательной нагрузки» и ее роль в жизни общества зависит от того, в чьих руках она находится, для чего используется и как распределяется между различными социальными группами населения. Оружие всех видов, например, может служить для агрессии или подавления революции, но может быть использовано в справедливой оборонительной войне или в борьбе народных масс с эксплуататорами. В силу крайне неравномерного распределения материальных благ, бедности и искусственно поддерживаемой отсталости трудящихся в их сельскохозяйственной технике, жилище, утвари, одежде и других сферах материальной культуры часто пережиточно сохраняются архаические особенности, не соответствующие уровню технического, экономического и культурного развития общества в целом. В царской России такими пережитками были, например, дожившие местами до начала XX в. старинные орудия (сохи, деревянные бороны, серпы, косы-горбуши и др.), курные избы, лапти и онучи, несшитые формы женской поясной одежды типа поневы, деревянная посуда и т. п. Однако некоторые виды материальной культуры всегда играют в общественной жизни и в быту преимущественно отрицательную роль (орудия телесных наказаний, пыток и казней, алкогольные напитки, наркотики и др.).

Более сложна оценка общественной роли духовной культуры на разных этапах человеческой истории и у различных народов. Ленинское положение о «двух национальных культурах в каждой национальной культуре» может быть распространено на культуру всего классового общества, которое всегда отличается неоднородностью своих социальных стереотипов. Когда В. И. Ленин писал о «буржуазной, а в большинстве еще черносотенной и клерикальной культуре» он несомненно имел в виду в первую очередь реакционную духовную культуру, играющую глубоко отрицательную роль в общественной жизни народов любого классового общества. В отличие от материальной духовная культура если не целиком, то во всяком случае во многих своих видах имеет вполне определенную мировоззренческую и политическую направленность, которая

может быть прогрессивной или реакционной. Это положение справедливо по отношению к нормам общественного и семейного поведения и связанным с ними обычаям и обрядам, а также по отношению ко всем гуманитарным наукам, литературе и искусству. В наше время острой идеологической борьбы, отражающей социально-экономические и политические противоречия современной эпохи, огромную роль приобретает партийность гуманитарных наук, литературы и искусства.

Сложная и противоречивая роль духовной культуры в истории общества может быть хорошо раскрыта на примере религии. Основываясь на работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, а также на фактических данных о верованиях и культах народов разных стран и эпох, советские ученые — философы, социологи, историки, этнографы и др. — рассматривают религию как фантастическое мировоззрение, которое в грубо искаженной, мистической форме отражает действительность. «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами, — писал В. И. Ленин, — так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.».

Любая религия представляет собой сложный комплекс различных элементов, включающий собственно идеологическую сферу (верования, представления, мифы), религиозную «практику» (поведение), связанную с верованиями и обрядами, эмоциональные переживания, церковные учреждения, совокупность моральных норм, выражающих религиозную идеологию и ею освященных. Основное в религии как идеологическом явлении — вера в сверхъестественное. Без такой веры не может существовать никакая религия. Очевидно, что все перечисленные элементы религии, включая и главный из них — веру в сверхъестественное, — принадлежит к сфере духовной культуры. Исторически отрицательная роль религии лишней раз убеждает нас в том, что культуру (особенно духовную) нельзя рассматривать только как прогрессивное общественное явление. Как не вспомнить еще раз слова В. И. Ленина о «клерикальной культуре». Ведь само слово «клерикальный» происходит от латинского *clericalis* (церковный), а клерикализм представляет собой одно из самых реакционных политических течений, которое ставит своей целью господство церкви и духовенства в общественной и культурной жизни народов.

Вопреки уверениям клерикалов религия вовсе не свойственна человеку от рождения. В прошлом религия оказывала огромное влияние на развитие духовной, а частично и материальной культуры всех народов мира, поддерживала в их быту наиболее консервативные, часто вредные традиции.

В классовом обществе религия оправдывала и осуждала социальное неравенство, отвлекала трудящихся от освободительной борьбы, проповедовала покорность властям предрержащим, вела борьбу с передовыми учеными, писателями, художниками и другими деятелями культуры, особенно если их творчество носило материалистический и антиклерикальный характер.

Вместе с тем нельзя забывать, что до XV—XVI вв. (а во многих странах и позднее) с религией в той или иной степени было связано развитие науки, литературы, искусства, народного просвещения и других видов духовной культуры, в которых, несмотря на их широкое использование клерикалами, все время шла борьба старого и нового, традиций и инноваций, консервативных и прогрессивных тенденций.

Эти общие положения справедливы по отношению ко всем религиям прошлого и настоящего, начиная с уже знакомых нам племенных культов, которые в настоящее время сохранились у многих народов Австралии и Океании, внутренних районов Южной Америки и Юго-Восточной Азии, Африки к югу от Сахары.

С возникновением классов и государственности религиозные представления усложняются, появляются политеистические религии, для которых характерна вера во многих богов (многобожие). С развитием централизованных деспотических государств политеизм трансформируется в монотеизм (единобожие). Примером может служить *иудаизм*, который возник среди древнего еврейского населения Палестины вначале как политическая религия. В I тыс. до н. э. иудаизм приобрел монотеистический характер. Иудаисты верят в единого бога Яхве, в приход дня небесного суда, в бессмертие души и существование загробного царства, где каждого ждет кара или блаженство за его земные деяния. Важное место в этой религии заняла доктрина о том, что евреи являются богоизбранным народом. Иудаизм распространен среди верующих евреев в различных странах мира. В Израиле иудаизм был объявлен государственной религией.

В Японии возник *синтоизм*, религиозные представления которого связаны с культом предков, культом природы и культом японского императора — микадо. Как и иудаизм, японский синтоизм — местная религия, которую исповедует один народ. В VII в. в Японию проник буддизм. В последние годы синтоизм стал с ним сливаться.

Даосизм и конфуцианство — две местные религии Китая. Они возникли в I тыс. до н. э. как философско-этические учения. В основе даосизма лежит идея слияния человека с природой, обожествление природных сил. Основателем конфуцианства был Куньцзы (Конфуций), живший в 551—479 гг. до н. э. Главное в учении Куньцзы — положение о «чжэн-мин», т. е. о «выправлении имен», что означает строгое соответствие поведения людей их общественному и семейному положению. Это хорошо отвечало интересам правящих классов, утверждая незыблемость социального неравенства и власть императора.

К местным религиям следует также отнести *зороастризм*, который возник на территории Средней Азии и позднее распространился в другие страны Древнего Востока. Создателем считается проповедник Зороастр (Заратустра). Его проповеди вошли в священные древнеиранские книги «Авесту», содержащие свод религиозных и юридических предписаний, песнопений, молитв. Для зороастризма характерны мифологические представления о противоборстве сил добра и зла, вера в бессмертие души, загробную жизнь и поклонение огню. Своих покойников зороастрийцы хоронят на «башнях молчания». Значительная группа зороастрийцев живет в Индии.

С глубокой древности в Индии получила также распространение религия — брахманизм, ставший основой индуизма. В основе религиозных представлений индуистов — учение о перевоплощении душ (сансара), которое происходит в соответствии с законом воздаяния (карма) за добродетельное или порочное поведение. Индуизм — сложная и разветвленная система, включающая философские учения, этико-правовые нормы и религиозно-культурные представления. Верховные божества — Вишну и Шива, почитаются и многие другие боги. Обряды совершаются в храмах, в священных местах или у местных и домашних алтарей. Индуисты считают священными некоторых животных — корову, змей, а также некоторые растения (лотос) и даже реку Ганг. Индуизм закрепляет деление общества на касты, замкнутые ре-

лигиозно-профессиональные группы. Индуизм, кроме Индостана, распространен у тамилы Шри Ланки, у баллийцев в Индонезии и в некоторых странах, где много индийских иммигрантов.

В Индии распространены также джайнизм и сикхизм. Основателем джайнизма считают Джинну (VI в. до н. э.). Он проповедовал, что «спасение» людей не зависит от принадлежности к разным сословиям и кастам. Последователи джайнизма строго соблюдают запрет убийства любого живого существа.

Сикхизм возник в конце XV — начале XVI в., когда духовные вожди сикхов — гуру возглавили борьбу против феодального и сословно-кастового гнета. В основе сикхизма лежит вера в единого бога, отрицание идолопоклонства и признание равенства каст перед богом.

К мировым религиям, к которым принадлежат верующие многих народов и стран, относятся буддизм, христианство и ислам.

Буддизм возник в Северной Индии в VI—V вв. до н. э. Основателем считается Сиддхартха Гаутама, получивший имя Будда («просветленный»). Буддизм воспринял от древнего индийского брахманизма идею кармы (воздаяния) и сансары (перевоплощения), но отверг кастовую систему и многие ритуалы, характерные для индуизма. Сложилось две основные религиозные ветви буддизма — тхеравада, или хинаяна (малая колесница), и махаяна (большая колесница). Согласно учению хинаяны Будда выступает лишь как наставник, а не бог. Для махаяны характерны учение об аде и рае, а также вера во многих богов. Особой разновидностью махаяны является ламаизм, распространенный в Тибете и сопредельных районах. У ламаистов сохранились элементы более древних религий, в частности шаманизма, сильно развито монашество. Махаяна распространена в странах Восточной Азии, тхеравада — в странах Юго-Восточной и Южной Азии.

Одна из наиболее распространенных мировых религий *христианство* — возникло в I в. н. э. в восточных провинциях Римской империи, а затем распространилось и за ее пределы. В основе религиозных представлений лежит вера в божественную миссию богочеловека и спасителя мира Иисуса Христа, который якобы искупил своей мученической смертью грехи всего человечества, вера во второе пришествие Христа, страшный суд и установление

царства божьего. Основными священными книгами христиан является Библия (Ветхий и Новый Завет).

В середине I тыс. н. э. выделилось монофиситское направление христианства. Оно представлено ныне армяно-григорианской, эфиопской, коптской (египетской) и якобитской (сирийской) церквами.

В XI в. оформились *католицизм* и *православие*. Во главе католической церкви стоит папа римский. Особое значение у католиков имеет культ богородицы (Мадонны) — матери Христа. Православие в отличие от католицизма не централизовано и делится на ряд местных (автокефальных) церквей, подчиняющихся своим патриархам — константинопольскому, русскому, сербскому и др. В XV в. в России после реформ патриарха Никона в результате раскола русской церкви возникло старообрядчество. Некоторые православные церкви в западных областях, где было сильное влияние католицизма, пошли на сближение с ним, признав главенство папы римского. Такие церкви получили название униатских.

Особое направление христианства — протестантизм — возникло в эпоху Реформации в XVI в. как антикатолическое движение. Протестанты отвергли папу римского в качестве заместителя бога на Земле. Сформировались три главные ветви протестантизма — лютеранство, кальвинизм (по имени основателей — Лютера и Кальвина) и англиканство в Англии. К кальвинизму примыкает баптизм, получивший особенное распространение в США.

Ислам возник в начале VII в. на Аравийском полуострове. Основатель — Мухаммед (Магомет), «посланник аллаха». Его учение изложено в Коране. Для ислама характерна вера в единого бога, в бессмертие души и загробную жизнь. В VIII в. в исламе выделились два направления: сунниты и шииты. В шиизме развит культ святых мучеников (особенно Хуссейна). Крупной сектой суннитов являются ваххабиты (центральная часть Аравийского полуострова), шиитов — зейдиты (Йеменская Аравийская Республика).

Шииты живут главным образом в Иране, Ираке и ЙАР, сунниты — в арабских странах Юго-Западной Азии и Северной Африки, Турции, Афганистане, Пакистане, Бангладеш, Индонезии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории всего человечества, явилась вместе с тем началом нового этапа развития мировой культуры. В СССР, а позднее и в других странах, вступивших на путь социализма, культурные блага перестали быть преимущественным достоянием эксплуататорских классов, полностью перешли в руки народа и стали доступными самым широким трудящимся массам. Культурный прогресс, тесно связанный со строительством социализма, достиг высоких темпов и широкого размаха: за годы Советской власти в нашей стране произошла подлинная культурная революция. Приведем несколько цифр, иллюстрирующих эти положения. Общий подъем материального и культурного уровня населения, а также успехи советского здравоохранения привели к тому, что средняя продолжительность жизни поднялась с 32 в начале XX в. до 70 лет в 1970 г. Накануне Октября в школах обучалось всего 8 млн. человек. Особенно тяжелым было положение на окраинах России: в Узбекистане, например, насчитывалось только 2% грамотных. В высших учебных заведениях занималось тогда 127 тыс. студентов. В царской России три четверти взрослого населения было неграмотным.

К 1930 г. неграмотность в СССР была полностью ликвидирована. Десятки прежде бесписьменных народов теперь получили письменность на родном языке, стали создавать свою литературу.

К настоящему времени завершено введение всеобщего обязательного восьмилетнего обучения. Огромную роль в дальнейшем развитии школьного образования призвана сыграть школьная реформа, которая была разработана партией и одобрена всем советским народом. Этой реформой предусмотрено увеличение трудовой и общественной активности молодежи, внедрение в школьное образование достижений научно-технической революции, подъем общей культуры и получение профессиональной квалификации для приближения школьного образования к общественному производству. В недалеком будущем все учащиеся с восьмого класса начнут осваивать массовые профессии в соответствии с запросами народного хозяйства, а к окончанию средней школы получать рабочую квалификацию. Главная цель образования — формирование всесторонне развитой личности.

Из года в год в СССР растет количество образованных людей. Так, в 1984 г. различными видами обучения было охвачено свыше 106 млн. человек, из них в общеобразовательных школах обучалось 44,7 млн. человек, в средних профессионально-технических учебных заведениях — 4,1 млн., в средних специальных учебных заведениях — 4,5 млн., в высших учебных заведениях — 5,3 млн. человек.

В 1984 г. 4,6 млн. юношей и девушек получили среднее образование, при этом 1,2 млн. человек — без отрыва от производства. В школах и группах продленного дня находится 12,8 млн. учащихся.

В высшие учебные заведения в 1984 г. принято 1,1 млн. человек, в средние специальные учебные заведения — 1,5 млн. человек, при этом 1 млн. человек, или 38%, принято на вечерние и заочные отделения вузов и техникумов.

В 1984 г. в народное хозяйство направлено 2,1 млн. специалистов, в том числе 0,9 млн. с высшим образованием. Обучено новым профессиям и повысило квалификацию около 40 млн. человек. К концу 1984 г. в стране было 158 млн. человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием.

Читателей обслуживали 133 тыс. массовых библиотек с книжным фондом 2,1 млрд. экз.

В 1984 г. издано свыше 2,3 млрд. книг и брошюр.

Расширились медицинское обслуживание и организованный отдых населения. Численность врачей достигла 1100 тыс. человек.

Работала 151 тыс. киноустановок, число посещений киносеансов за год составило 4 млрд. человек.

Социализм создал широкие возможности для развития науки, поставил ее на службу народу. В СССР в 1984 г. было 1,5 млн. научных работников — четвертая часть всех научных работников мира. В нашей стране функционирует Академия наук СССР, 14 академий союзных республик и пять отраслевых академий (Всесоюзная сельскохозяйственная академия наук им. В. И. Ленина, Академия медицинских наук СССР, Академия педагогических наук и др.). За годы Советской власти Россия превратилась в страну сплошной грамотности, где многие трудящиеся имеют высшее и среднее образование. Они читают книги, посещают театры, концерты, музеи, выставки гораздо больше, чем в любом другом государстве. В СССР издаются книги и газеты на 153 языках,

в том числе на 83 языках народов нашей страны. Основой развития материальной и духовной культуры народов СССР, сохраняющей свою национальную форму, являются социально-политическое и идейное единство советского общества, союз и братство трудящихся классов, социальных групп и национальностей, населяющих нашу страну. Культурный прогресс во всех странах социалистического лагеря неразрывно связан с техническим прогрессом. Он создает необходимые условия для всестороннего физического и духовного развития человека, для гармонического сочетания общественных и личных интересов.

Коренные преобразования всех видов материальной и духовной культуры в странах социализма не означают исчезновение лучших национальных традиций, сложившихся в предшествующие исторические эпохи. Отбрасывая изжившие себя вредные пережитки, тормозящие общественный прогресс, народы социалистических стран бережно сохраняют накопленные ими культурные ценности, развивают их на новой основе и взаимно обогащают ими друг друга в процессе растущих межнациональных и межгосударственных связей. Формы обмена культурной информацией между народами и внедрения ее в быт очень разнообразны. Сюда относятся научные конгрессы, съезды и конференции; переводы произведений национальных литератур на языки народов СССР и других стран; художественные выставки; международные, общесоюзные и республиканские фестивали достижений в области театра, музыки, танца, песни, кино и других видов искусства.

В сфере материальной культуры для нашего времени характерно широкое распространение кушаний национальной кухни, использование народных мотивов при внешнем и внутреннем декоре жилых и общественных зданий, при изготовлении новых образцов тканей и украшений, при создании моделей костюмов для повседневного употребления и особенно для участников ансамблей художественной самодеятельности, массовых праздников песни и танцев, регулярно проводимых во многих советских республиках, а также в социалистических странах (Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, ГДР, Кубе).

Традиционные формы материальной и духовной культуры, насыщенные новым содержанием, часто используются при проведении революционных праздников, мемо-

риальных церемоний и юбилеев, при выработке новых обычаев и обрядов, связанных с разными событиями хозяйственной, общественной, семейной и личной жизни (Новый год, проводы зимы, встреча весны и лета, уборка урожая, рождение ребенка, совершеннолетие, окончание школы, свадьба и т. д.).

Для стран социализма характерен расцвет национальных форм культуры, что осуществляется не в результате усиления национальной изолированности и розни с соседями, увеличения этнических, расовых и религиозных противоречий, как это часто происходит при капитализме, а в результате сближения и взаимного обогащения народов, их братской взаимопомощи и дружбы. В отличие от капиталистических стран отношения между народами в странах социализма свободны от антагонизмов, что ускоряет прогресс культуры.

Конечно, все это не означает, что в капиталистических странах не происходит дальнейшего развития культур отдельных народов. Технический и научный прогресс, особенно быстрый в послевоенные годы, имеет место во всех экономически развитых государствах, к числу которых относятся США, Япония, почти все страны Западной Европы, Канада, Австралия, Новая Зеландия и некоторые другие. Однако несмотря на заметное повышение в последнее время среднего материального уровня жизни населения, распределение культурно-бытовых благ даже в этих передовых капиталистических странах остается крайне неравномерным. Увеличивается пропасть между богатыми и бедными, растет армия безработных, удел которых нужда и голод, усугубляются расовые, религиозные конфликты, продолжается рост преступности. Во многих крупных городах Америки, Западной Европы и Японии (например, в Нью-Йорке, Лондоне, Токио и др.) до сих пор сохраняются трущобы, обитатели которых живут в страшной скученности и часто бывают лишены самых элементарных удобств — водопровода, канализации, центрального отопления, иногда даже электричества.

Для капиталистического мира и в настоящее время остается в силе ленинское положение о двух национальных культурах в каждой национальной культуре. Для реакционной культуры эксплуататорских классов капиталистических стран очень характерно причудливое сочетание крупных научно-технических достижений и бытового комфорта с такими сугубо отрицательными явлениями, как религиозное мракобесие и суеверия всех

видов, различные формы наркомании, индивидуализм и эгоизм в нормах общественной и семейной жизни, всевозможные идеалистические концепции в философии, социологии и других гуманитарных науках, пропаганда жестокости, сексуальности, обреченности, чувства страха, гангстеризма, расовой, национальной и религиозной нетерпимости в литературе и искусстве (особенно в кино, радиовещании и телевидении).

Реакционные формы культуры оказывают в наши дни серьезное влияние на широкие слои трудящихся, в особенности на молодежь, болезненно ищущую своего места в жизни. Вместе с тем в культуре любого народа капиталистического мира существуют, говоря словами В. И. Ленина, «демократические и социалистические элементы», которые прогрессивно развиваются в среде пролетариата, трудовой интеллигенции и некоторых других социальных групп населения. Выразителями этих прогрессивных тенденций в развитии современной культуры являются передовые ученые, писатели, художники, врачи, учителя и другие общественные деятели, ведущие активную борьбу за мир, дружбу между народами и их социальное и духовное раскрепощение. Передовым отрядом этих борцов во всем мире выступают коммунистические и рабочие партии.

В своеобразной обстановке идет прогресс культуры в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, сравнительно недавно завоевавших политическую независимость. Народы этих стран обладают, как правило, разнообразной и высокой материальной и духовной культурой, но они с трудом преодолевают тяжелое наследие колониализма. Перед ними стоят проблемы преодоления экономической и культурной отсталости. Развивающиеся страны несут на себе и груз быстро растущего населения, что также осложняет их экономический и культурный рост. По данным ООН, годовой доход в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки составлял в среднем 150 долларов на душу населения, в то время как в экономически передовых государствах Северной Америки и Западной Европы он в десять и более раз выше. Средняя продолжительность жизни у многих народов развивающихся стран совсем недавно не достигала 30—35 лет. Детская смертность в возрасте до 5 лет составляла 25—50 на 1000, т. е. была в 5—10 раз выше, чем в развитых капиталистических странах. Большинство населения развивающихся стран хронически го-

лодает или по крайней мере недоедает. В настоящее время примерно 900 млн. человек живут в условиях постоянного голода. Борьба с голодом и нищетой находится в прямой зависимости от темпов роста общественного производства в развивающихся странах. Несмотря на высокие темпы этого роста, в абсолютном масштабе разрыв между бедными и богатыми странами в производстве и потреблении на душу населения увеличивается из года в год. Весьма нагляден пример потребления энергии. Хотя в развивающихся странах и растет производство энергии, оно отстает от темпов роста энергетической базы богатых стран. Например, сравнивая потребление энергии на душу населения в США и Венесуэле за период 1949—1976 гг., можно заметить, что разница между этими странами (несмотря на заметный рост производства энергии в Венесуэле) увеличилась за это время с 6280 единиц энергии (кг в угольном эквиваленте) до 8720 условных единиц.

Весьма заметно отставание развивающихся стран в области образования. Во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки большинство взрослого населения (старше 25 лет) никогда не посещало школу. В Индии и Иране неграмотно около $\frac{2}{3}$ взрослого населения, в Пакистане — почти $\frac{4}{5}$, в Бангладеш — $\frac{3}{4}$. На африканском континенте в Египте, Ливии, Кении неграмотные составляют свыше половины населения, в Бенине, Марокко, Мозамбике — от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$. В таких странах, как Нигер, Сомали и Буркина-Фасо неграмотные превышают 90% всего взрослого населения.

Однако борьба с неграмотностью, широко развернувшаяся во многих развивающихся странах, приносит свои плоды. Особенно заметен культурный прогресс в тех государствах, где при поддержке народных масс были осуществлены демократические преобразования хозяйственной и общественной жизни (Народная Демократическая Республика Йемен, Сирия, Ангола, Алжир, Эфиопия и др.). Определенные успехи в этих странах достигнуты в области здравоохранения, народного просвещения, науки, литературы и искусства. Так, например, в многонациональной Индийской Республике — крупнейшей из развивающихся стран мира — с населением почти 700 млн. человек за период независимости средняя продолжительность жизни возросла с 32 лет до 51 года, доли грамотных повысилась вдвое (с 15 до 33%), а число учащихся в возрасте от 6 до 17 лет увеличилось с 24,5 до

96,4 млн. человек. За это же время в стране было сооружено много крупных индустриальных центров, электрифицировано около половины сельских поселений, открыто более 50 новых университетов. Большая и плодотворная работа по экономическому и культурному развитию малых народов проводится в Индии специальными «сельскими блоками общинного развития», в многогранной деятельности которых принимают активное участие агрономы, врачи, учителя, ученые разных специальностей (включая антропологов и этнографов). Индийская наука, литература и искусство в послевоенные годы заняли достойное место в сокровищнице мировой цивилизации. Как и во многих развивающихся странах, культурный прогресс в Индии осуществляется при активной помощи СССР и других социалистических государств. Он развивается на основе сложного и противоречивого сочетания достижений мировой культуры и лучших культурных традиций народов страны.

* * *

Культурный прогресс в той или иной степени захватывает все народы нашей планеты независимо от их расовой, языковой и этнической принадлежности или социально-экономического уровня, но протекает он в настоящее время крайне неравномерно и своеобразно в странах социализма, в развитых капиталистических странах и странах развивающихся. Важным фактором этого прогресса являются такие характерные для наших дней процессы, как борьба за экономическую независимость, борьба за мир и разрядку международной напряженности, рост всех видов взаимосвязей между странами с различным социально-экономическим строем, выбор многими молодыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки некапиталистического пути развития; исторические победы народов Кубы, Вьетнама, Лаоса, Кампучии, Эфиопии и других стран, которые выбрали социалистический путь развития.

Основу развития всех видов культуры (особенно материальной) составляют в наши дни грандиозные достижения науки и техники, которые смело можно назвать мировыми и невиданными ни в какие исторические эпохи прошлого. Достаточно упомянуть такие инновации последних десятилетий, как овладение энергией ядерного распада, базирующееся на раскрытии тайн микромира;

выход людей в космос и высадка их на Луне, космические исследования, успехи изучения и охраны природных ресурсов и энергетических запасов суши и моря; достижения электронно-вычислительной техники и кибернетики, радиовещания и телевидения, математики, физики, химии, новых отраслей биологии — биофизики, биохимии, ботаники, молекулярной генетики и др., а также медицины, в частности применения антибиотиков и полостной хирургии. В осуществлении научно-технической революции также большая роль принадлежит машиностроению и автоматизации производственных процессов.

Технический и научный прогресс, особенно быстрый в последние годы, способствовал созданию многих общих элементов культуры, распространенных по всему миру. Особенно ярко это проявляется в сфере общественного производства стандартизованных изделий самого широкого ассортимента: от станков и автомобилей до эмалированных кастрюль и предметов домашнего обихода. Научно-техническая революция способствует формированию слагаемых элементов общемировой культуры. Интернационализация затрагивает не только сферу материальной культуры, но и духовную культуру через печать, издание книг, радио, кино, телевидение. Интенсификация коммуникативных связей способствует распространению по всей земле сходных элементов духовной культуры: от мировых шедевров искусства, произведений живописи, скульптуры, музыки и художественной литературы до массовых фестивальных зрелищ, спорта и туризма.

Интернационализация ряда элементов культуры, однако, не уменьшает больших различий между миром социализма и миром капитализма.

Сама по себе научно-техническая революция, однако, не уничтожает неравномерного распределения материальных и духовных благ ни между социальными группами населения каждой страны, ни между разными странами и живущими в них народами.

В работах многих зарубежных ученых — философов, социологов, историков и др. часто приходится читать о возникновении нового индустриального общества, которое якобы сглаживает и даже ликвидирует противоречия между капитализмом и социализмом. Современный научно-технический прогресс действительно грандиозен и носит мировой характер, так как он достигнут коллективным творческим трудом людей, принадлежащих к разным

народам. Однако говорить о едином индустриальном обществе, конечно, невозможно, пока в мире идет острая борьба между капитализмом и социализмом, пока существуют эксплуататорские и эксплуатируемые классы, угнетающие и угнетаемые нации. Нельзя забывать, что роль любых технических, научных, экономических или культурных достижений в жизни всего человечества или отдельных народов всецело зависит от того, в чьих руках эти достижения находятся, чьим целям они служат.

Правящими кругами в ряде капиталистических стран искусственно насаждается культ силы и насилия, терроризм возводится в ранг государственной политики. Все это свидетельствует о растущей пропасти между быстрым техническим прогрессом в этих развитых странах и деградацией духовных ценностей всех основ буржуазной культуры, апологеты которой ищут противоядие в борьбе с научным коммунизмом в религии, расовых и этнических предрассудках и прямых военных авантюрах. В «горячих» точках планеты то и дело вспыхивают военные пожары, которые могут охватить огромные территории и даже всю Землю.

Перспектива дальнейшего развития культуры всех народов Земли прямо зависит от того, удастся ли отстоять мир на планете. Покорив многие силы природы, создав высокоразвитую промышленность и огромные города, удивительные средства коммуникации, человек создал и разрушительные силы, ставшие угрозой всему живому на Земле. Эта угроза исходит из империалистических кругов капиталистических стран, где военно-промышленные концерны получают гигантские прибыли от гонки вооружений. Они прикладывают огромные усилия для сохранения напряженности во всем мире, наращивая из года в год свои вооружения и создавая все новые военные базы. Важнейшее место в возрождении идей «холодной войны» принадлежит крупнейшей стране капиталистического мира — США, военные базы которой размещены по всем океанам и континентам. Остановить гонку вооружений, сократить ядерные арсеналы и предупредить милитаризацию космоса призывают миллионы простых людей на всей планете. Борьба за мир объединяет народы Земли, которые верят в светлое будущее человечества, основанное на безграничных возможностях творческого труда, знаний и мысли.

Народы

- Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 1.
- Ленин В. И.* Критическое замечание по национальному вопросу.— Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И.* О национальной гордости великороссов.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.* О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39.
- Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974.
- Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. П.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— В кн.: Расы и народы. М., 1972, вып. 2.
- Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. П.* Формирование древних этнокультурных общностей.— В кн.: Страны и народы. Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия. М., 1979.
- Атлас народов мира. М., 1964.
- Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучения. М., 1981.
- Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бромлей Ю. В., Пучков П. П.* Этнические общности: их историко-типологическая и этнолингвистическая классификация.— Природа, 1983, № 9.
- Брук С. П., Чебоксаров Н. П.* Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— СЭ, 1961, № 4.
- Брук С. П., Чебоксаров Н. П.* Метаэтнические общности.— В кн.: Расы и народы. М., 1976, вып. 6.
- Брук С. П.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.
- Вайнштейн С. П.* Историческая этнография тувишцев. М., 1972.
- Гуляев В. П.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
- Гусева Н. Р.* Индия: тысячелетия и современность. М., 1971.
- Гусева Н. Р.* Многоликая Индия. М., 1980.
- Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурёсы. К этнической истории корейцев. М., 1972.
- Долгих В. О.* Образование современных народностей Севера СССР.— СЭ, 1967, № 3.
- Долгих В. О.* Очерки по этнической истории пенцев и энцев. М., 1970.
- Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М., 1971.
- Еремеев Д. Е.* На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980.
- Илич-Савитыч В. М.* Опыт словаря ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (В—К). М., 1971.

- Псмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973.
- Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.
- Козлов В. И. Проблема этнического сознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2.
- Крюков М. В., Малаяин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
- Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. М., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Крюков М. В., Малаяин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.). М., 1984.
- Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.
- Морган Л. Древнее общество. Л., 1935.
- Периц А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии.— СЭ, 1967, № 5.
- Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968.
- Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Файнберг Л. А. Индейцы Бразилии. М., 1975.
- Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы.— СЭ, 1952, № 1.
- Чебоксаров Н. Н. Проблема происхождения древних и современных народов. М., 1964.
- Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии, этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4.
- Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
- Шапошникова Л. В. Австралоиды живут в Индии. М., 1976.
- Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981.
- Этнография. Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. Учебник. М., 1982.
- Biasutti R. Razze e Popoli della Terra. Torino, 1959, v. 1—4.
- Buscham G. Die Sitten der Völker. Leipzig (6. r.), Bd. 1—4.
- Sol Tax (ed.). Horizons of Anthropology. Chicago, 1966.
- Völkerkunde für Jedermann. Leipzig, 1967.
- Naroll R. On Ethnic Unit classification.— Current Anthropology, 1964, N 5, p. 283—310.
- Cheboksarov N. N. The processes of national consolidation in the countries of Southern and South-Eastern Asia. M., 1966.

Расы

- Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 20.
- Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.
- Афинский призыв ЮНЕСКО (Афины, 1981).— Расы и народы. М., 1982, вып. 12, с. 266—269.
- Борисковский П. И. Древнее прошлое человечества. Издание второе, переработанное и дополненное. Л., 1979.
- Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования.— СЭ, 1956, № 1, с. 86—105.

- Бунак В. В. Род хомо. Происхождение и дальнейшая эволюция. М., 1980.
- Вавилов Н. П. Избранные произведения. В 2-х т. Л., 1967.
- Гладкова Т. Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. М., 1966.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948.
- Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас.— СЭ, 1956, № 4, с. 135—136.
- Зубов А. А. Человек заселяет свою планету. М., 1963.
- Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.
- Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.
- Маккьюсик В. Генетика человека. М., 1967.
- Нестурж М. Ф. Человеческие расы. М., 1966.
- Нильс Дж. В., Шэлл У. Дж. Наследственность человека. М., 1958.
- Проблемы эволюции человека и его рас. Сборник. М., 1968.
- Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951.
- Расы и общество. Критика теории и практики расизма. М., 1982.
- Расогенетические процессы в этнической истории. Сборник памяти Г. Ф. Дебеца. М., 1974.
- Рогинский Я. Я. Моноцентризм и полицентризм в проблеме происхождения современного человечества и его рас. М., 1949.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978.
- Современная антропология. М., 1964.
- Харрисон Дж. и др. Биология человека/Пер. с англ., под ред. В. В. Бунака. М., 1968.
- Хитъ Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
- Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций.— В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951, с. 291—321.
- Чебоксаров Н. Н. Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики.— В кн.: Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции. М., 1954, с. 13—35.
- Чебоксаров Н. Н. О специфике расообразования у человека.— СЭ, 1976, № 1, с. 139—144.
- Чебоксаров Н. Н. Образование рас.— В кн.: Земля и человечество. Общий обзор. 20-томное издание «Страны и народы». М., 1978, с. 102—109.
- Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая. М., 1982.
- Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация. М., 1973.
- Штерн К. Основы генетики человека. М., 1965.
- Этническая одонтология СССР. М., 1979.
- Эфроимсон В. П. Введение в медицинскую генетику. М., 1968.
- Boas Franz. Race, Language and Culture. N. Y., 1940.
- Coon C. S. The Origin of Races. N. Y., 1963.
- Coon C. S. The Living Races of Man. N. Y., 1965.
- Cheboксarov N. N. Human Races and Populations.— In: Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems. М., 1974, p. 45—62.
- Schwidetzky L. Die neue Rassenkunde. Stuttgart, 1962.

Культуры

- Маркс К. Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». — Архив Маркса и Энгельса, т. IX.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 21.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 20.
- Маркс К., Энгельс Ф. О религии. М., 1955.
- Ленин В. И. Социализм и религия. — Полн. собр. соч., т. 12.
- Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс. — СЭ, 1968, № 2.
- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — СЭ, 1972, № 2, с. 3—16.
- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области: проблемы историко-этнографического районирования. — СЭ, 1975, № 3, с. 15—25.
- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии. — СЭ, 1975, № 4, с. 33—50.
- Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М., 1978.
- Арутюнов С. А., Соколов Э. В. Динамичность современной культуры. — В кн.: Страны и народы. Земля и человечество. Общий обзор. М., 1978, с. 317, 324.
- Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Современная география культур. В кн.: Страны и народы. Земля и человечество. Общий обзор. М., 1978, с. 294—316.
- Басилов В. И. Среднеазиатское шаманство. М., 1973.
- Бахтеев Ф. Х. Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960.
- Вдовин И. С. Исследования шаманизма народов Сибири и Севера. М., 1973.
- Вереш П. Т. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 179—189.
- Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религиозных верований. М., 1977.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке вопроса. — СЭ, 1955, № 4, с. 3—17.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Понятие о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. — В кн.: Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания. Америка. Африка. М., 1957, с. 41—66.
- Лиш Яо-хуа, Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы Китая. — В кн.: Восточноазиатский сборник. М., 1961, 11.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. М.; 1973; Весенние праздники. М., 1977; Летне-осенние праздники. М., 1978.
- Крыжовель И. А. История религий. М., 1975, т. 1. М., 1976, т. 2.
- Кунов Е. Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929.
- Липс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.
- Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979.

- Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М., 1979.
- Очерки русской культуры XIII—XVII вв. В 6-ти тт. М., 1969—1979.
- Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975.
- Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968.
- Типы традиционного сельского жилища народов в странах Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
- Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981.
- Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
- У Жукав, Чебоксаров Н. Н. О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая.— СЭ, 1954, № 4, с. 3—25.
- Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии.— В кн.: Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965, с. 90—112.
- Чебоксаров Н. Н. Основные историко-этнографические регионы и хозяйственно-культурные типы Китая.— В кн.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979, с. 121—123.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Экология и типы традиционного сельского жилища.— В кн.: Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984, с. 34—64.
- Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981.
- Chebokсарov N. N. Economic-cultural types and historico-ethnographic provinces of the Eastern Asia. М., 1966.
- Goodenough W. H. (ed.). Explorations in Cultural Anthropology. N. Y., 1964.
- Lerois-Gourhan A. Milieu et Technique. Paris, 1950.
- Lerois Gourhan A. L'homme et la Matiere. Paris, 1949.
- Schmidt W., Koppers W. Gesellschaft und Wirtschaft der Völker. Regensburg, 1924.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям второго издания

Народы

Что такое народ	6
Каждый ли народ говорит на своем собственном языке?	8
Этнические территории	12
Экономическая база этноса	19
Культурно-бытовые особенности этноса и этническое самосознание	22
Этнические общности разных порядков	29
Языковая классификация народов	36
Первоначальное расселение человечества и образование языковых семей	48
Этническая история древних народов	54
Как складывалась современная этническая карта мира	64
Первобытные племена и их родственные группы . .	69
Народности докапиталистических классовых обществ	73
Нации и национально-политические общности . . .	77
Этносы эпохи социализма	82

Расы

Что такое раса	92
О волосяном покрове, цвете кожи, волос и глаз . .	96
Рост, вес и пропорции тела	100
Расовые признаки головы и лица	104
Для чего антропологи изучают расы	110
Сколько существует рас и сколько людей принадлежит к каждой из них	114
Как наследуются расовые признаки	123
Группы крови	129
О зубных бугорках, пальцевых узорах, цветовой слепоте и пробе вкуса на фенилтипокарбамид	137
Как, когда и где возникли расы человека	142
Об изоляции, дрейфе генов, миграциях и смешении рас	152
Общественное развитие человечества и расы . . .	158

Культуры

Что такое культура	172
Хозяйственно-культурные типы	177

Охотники, собиратели и рыболовы	184
Ручные земледельцы	196
Скотоводы	205
Пашенные земледельцы	213
Историко-этнографические области	222
Совпадают ли хозяйственно-культурные группы с этническими и расовыми?	228
Общество и культурные стереотипы	235
Новое и старое в культуре	243
Культурные «плюсы» и «минусы»	249
Культурный прогресс и современность	256
Литература	265

Николай Николаевич Чебоксаров,
Ирина Абрамовна Чебоксарова

НАРОДЫ. РАСЫ. КУЛЬТУРЫ

Утверждено к печати
редколлегией серии научно-популярной литературы
Академии наук СССР

Редактор Б. В. Андрианов
Редактор издательства Г. В. Моисеенко
Художник В. Н. Завьялов
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технические редакторы М. Н. Комарова, М. Л. Анучина
Корректоры Р. С. Алямова, М. В. Борткова

ИБ № 29765

Сдано в набор 28.03.85.

Подписано к печати 28.06.85.

Т-04283. Формат 84×108^{1/32}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр. отт. 14,59. Уч.-изд. л. 15,6

Тираж 100 000 экз. Тип. зак. 1246

Цена 95 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6